

Социологический институт РАН
Федерального научно-исследовательского
социологического центра Российской академии наук

Власть и элиты

Power and elites

Том 6
Выпуск 2

Санкт-Петербург
2019

УДК 32
ББК 66.0
В 58

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

А.В. Дука, к.пол.н., главный редактор
А.В. Быстрова, к.э.н.
В.В. Козловский, д.филос.н.
Д.Б. Тев, к.с.н.
А.М. Флягин, ответственный секретарь

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

В.А. Ачкасов (С.-Петербург, Россия)
О.В. Гаман-Голутвина (Москва, Россия)
В.А. Гуторов (С.-Петербург, Россия)
А.А. Зоткин (Симферополь, Россия)
Н.Ю. Лапина (Москва, Россия)
В.Г. Ледяев (Москва, Россия)
О.Ю. Малинова (Москва, Россия)
В.П. Мохов (Пермь, Россия)
П.В. Панов (Пермь, Россия)
И. Панькув (Краков, Польша)
У. Хоффманн-Ланге (Бамберг, Германия)
А.Е. Чирикова (Москва, Россия)

EDITOR

A. Duka, Dr., St. Petersburg

ASSISTANT EDITOR

A. Flyagin, St. Petersburg

EXECUTIVE BOARD

A. Bystrova, Dr., St. Petersburg
V. Kozlovskiy, Dr., Prof, St. Petersburg
D. Tev, Dr., St. Petersburg

EDITORIAL BOARD

V. Achkasov (St. Petersburg, Russia)
A. Chirikova (Moscow, Russia)
O. Gaman-Golutvina (Moscow, Russia)
V. Gutorov (St. Petersburg, Russia)
U. Hoffmann-Lange (Bamberg, Germany)
N. Lapina (Moscow, Russia)
V. Ledyayev (Moscow, Russia)
O. Malinova (Moscow, Russia)
V. Mohov (Perm, Russia)
I. Pańków (Warszawa, Poland)
P. Panov (Perm, Russia)
A. Zotkin (Simferopol, Russia)

Научное периодическое издание «Власть и элиты» выходит с 2014 года.
Включено в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

СОДЕРЖАНИЕ

Элиты и политическая интеграция

- А.А. Зоткин.* Пятилетие «Крымской весны»
и проблемы интеграции Крыма в политическую систему России 5

Рекрутирование элит и карьерные траектории

- А.С. Быстрова, А.Б. Даугавет, А.В. Дука, Н.В. Колесник,
А.В. Невский, Д.Б. Тев.* Институционализация политической элиты:
источники рекрутирования и карьера 24
- Е.Ю. Рождественская.* Социальная мобильность управленческой элиты,
ее образовательные капиталы и профессиональные траектории 67

Элиты в пространстве дискурса и символического

- Н.И. Карбаинов.* Образы истории Волжской Булгарии в постсоветском
Татарстане: версия элит и массовые представления 107
- А.Ю. Швая.* Визуальный дискурс президентских выборов во Франции:
иконографический анализ официальных афиш кандидатов 134

Проблемы морали и нравственности в политике

- В.Л. Римский.* Справедливость от государства:
ожидания и реальность 156
- В.А. Гуторов.* Неустойчивая ответственность: контуры утопии 176

Размышление над книгой

- Л.А. Фадеева.* «Кто здесь главный?». Политический лидер
в институциональном контексте (размышления по поводу
книги Арчи Брауна «Типы лидеров: определить,
найти подход, добиться своего») 196

- Сведения об авторах 205

CONTENTS

Elites and Political Integration

- A. Zotkin.* The 5th anniversary of the “Crimean spring” and the problems of integration of Crimea into the political system of Russia 5

Elite Recruitment and Career Paths

- A. Bystrova, A. Daugavet, A. Duka, N. Kolesnik, A. Nevskiy, D. Tev.*
Institutionalization of the political elite:
sources of recruitment and career 24
- E. Rozhdestvenskaya.* Social mobility of the managerial elite,
its educational capital and professional trajectories 67

Elites in the Space of Discourse and Symbolic

- N. Karbainov.* Images of Volga Bulgaria’ history in post-soviet Tatarstan:
elite version and mass representations 107
- A. Shvaya.* Visual discourse of president elections in France:
iconographic analysis of official candidate posters 134

Problems of Morality and Ethics in Politics

- V. Gutorov.* The unstable responsibility: contours of utopia 156
- V. Rimskiy.* Fairness from the state: expectations and reality 176

Reflections about the Book

- L. Fadeeva.* “Who is in charge here?”. Political leader
in an institutional context 196

- Contributors 205

ЭЛИТЫ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ

ПЯТИЛЕТИЕ «КРЫМСКОЙ ВЕСНЫ» И ПРОБЛЕМЫ ИНТЕГРАЦИИ КРЫМА В ПОЛИТИЧЕСКУЮ СИСТЕМУ РОССИИ

А.А. Зоткин

Цитирование: Зоткин А.А. Пятилетие «Крымской весны» и проблемы интеграции Крыма в политическую систему России // Власть и элиты. 2019. Т. 6. № 2. С. 5–23.

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2019.6.2.1>

Аннотация. Рассмотрены процессы интеграции Крыма в институциональное поле России в целом и ее политическую систему в частности. Результативность этих процессов зависит от ряда факторов: 1) предыдущий опыт переживания институциональных «взрывов», связанных с изменением социально-политической ситуации; 2) неустойчивая «колея развития» («path dependence») и особая конфигурация многосоставной идентичности, в которой сегмент гражданской идентичности имел нестабильный характер; 3) система межнациональных и межкультурных отношений, сформировавшаяся в регионе в постсоветский период; 4) внешние центры влияния и продуцируемые ими импульсы притяжения или угроз. Эти факторы оказывали и оказывают на ситуацию в регионе разную степень воздействия. Причем степень и характер воздействия разных факторов может меняться (усиливаться или ослабевать, менять вектор) в тот или иной период времени. Это хорошо просматривается на парадоксе противоположного эффекта, ставшего результатом изоляционной и санкционной политики, направленной против Крыма внешними игроками. Приведенные в статье фактические показатели, например модели политико-управленческой культуры крымских региональных элит, их отношений с федеральным центром, участие отдельных сегментов крымского регионального сообщества, являются следствием воздействия указанных факторов в их меняющейся динамичной комбинации. Острота «институционального взрыва» в Крыму компенсировалась 1) моральной

готовностью к изменениям со стороны большинства крымского регионального сообщества; 2) трансляцией новых институциональных форм со стороны федерального центра и других субъектов РФ; 3) внешними угрозами и изоляцией полуострова; 4) «институциональной мимикрией». Наследием прежнего институционального поля являются, во-первых, инерционно сохраняющиеся модели политической культуры и опривыченные политические практики, которые воплощаются в определенную систему, генерирующую алгоритмы политико-управленческого поведения, и, во-вторых, субъекты региональной политической системы, непосредственно играющие роль носителей и трансляторов указанных моделей и практик. Как следствие, в Крыму как субъекте РФ наблюдается проблема эффективности управления, которая важнее политических форм. Крымские элиты оказались между «молотом» требований со стороны федерального центра и «наковальней» местных условий. В число последних входят, во-первых, устоявшиеся еще с украинских времен паттерны политической культуры и модели отношений с центром, во-вторых, отсутствие управленческого опыта в крупных проектах и, в-третьих, низкая степень управляемости в контексте возможностей повышения эффективности политико-административной системы региона. Навыки адаптационных способностей, приобретенные и отточенные крымскими региональными элитами в условиях украинской политической системы, благоприятно сказались на процессах их политической «перестройки» и перехода в новое для них институциональное поле. Вместе с тем можно предполагать, что способность к быстрой мимикрии имеет поверхностный характер, что, в свою очередь, обуславливает ее низкую инструментальную эффективность в ситуации системного перехода, когда востребованными оказываются не столько политические, сколько управленческие навыки. Такое несоответствие стратегии центра и местных опривыченных в украинский период политико-управленческих практик актуализирует потребность в обновлении региональных элит не только и не столько в ее персональном составе, сколько на качественном уровне повышения ее эффективности как составляющей общероссийской системы власти. Процессы обновления региональной элиты Крыма тесно увязаны с вопросами участия граждан в политическом развитии региона. Одной из проблем в данном комплексе является интеграция крымских татар в институциональное поле России и, в частности, их включенность в социально-политические процессы. Можно говорить о наличии ощутимых расколов внутри крымско-татарского народа, что обуславливается, во-первых, сложным восприятием факта перехода Крыма в состав России и в связи с этим выраженным политическим эскапизмом и выжидательной позицией. Во-вторых, крымские татары не имеют единой общественной позиции ввиду наличия нескольких центров политического влияния. Одной

из важнейших проблем является нерешенный вопрос о признании статуса Крыма как субъекта Российской Федерации. Если со стороны высшего руководства России вопрос статуса полуострова закрыт и не подлежит пересмотру, то со стороны политических элит ведущих стран западного мира Крым рассматривается как инструмент давления на Россию (что сопровождается избирательным санкционным режимом) и как возможный предмет торга. В ходе проведения мониторингового исследования был выявлен и проанализирован спектр позиций и точек зрения относительно политико-правового статуса Крыма, которые находят свой информационный выход как в официальной дипломатической риторике, голосовании за принятие резолюций на уровне наднациональных структур или решения на государственном уровне, так и через каналы СМИ. Несмотря на то что на проблему определения политико-правового статуса полуострова у мирового сообщества прослеживается спектр разнообразных точек зрения, иногда не совпадающих с реальными практиками, полагаем, «Крымский вопрос» де-юре вряд ли может быть решен в краткосрочной перспективе без кардинального переустройства мировой системы и пересмотра «правил игры» в международных отношениях. Можно констатировать парадоксальный эффект изоляционной и санкционной политики, направленной внешними игроками против Крыма. Создавая в Крыму атмосферу «осажденной крепости», нанося экономический ущерб и приводя к «удорожанию» Крыма для России, политика внешних игроков при этом парадоксальным образом способствует более быстрому и эффективному переходу региона в институциональное поле России и в конечном итоге оказывает положительное влияние на степень управляемости в Крыму.

Ключевые слова: Крым, социальные институты, политическая система, эффективность управления, региональные элиты, крымские татары, международные отношения, «Крымский вопрос».

Несмотря на то что Крым уже пять лет входит в состав Российской Федерации, актуальными не только для системы государственного управления, но и для всего российского общества остаются вопросы дальнейшей интеграции крымского регионального сообщества в институциональное поле России в целом и ее социально-политическую систему в частности. На пленарном заседании Первого крымского социологического форума М.К. Горшков обозначил задачу интеграции Крыма в институциональное поле России: «Нам хотелось бы видеть не только Крым в России, но и Россию в Крыму». На фоне постановки широкомасштабных социальных задач вызывают удивление «победные реляции» отдельных чиновников об ускоренной интеграции Крыма

в социальное пространство России. Можно констатировать, что Крым представляется как регион, имеющий заметные отличия от других субъектов РФ. И если его интеграция на формальном уровне (например, в правовое поле) состоялась, то иные социальные сферы крымского регионального сообщества еще далеки от «синхронизации» с общероссийской социальной системой. Этот тезис обосновывается нами исходя из следующих положений теории социальных институтов. Во-первых, социальные институты по определению являются устойчивыми образованиями и обладают высоким уровнем резистентности к внешним изменениям. Во-вторых, институциональные изменения имеют большую инерционную силу и, как правило, растянуты во времени. Иногда институциональные трансформации могут охватывать весьма значительные периоды времени. В-третьих, новые социальные институты могут находиться в глубокой связи и сильной зависимости от траектории предшествующего развития, чему соответствуют теоретические концепты *path dependence*, родоначальниками которых стали П. Дэвид [Дэвид 2007] и А. Мэддисон [Мэддисон 2015]. В российском научном дискурсе они более известны под названием «колеи развития» [Аузан 2017; Казакова 2012]. В-четвертых, институциональные изменения могут носить инкрементный характер [Норт 1997: 17–18] и проходить в формах а) перетекания содержания старых институтов в новые или б) прироста на базе старых институтов новых институциональных образований. И наконец, в-пятых, «взрывной» тип институциональных изменений [Головаха, Панина 2001: 7] имеет своим следствием аномию и может компенсироваться или быстрым ростом новых институтов или «институциональной мимикрией».

Исходя из вышеозначенных тезисов мы должны отметить еще один факт. На постсоветском пространстве Крым является регионом, социальная общность которого переживала смену условий своего существования относительно чаще, чем другие регионы. Это, в свою очередь, влияло на идентификационные установки крымчан. Так, крушение СССР сопровождалось кризисом утраты советской идентичности. Параллельно с этим на полуострове внедрялась украинская идентичность, которая, впрочем, в крымском региональном сообществе приобрела специфическую конфигурацию. Как констатировали аналитики Украинского центра экономических и политических исследований на основании проведенного ими социологического исследования в Крыму в 2008 г., у большинства крымского регионального сообщества идентичность сочеталась с силь-

ными пророссийскими настроениями и инструментальным, прагматическим отношением к украинскому гражданству [Національна безпека і оборона 2008]. Немаловажное значение в формировании идентификационных установок крымчан играли и продолжают играть, во-первых, установившаяся система межнациональных отношений, а во-вторых, специфический для замкнутых территорий феномен так называемого «островного менталитета» (при этом следует отметить, что он пока относится к числу конструктов, недостаточно проработанных на теоретическом уровне). С 2014 г. в эту мозаику был включен компонент российской гражданской идентичности. Таким образом, мы можем видеть в Крыму наличие как специфических основ для формирования особого характера региональной идентичности, так и определенных разломов, неблагоприятно сказывавшихся на формировании гражданской идентичности. Можем предположить, что из-за пережитых «институциональных взрывов» и последующих кризисов гражданская идентичность отдельных сегментов крымского регионального сообщества еще какой-то период времени может пребывать в размытом состоянии и замещаться региональной, этнической, религиозно-культурной идентичностями. Это, в свою очередь, может заметно тормозить процессы интеграции Крыма в институциональное поле России.

Изложив основные теоретические положения, которые ставят под сомнения высказывания о скорой интеграции Крыма в российское институциональное поле, очертим главные гипотезы, из которых мы исходили при написании статьи.

1. Крым имеет 23-летний опыт пребывания в составе Украины, двигавшейся по иной, существенно отличающейся от российской, траектории развития.

2. «Институциональный взрыв», являющийся следствием перехода Крыма в состав РФ, носил неглубинный характер, но задал траекторию движения институциональных изменений.

3. Острота «институционального взрыва» компенсировалась а) моральной готовностью к изменениям со стороны большинства крымского регионального сообщества; б) трансляцией новых институциональных форм со стороны федерального центра и других субъектов РФ; в) внешними угрозами и изоляцией полуострова; г) «институциональной мимикрией».

4. Наследием прежнего институционального поля являются, во-первых, инерционно сохраняющиеся модели политической культуры

и «опривыченные» политические практики, которые воплощаются в определенную систему, генерирующую алгоритмы политико-управленческого поведения, и, во-вторых, субъекты региональной политической системы, непосредственно играющие роль носителей и трансляторов указанных моделей и практик.

5. Как следствие, в Крыму как субъекте РФ наблюдается проблема эффективности управления («степени управляемости» по С. Хантингтону [Хантингтон 2004: 22]), которая важнее политических форм.

Одной из наиболее острых проблем эффективности управляемости в Крыму остается дотационный характер региона. Так, соотношение в бюджете Республики Крым собственных доходов и дотаций из федерального центра в 2014 г. составляло 17 млрд руб. и 105,3 млрд руб., в 2015 г. — 31,4 млрд руб. и 64 млрд руб., в 2016 г. — 40,6 млрд руб. и 79,7 млрд руб., в 2017 г. — 47,3 млрд руб. и 101,1 млрд руб., в 2018 г. — 53 млрд руб. и 121,9 млрд руб., в 2019 г. — 42,8 млрд руб. и 144,1 млрд руб. соответственно [Основные характеристики бюджета Республики Крым 2019]. Дотации из федерального центра в 2019 г. составляют 77 % от общего бюджета республики. Крым показал высокие темпы прироста доходов бюджета (в три раза — с 17 млрд руб. в 2014 г до 54 млрд руб. в 2018 г.). Это объясняется в первую очередь налаживанием экономической системы и работы налоговых служб. При этом декларирование председателем Госсовета РК В. Константиновым планов о выходе на уровень собственных доходов в 100 млрд руб. и в дальнейшем на бездотационный уровень представляются излишне оптимистичными. Если посмотреть на структуру собственных доходов в бюджете Республики Крым в 2019 г., то можно видеть, что большую долю их составляют налоги на доходы физических лиц (19,3 млрд руб.), налоги на прибыль организаций (6,6 млрд руб.), акцизы (5,6 млрд руб.), неналоговые доходы (4,2 млрд руб.) и упрощенная система налогообложения (3,6 млрд руб.) [Основные характеристики бюджета Республики Крым 2019]. Очевидным является факт, что Крым в нынешнем его состоянии достигает пределов своего экономического роста, превысить который будет сложно без системной модернизации и расширения производственной базы в регионе. На это направлены усилия и финансовые вложения со стороны федерального центра, инициировавшего выполнение федеральной целевой программы «Социально-экономическое развитие Республики Крым и г. Севастополя» (на период 2014–2022 гг. на ее реализацию предусмотрено выделение 961,8 млрд руб.). И здесь

просматривается расхождение между стратегией центра и управленческими практиками крымских элит, которые на протяжении пяти лет демонстрируют недостаточный уровень выполнения указанной ФЦП, что в конечном итоге является показателем низкой степени управляемости в регионе. И если уровень «бытовой коррупции» в Крыму заметно снизился, то властную вертикаль Крыма от республиканского до местного уровня регулярно сотрясают коррупционные скандалы, сопровождаемые заключением под стражу и вынесением судебных приговоров должностным лицам республиканского и местного уровней власти.

Таким образом, крымские элиты оказались между «молотом» требований со стороны федерального центра и «наковальной» местных условий. В число последних входят, во-первых, устоявшиеся еще с украинских времен паттерны политической культуры и модели отношений с центром, во-вторых, отсутствие управленческого опыта в крупных проектах и, в-третьих, низкая степень управляемости в контексте возможностей повышения эффективности политико-административной системы региона. Навыки адаптационных способностей, приобретенные и отточенные крымскими региональными элитами в условиях украинской политической системы, благоприятно сказались на процессах их политической «перестройки» и перехода в новое для них институциональное поле. Вместе с тем можно предполагать, что способность к быстрой мимикрии имеет поверхностный характер, что, в свою очередь, обуславливает ее низкую инструментальную эффективность в условиях системного перехода, когда востребованными оказываются не столько политические, сколько управленческие навыки. Такое несоответствие стратегии центра («дать удочку») и местных опривыченных в украинский период политико-управленческих практик («получить рыбу») актуализирует потребность в обновлении региональных элит не только и не столько в ее персональном составе, сколько на качественном уровне повышения ее эффективности как составляющей общероссийской системы власти.

Обновление крымских региональных элит идет по двум основным направлениям. Оба из них представляются как проблемные с точки зрения повышения эффективности управления в регионе. В структурах исполнительной ветви власти фиксируются интенсивная смена и ротация управленческих кадров разного уровня. По подсчетам СМИ, за три с половиной года руководства республикой (на момент середины 2017 г.)

С. Аксенов уволил десять вице-премьеров и 27 министров [Сергей Аксенов избавляется от кадров 2017]. Из материалов итоговой пресс-конференции 28.12.2017 г.: за 2017 г. в РК был уволен 51 чиновник — 1 вице-премьер, 11 руководителей исполнительных органов, 39 заместителей руководителей исполнительных органов [Итоговая пресс-конференция Сергея Аксёнова 2017]. По нашим подсчетам, в 2018 г. были уволены 32 чиновника, из них 1 вице-премьер, 6 министров, 13 заместителей министра, 9 глав госкомитетов, 3 главы местных администраций. С января по ноябрь 2019 г. были уволены 37 чиновников, из них 1 вице-премьер, 4 министра, 16 заместителей министра, 6 глав госкомитетов, 10 глав местных администраций.

Это объясняется как стилем руководства Главы Республики Крым С. Аксенова, так и поставленными со стороны федерального центра задачами выполнения федеральных целевых программ (ФЦП), направленных на развитие региональной инфраструктуры и коммуникаций. С. Аксенов в своих выступлениях в СМИ неоднократно позиционировал себя как политика с жестким стилем управления, целью которого является выполнение задач, поставленных перед ним президентом. Использование практики увольнений и кадровых перестановок в крымской власти мотивируется рисками невыполнения целевых программ: «Процесс будет идти и дальше, он и меня касается. Если целевые показатели и программы не будут выполняться, зачем я нужен президенту? Если не даешь результат, работать человек на должности не будет» [Итоговая пресс-конференция Сергея Аксенова 2017]. Относительно эффективности такой кадровой политики в Крыму высказываются разные точки зрения. По словам члена Совета Федерации от Республики Крым С.П. Цекова, в Крыму наблюдается дефицит высокопрофессиональных управленческих кадров в системе исполнительной власти. «После воссоединения Крыма с Россией мы все время говорим о кадровой проблеме. Она не уменьшается, а в какие-то периоды даже обостряется. Нынешняя ситуация указывает на это. Подготовка кадров должна вестись системно на протяжении длительного периода. Можем признать, что на данный момент эта работа, к сожалению, еще не получила достаточного развития» [Мащенко 2017]. Руководитель филиала Фонда развития гражданского общества (ФОРГО) Н.В. Киселева отметила, что С. Аксенов производит кадровые изменения гораздо чаще, чем главы других регионов РФ: «Причем он меняет руководителей одних и тех же министерств и городов, а ситуация не меняется. Значит,

проблема не только в некачественных кадрах, а и в неправильных критериях их подбора» [Никифоров 2017].

В целом можно констатировать, что кадровые перестановки и ротации в крымской власти носят спорадический, несистемный характер. Возможно, преследуя первоначальную цель создания атмосферы напряженной, конкурентной работы и системы определенных стимулов для тех специалистов, которые рекрутируются в ряды крымской власти для решения определенных задач, де-факто создается противоположный эффект. В условиях частых кадровых изменений представители исполнительной власти не способны сформировать системную работу в своей сфере компетенции, пребывают в психологической атмосфере временщичества и под прессингом увольнения. В результате в регионе не сформирован корпус исполнительной власти, на который бы мог уверенно опереться федеральный центр. При этом в исполнительной власти региона ощущается «кадровый голод» и ограниченность «скамейки запасных» на руководящие должности. Острота этого положения характеризуется фактом анонсирования С. Аксеновым намерения привлекать управленческие кадры из других регионов РФ (Республики Татарстан, Белгородской области и др.).

Также следует отметить инновационные проекты в области кадровой политики. Главой Республики Крым в октябре 2019 г. был инициирован кадровый проект «Твое правительство», главной целью которого стало «выявление специалистов, обладающих высоким уровнем интеллектуального потенциала, развитыми лидерскими качествами и управленческими компетенциями, повышение качества кадрового обеспечения органов государственной власти Республики Крым» [Распоряжение Главы Республики Крым 2019]. Можно предполагать, что проект положительно скажется на повышении качества отбора кадров во властные структуры Крыма, но при условии, если он не застрянет на фазе PR-проекта и не будет формализован на бюрократическом уровне. Вторая опасность для данной инновационной программы более реальна. Если первоначально проект «Твое правительство» подразумевал участие общественных групп в обсуждении механизмов выдвижения и отбора кандидатур, то впоследствии он постепенно перешел к «обрастанию» комитетами, экспертными группами, а организационная работа по реализации проекта поручена аппарату Совета министров Республики Крым. Несмотря на описанные риски «кулуаризации» новых кадровых проектов, следует отме-

тить наличие у С. Аксенова определенного инновационного потенциала, что может оказать положительное влияние на эффективность крымской власти.

Вторым направлением обновления крымских региональных элит является сфера законодательной власти. Опыт украинского периода крымского парламентаризма, когда с исполнительной ветвью власти были периоды противостояния (Л. Грач — С. Куницын), слияния (Б. Дейч — С. Куницын) и даже доминирования (А. Гриценко — В. Плакида), а также успешного «выдавливания» губернаторов, присланных из Киева (А. Матвиенко), канул в Лету. Крымский парламент в данный период имеет ограниченную субъектность во властных отношениях, что было охарактеризовано одним из представителей крымской власти емкой фразой: «Госсовет — это не про власть...». В законодательной власти, в отличие от исполнительной, фиксируются низкие темпы обновления персонального состава. Так, по результатам выборов, проведенных в единый день голосования 8 сентября 2019 г., Госсовет Республики Крым обновился всего на треть. Несмотря на высокий уровень организационной и информационной работы, проведенной Крымским избирательным комитетом до и во время выборов, явка на участки голосования составила чуть более 33 % от общего количества избирателей. Это объясняется как конфигурацией настроений и установок, преобладающих в крымском региональном сообществе, так и откровенно слабой работой политических партий по подбору и формированию кадрового резерва кандидатов, их продвижения в информационном пространстве и в непосредственной коммуникации с избирателями. В результате крымское региональное сообщество оказалось перед проблемой выбора среди хаотично подобранных и малоизвестных для них альтернатив. По результатам голосования по единому республиканскому округу Крымское региональное отделение (КРО) партии «Единая Россия» получило относительно высокий результат (54,7 % голосов избирателей). При этом партия показала себя наиболее организованной политической силой на полуострове, поскольку смогла выдвинуть кандидатов по всем одномандатным округам. В итоге по всем 25 одномандатным округам в Госсовет Республики Крым прошли кандидаты от «Единой России». Как следствие, КРО партии «Единая Россия» получила в региональном парламенте 60 депутатских мандатов из 75. Спецификой этого политического сезона в Крыму стало увеличение в Госсовете РК фракции ЛДПР (10 мандатов)

и появление фракции КПРФ (5 мандатов). При этом на фоне общего идеологического кризиса партий вряд ли можно предполагать, что эти структурные изменения парламента внесут какие-то инновации в политические процессы, протекающие в Крыму.

Процессы обновления региональной элиты Крыма тесно увязаны с вопросами участия граждан в политических процессах в регионе. Одной из проблем в данном комплексе является интеграция крымских татар в институциональное поле России и, в частности, их включенность в социально-политические процессы. Можно говорить о наличии осязаемых расколов внутри крымских татар, что обусловливается, во-первых, сложным восприятием факта перехода Крыма в состав России и в связи с этим выраженным политическим эскапизмом и выжидательной позицией [Мукомель 2016; 2019]. Во-вторых, крымские татары не имеют единой позиции ввиду наличия нескольких центров политического влияния. Ряд крымско-татарских политиков (Р. Бальбек, Р. Ильясов, Э. Гафаров), духовных (Э. Аблаев) и общественных (Ч. Якубов, Э. Умеров) лидеров быстро интегрировались в политическую систему России и приняли новые «правила игры». В то же время функционирование «за Перекопом» (граница Республики Крым с Украиной) организации «Меджлис крымско-татарского народа» (организация включена Министерством юстиции РФ в перечень общественных и религиозных объединений, деятельность которых приостановлена в Российской Федерации) и активная деятельность ее лидеров (М. Джемилев, Р. Чубаров) как на территории Украины, так и на международных площадках поддерживают условия, в которых существует альтернативный центр влияния на крымских татар. Логично предположить, что влияние, распространяющееся на них из центров ближнего и дальнего зарубежья, будет постепенно снижаться. Это связано не только с организационными трудностями непосредственного доступа неформальных лидеров к социальной базе, но и с проводимой Россией в Крыму политикой в области этноконфессиональных отношений. Отдельные показатели этой политики были зафиксированы нами в специальном мониторинговом издании [Межэтнические отношения и религиозная ситуация в Крыму 2018]. В регионе реализуется ряд широкомасштабных государственных программ, направленных на решение социально-экономических проблем и национально-культурное и духовное возрождение народов Крыма. Можно предполагать, что соблюдение такой политики в устойчивом тренде, несомненно, даст позитивные результаты

в долгосрочной перспективе. Но на данный момент мы можем констатировать сохранение среди крымских татар тенденций политического эскапизма, который проявился и в день единого дня голосования 8 сентября 2019 г. в низком уровне явки на избирательные участки, отказе от участия в работе избирательных комиссий, малочисленной представленностью в избирательных списках политических партий. Так, в списках кандидатов в депутаты Госсовета Республики Крым от «Единой России» были представлены 5 крымских татар, от ЛДПР — 1, от Справедливой России — 3, от коммунистической партии «Коммунисты России» — 2, от партии «Родина» — 4, от Российской экологической партии «Зеленые» — 2, от Российской партии пенсионеров «За социальную справедливость» — 1. На их фоне контрастно выглядел список от партии «Патриоты России», который включал в себя 19 кандидатов из числа крымских татар. Такая же низкая представленность крымских татар прослеживалась и в списках кандидатов от политических партий в местные советы. Для примера мы приводим данные по двум районам Крыма, где крымские татары проживают наиболее компактно, — Бахчисарайскому и Белогорскому. Итак, по спискам кандидатов в Бахчисарайский районный совет от «Единой России» было представлено 2 крымских татарина, от Справедливой России — 2. По мажоритарным округам Бахчисарайского района: от «Единой России» — 2 кандидата из числа крымских татар, от «Справедливой России» — 2, самовыдвиженцы — 2. По спискам кандидатов в Белогорский районный совет от «Единой России» был представлен 1 крымский татарин, от партии «Родина» — 4. По мажоритарным округам Белогорского района: от партии «Родина» — 3 кандидата из числа крымских татар, самовыдвиженцы — 2. По подсчетам на основании официальных источников, более 200 кандидатов из числа крымских татар получили депутатские мандаты в советах разного уровня. Хотя этот показатель практически в два раза превышает уровень 2014 г., удельный вес крымских татар в депутатском корпусе республики продолжает оставаться ниже их доли в населении полуострова [Аблязов 2019]. Только два крымских татарина (Э. Гафаров, Ч. Якубов) стали депутатами Госсовета Республики Крым. Предполагаем, что к факторам, влияющим на низкий уровень участия крымских татар в политических процессах в Республике Крым, относятся не только субъективные (эмоциональное восприятие и переживание ситуации), описанные в статьях В.И. Мукомель на основании проведенных качественных исследований [Мукомель

2016; 2019], но и политика целенаправленного давления на крымских татар, которая организована внешними игроками на международной арене.

Одна из важнейших проблем — нерешенный вопрос о признании статуса Крыма как субъекта Российской Федерации. Если со стороны высшего руководства России вопрос статуса полуострова закрыт и не подлежит пересмотру, то стороны политических элит ведущих стран западного мира Крым рассматривается как инструмент давления на Россию (что сопровождается избирательным санкционным режимом) и возможный предмет торга. В ходе проведения мониторингового исследования [Межэтнические отношения и религиозная ситуация в Крыму 2018] был выявлен и проанализирован спектр позиций и точек зрения относительно политико-правового статуса Крыма, которые находят информационный выход как в официальной дипломатической риторике, голосовании за принятие резолюций на уровне наднациональных структур или решения на государственном уровне, так и через каналы СМИ.

Можно констатировать, что у международного сообщества нет единой позиции по Крыму. Наряду с официальным признанием (Венесуэла, Сирия, Куба, Никарагуа, КНДР, Афганистан) или готовностью признания (Судан, Босния и др.) Крыма как субъекта РФ, в риторике лидеров и дипломатов других государств прослеживается нейтральная позиция (Беларусь и др.) или неофициальное согласие с новым статусом полуострова, которая не может обрести свои формальные очертания из-за собственных нерешенных территориальных проблем (Сербия и др.). Отдельного внимания заслуживает двойственная позиция отдельных государств, которые на официальном уровне резко отрицают саму возможность признания Крыма как составляющей РФ, но при этом предпринимают ряд мер для экономического сотрудничества и культурных контактов с полуостровом (Турция). Наиболее распространенной в мировом сообществе позицией является та, которая распространяется и поддерживается ведущими странами так называемого западного мира. В своих претензиях на мировую гегемонию они отрицают право Крыма на самоопределение, но при этом оставляют за собой право территориального переустройства мира (Фолклендские острова, Косово, Каталонский референдум, Голанские высоты и др.). На неофициальном уровне, через каналы СМИ прослеживаются неоднократные попытки призывов к России о пересмотре «Крымского вопроса» (в первую очередь это касается пересмотра итогов референдума 2014 г.) и «сканирования» реакции высшего руководства РФ.

Несмотря на то что на проблему определения политико-правового статуса полуострова у мирового сообщества прослеживается спектр разнообразных точек зрения, иногда не совпадающих с реальными практиками (что позволяет выдвигать гипотезу о признании Крыма большинством государств как составляющей РФ де-факто), полагаем, «Крымский вопрос» де-юре вряд ли может быть решен в краткосрочной перспективе без кардинального переустройства мировой системы и пересмотра «правил игры» в международных отношениях.

При этом мы должны констатировать парадоксальный эффект изоляционной и санкционной политики, направленной внешними игроками против Крыма. Создавая в Крыму атмосферу «осажденной крепости», нанося экономический ущерб и приводя к «удорожанию» Крыма для России, политика внешних игроков при этом парадоксальным образом способствует более быстрому и эффективному переходу региона в институциональное поле России и в конечном итоге оказывает положительное влияние на степень управляемости в Крыму.

Таким образом, мы можем констатировать сложность процессов интеграции Крыма в институциональное поле России в целом и в ее политическую систему в частности. Результативность этих процессов зависит от ряда факторов: 1) предыдущий опыт переживания институциональных «взрывов», связанных с изменением социально-политической ситуации (их как минимум четыре — в 1991, 1994, 2004, 2014 гг.); 2) неустойчивая «колея развития» (*path dependence*) и особая конфигурация многосоставной идентичности, в которой сегмент гражданской идентичности имел нестабильный характер; 3) система межнациональных и межкультурных отношений, сформировавшаяся в регионе в постсоветский период; 4) внешние центры влияния и продуцируемые ими импульсы притяжения или угроз. Перечисленные факторы оказывали и оказывают на ситуацию в регионе разную степень воздействия. Причем степень и характер воздействия разных факторов может меняться (усиливаться или ослабевать, менять вектор) в тот или иной период времени. Это, например, хорошо просматривается на парадоксе противоположного эффекта, ставшего результатом изоляционной и санкционной политики, направленной против Крыма внешними игроками. Приведенные в статье фактические показатели, например, модели политико-управленческой культуры крымских региональных элит, их отношений с федеральным центром, участие отдельных сегментов крымского регионального сообщества, являются следственным воз-

действия указанных факторов в их меняющейся динамичной комбинации. Интенсификация и обеспечение бесконфликтности интеграции Крыма в институциональное поле и политическую систему России может осуществляться посредством долгосрочной стратегии при понимании действия комбинации указанных факторов.

Литература

Аузан А. Развитие и «колея» зависимости // Мировая экономика и международные отношения. 2017. Т. 61, № 10. С. 96–105.

Головаха Е., Панина Н. Постсоветская деинституционализация и становление новых социальных институтов в украинском обществе // Социология: теория, методы, маркетинг. 2001. № 4. С. 5–22.

Дэвид П. Клио и экономическая теория QWERTY // Истоки: из опыта изучения экономики как структуры и как процесса. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2007. Т. 6. С. 139–150.

Казакова В.И. Концептуализация «path dependence» в современной социальной науке // Вестник НГТУ им. Р.Е. Алексеева. Серия «Управление в социальных системах. Коммуникативные технологии». 2012. № 3. С. 6–16.

Межэтнические отношения и религиозная ситуация в Крыму. Экспертный доклад за первое полугодие 2018 года. М.; Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2018. 64 с.

Мукомель В.И., Хайкин С.Р. Крымские татары после «крымской весны»: трансформация идентичностей // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2016. № 3. С. 51–68.

Мукомель В.И. Крым в ожидании перемен: социально-экономический контекст // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 2. С. 141–156.

Мэдисон Э. Контуры мировой экономики в 1–2030 гг.: очерки по макроэкономической истории: пер. с англ. М.: Ин-т Гайдара, 2015. 582 с.

Національна безпека і оборона. 2008. № 10.

Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. 180 с.

Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М.: Прогресс-Традиция, 2004. 480 с.

Источники

Аблязов Э. Выборы-2019. Представительство крымских татар в муниципалитетах // Голос Крыма new. № 40. 04.10.2019. URL: <http://goloskrimanew.ru/vyiboryi-2019-predstavitelstvo-kryimskih-tatar-v-munitsipalitetah.html> (дата обращения: 05.11.2019).

Итоговая пресс-конференция Сергея Аксёнова // Крыминформ. 28.12.2017. URL: <http://www.c-inform.info/news/id/60629> (дата обращения: 05.11.2019).

Мащенко А. В Крыму — муниципальная кадровая революция // Парламентская газета. 29.08.2017. URL: <https://www.pnp.ru/politics/v-krymu-municipalnaya-kadrovaya-revoluciya.html> (дата обращения: 05.11.2019).

Никифоров В. Сергей Аксенов бесконечно меняет кадры // Коммерсантъ. № 121. 07.07.2017. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3344688> (дата обращения: 05.11.2019).

Основные характеристики бюджета Республики Крым // Открытый бюджет Республики Крым. 2019. URL: <http://budget.rk.ifinmon.ru/byudzheta-dlya-grazhdan/byudzheta-respubliki-krym/osnovnyie-kharakteristiki-byudzheta-respubliki-krym> (дата обращения: 05.11.2019).

Распоряжение Главы Республики Крым от 9 октября 2019 г. № 491-пр «О крымском кадровом проекте “ТВОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО”». URL: <https://rk.gov.ru/ru/document/show/18334> (дата обращения: 05.11.2019).

Сергей Аксенов избавляется от кадров // Коммерсантъ. № 159. 30.08.2017. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3397096> (дата обращения: 05.11.2019).

THE 5TH ANNIVERSARY OF THE «CRIMEAN SPRING» AND THE PROBLEMS OF INTEGRATION OF CRIMEA INTO THE POLITICAL SYSTEM OF RUSSIA

A. Zotkin

Citation: Zotkin A. Pyatiletiye «Krymskoy vesny» i problemy integratsii Kryma v politicheskuyu sistemu Rossii [The 5th anniversary of the “Crimean spring” and the problems of integration of Crimea into the political system of Russia]. *Vlast' i elity* [Power and Elites], 2019, 6 (2): 5–23. (In Russian)

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2019.6.2.1>

Abstract. *The article considers the processes of integration of Crimea into the institutional field of Russia in General and its political system in particular. The effectiveness of these processes depends on a number of factors. These include: 1) previous experience of institutional “explosions” associated with changes in the socio-political situation; 2) unstable “track of development” (“path dependence”) and a special configuration of multi-component identity, in which the segment of civic identity was unstable; 3) the system of interethnic and intercultural relations formed in the region in the post-Soviet period; 4) external centers of influence and the impulses of attraction or threats produced by them. These factors have had and are having different degrees of impact on the situation in the region. Moreover,*

the degree and nature of the impact of different factors can change (increase or decrease, change the vector) in a given period of time. This is clearly seen in the paradox of the opposite effect, which was the result of the isolation and sanctions policy directed against Crimea by external players. The actual indicators given in the article — for example, models of political and administrative culture of the Crimean regional elites, their relations with the Federal center, participation of certain segments of the Crimean regional community—are an investigative manifestation of the impact of these factors in their changing, dynamic combination.

The severity of the “institutional explosion” in Crimea was compensated by: 1) moral readiness for changes on the part of the majority of the Crimean regional community; 2) translation of new institutional forms by the Federal center and other subjects of the Russian Federation; 3) external threats and isolation of the Peninsula; 4) “institutional mimicry”. The legacy of the former institutional field is, firstly, inertially preserved models of political culture and “unaccustomed” political practices, embodied in a certain system that generates algorithms of political and managerial behavior, and, secondly, the subjects of the regional political system, directly performing the role of carriers and translators of these models and practices. As a result, in the Crimea as a subject of the Russian Federation there is a problem of efficiency of management which is more important than political forms.

Crimean elites found themselves between the “hammer” of demands from the Federal center and the “anvil” of local conditions. The latter include: first, the patterns of political culture and models of relations with the center that have been established since Ukrainian times, secondly, the lack of managerial experience in large projects and, thirdly, the low degree of manageability in the context of opportunities to improve the efficiency of the political and administrative system of the region. The skills of adaptive abilities acquired and honed by the Crimean regional elites in the conditions of the Ukrainian political system, had a positive impact on the processes of their political “restructuring” and transition to a new institutional field for them. At the same time, it can be assumed that the ability to rapid mimicry has a superficial character, which, in turn, causes its low instrumental efficiency in a systemic transition, when the demand is not so much political as managerial skills. This discrepancy between the strategy of the center and the local political and administrative practices, which were used in the Ukrainian period, actualizes the need to update the regional elites not only and not so much in its personal composition, but at the qualitative level of increasing its efficiency as a component of the all-Russian system of power.

The processes of renewal of the regional elite of Crimea are closely linked with the issues of citizens’ participation in political processes in the region. One of the problems in this complex is the integration of the Crimean Tatars into the institutional field of Russia and, in particular, their involvement in social and political processes. We can talk about the presence of tangible splits within the

Crimean Tatar people, which is due, first, to the complex perception of the fact of the transition of Crimea to Russia and, in this regard, expressed political escapism and a wait-and-see position. Secondly, Crimean Tatars do not have a single public position due to the presence of several centers of political influence.

One of the most important problems is the unresolved issue of recognition of the status of Crimea as a subject of the Russian Federation. If the issue of the status of the Peninsula is closed by the top leadership of Russia and is not subject to any revision, the political elites of the leading countries of the Western world consider Crimea as an instrument of pressure on Russia (which is accompanied by an electoral sanctions regime) and as a possible subject of bargaining. The monitoring study identified and analyzed a range of positions and points of view regarding the political and legal status of Crimea, which find their information outlet in official diplomatic rhetoric, voting for the adoption of resolutions at the level of supranational structures or decisions at the state level, and through media channels.

Despite the fact that the problem of determining the political and legal status of the Peninsula in the world community can be traced a range of different points of view, sometimes not coinciding with real practices, we believe that the “Crimean question” de jure can hardly be solved in the near term without a radical restructuring of the world system and revision of the “rules of the game” in international relations. We can state the paradoxical effect of the isolation and sanctions policy directed by external players against Crimea. Creating the atmosphere of a “besieged fortress” in Crimea, causing economic damage and leading to a “rise in price” of Crimea for Russia, the policy of external players paradoxically contributes to a faster and more effective transition of the region into the institutional field of Russia, and, ultimately, has a positive impact on the degree of manageability in the Crimea.

Keywords: *Crimea, social institutions, political system, management efficiency, regional elites, Crimean Tatars, international relations, “Crimean question”.*

References

Auzan A. Razvitie i «koleya» zavisimosti [Development and “track” of dependence]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Relations], 2017, 61 (10), pp. 96–105. (In Russian)

Golovaha E., Panina N. Postsovetskaya deinstytucionalizaciya i stanovlenie novykh social'nykh institutov v ukrainskom obshchestve [Post-Soviet deinstitutionalization and formation of new social institutions in Ukrainian society]. *Sociologiya: teoriya, metody, marketing* [Sociology: theory, methods, marketing], 2001, 4, pp. 5–22. (In Russian)

Devid P. Klio i ekonomicheskaya teoriya QWERTY [Clio and economic theory QWERTY]. *Istoki: iz opyta izucheniya ekonomiki kak struktury i kak processa* [Origins: from the experience of studying economics as a structure and as a process], 2007, 6, pp. 139–150. (In Russian)

Kazakova V.I. Konceptualizaciya «path dependence» v sovremennoj social'noj nauke [Conceptualization of “path dependence” in modern social science]. *Vestnik NGTU im. R.E. Alekseeva. Seriya «Upravlenie v social'nyh sistemah. Kommunikativnye tekhnologii»* [Bulletin of NSTU named after R.E. Alekseeva. Series “Management in social systems. Communicative technologies”], 2012, 3, pp. 6–16. (In Russian)

Mezhetnicheskie otnosheniya i religioznaya situaciya v Krymu. Ekspertnyj doklad za pervoe polugodie 2018 goda [Inter-ethnic relations and religious situation in the Crimea. Expert report for the first half of 2018]. Moscow; Simferopol: IT «ARIAL», 2018. 64 p. (In Russian)

Mukomel' V.I., Hajkin S.R. Krymskie tatory posle «krymskoj vesny»: transformaciya identichnostej [Crimean Tatars after the “Crimean spring”: transformation of identities], *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i social'nye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal], 2016, 3, pp. 51–68. (In Russian)

Mukomel' V.I. Krym v ozhidanii peremen: social'no-ekonomicheskij kontekst [Crimea waiting for change: socio-economic context], *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i social'nye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal], 2019, 2, pp. 141–156. (In Russian)

Medison E. *Kontury mirovoj ekonomiki v 1–2030 gg.: ocherki po makroekonomicheskoj istorii* [Contours of the world economy in 1–2030: essays on macroeconomic history]. Moscow: In-t Gajdara, 2015. 582 p. (In Russian)

Nacional'na bezpeka i oborona [National security and defense], 2008, 10. (In Ukrainian)

North D. *Instituty, institucional'nye izmeneniya i funkcionirovanie ekonomiki* [Institutions, institutional change and the functioning of the economy]. Moscow: Fond ekonomicheskoj knigi “Nachala”, 1997. 180 p. (In Russian)

Hantington S. *Politicheskij poryadok v menyayushchihsya obshchestvah* [Political order in changing societies]. Moscow: Progress-Tradicija, 2004. 480 p. (In Russian)

РЕКРУТИРОВАНИЕ ЭЛИТ И КАРЬЕРНЫЕ ТРАЕКТОРИИ

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ: ИСТОЧНИКИ РЕКРУТИРОВАНИЯ И КАРЬЕРА¹

*А.С. Быстрова, А.Б. Даугавет, А.В. Дука,
Н.В. Колесник, А.В. Невский, Д.Б. Тев*

Цитирование: Быстрова А.С., Даугавет А.Б., Дука А.В., Колесник Н.В., Невский А.В., Тев Д.Б. Институционализация политической элиты: источники рекрутирования и карьера // Власть и элиты. 2019. Т. 6. № 2. С. 24–66.

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2019.6.2.2>

Аннотация. *Статья посвящена проблеме институционализации политической элиты, которая по-прежнему остается малоизученным сюжетом в российской элитологии. Несмотря на то что институты представительной власти субъектов РФ функционируют длительное время, остается открытым вопрос об устойчивости и воспроизводстве данной властной группы, ее основных социально-структурных характеристик. Постулируется идея о том, что процесс институционализации проблематичен ввиду того, что контекст рекрутирования и функционирования политической элиты, влияющий на ее социальные характеристики, существенно меняется в постсоветский период. Показано, что институционализация политической элиты имеет несколько измерений. Определено, что парадоксальность институтов властвования заключается в комплексном единстве трех аспектов их существования: демократическом,*

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта № 19-011-31310 «Институционализация региональной политической элиты: рекрутирование и профессиональные карьеры».

профессионально-меритократическом и социетально-иерархическом. Обосновывается значимость исследования социально-профессионального бассейна рекрутирования и карьеры региональной политической элиты. Во-первых, полученные результаты могут достаточно определенно говорить о направлении и стадии институционализации властных групп. Во-вторых, характеристики бассейна рекрутирования и политических карьер могут служить важным показателем структуры социальной и политической власти. Анализ зарубежных и российских исследований подтверждают значимую связь между определенными характеристиками социально-профессионального происхождения и карьеры, с одной стороны, и политическими аттитюдами и поведением — с другой. В многочисленных исследованиях европейских и американских элит отмечается относительная закрытость данной общности и существующая связь между социальным происхождением и возможностями воспроизводства своих высоких социальных позиций. Отдельно рассматриваются значимые факторы и показатели интеграции различных функциональных сегментов элиты: динамические переплетения между ними, которые создаются карьерными переходами персон из одних властных групп в другие. Проведенный анализ научной литературы по трансформации российской элиты показывает отчетливую связь ее с предыдущими властными группами. Исследователи убедительно демонстрируют, что в первое десятилетие «новой» России именно прежняя номенклатура разного уровня сохранила командные высоты в политико-административной сфере, были зафиксированы важные изменения как механизмов рекрутирования, так и бассейна рекрутирования элит. В этом отношении работы исследователей первого постсоветского десятилетия выступают своего рода научным свидетельством исторической эволюции отечественных элит. В более поздних работах российских элитологов изучаются характеристики бассейна рекрутирования членов региональной политической элиты, гендерные и образовательные различия, зависимости от положения в иерархии законодательного собрания (рядовые депутаты и руководители), фракционной принадлежности. Специальное внимание в научной литературе было уделено представителям высшей, руководящей страты регионального депутатского корпуса. В заключении обосновываются перспективы институционального подхода в изучении элитных групп.

Ключевые слова: институты, институционализация, российская власть, элиты, политическая элита, рекрутирование, карьера.

На протяжении последних трех десятилетий российское общество находится в процессе трансформации, изменяются общественная система и политический режим. Одной из важнейших составляющих

этого процесса является складывание новых властных структур и институтов, возникновение и эволюция властных групп. Среди таких групп находится постсоветская региональная политическая элита, которая состоит из депутатов законодательных собраний субъектов РФ, а также представителей регионов в Федеральном Собрании. Она существенно отличается по способу рекрутирования и функциям как от депутатского корпуса советского времени, так от других современных властных групп (административной и экономической элит) и потому заслуживает особого внимания исследователей.

Несмотря на то что институт представительной власти субъектов РФ и региональный депутатский корпус функционируют уже достаточно длительное время, остается открытым вопрос об устойчивости и воспроизводстве данной властной группы, ее основных социально-структурных характеристик. С точки зрения институционального подхода существование и функционирование властной группы не означает, что процесс ее институционализации завершен, что она приобрела устойчивые, воспроизводящиеся во времени характеристики. Институционализация проблематична, в частности, потому что контекст рекрутирования и функционирования политической элиты, влияющий на ее социальные характеристики, существенно меняется в постсоветский период.

Институционализация политической элиты имеет несколько измерений. Парадоксальность институтов властвования заключается в комплементарном единстве трех аспектов их существования: демократическом, профессионально-меритократическом и социетально-иерархическом. Демократический (представительский) аспект заключается в необходимости и законодательной закреплении периодического персонального обновления политической элиты посредством выборов. Профессионально-меритократический аспект состоит в требовании профессионализации законодательной деятельности. Социетально-иерархический — в выделении и обособлении специфической социальной группы, доминирующей в публичной сфере общества и стремящейся к самовоспроизводству и закреплению своих властных позиций. Отмеченные социальные процессы в своей совокупности определяют специфику институционализации политической элиты. Тем не менее институционализация политической элиты как единство трех указанных тенденций в динамике на протяжении постсоветского периода недостаточно изучена в отечественной обще-

ствоведческой литературе. Между тем важность описанных процессов определяется в том числе тем, что их фундаментальные основания связаны с модернизационными социетальными изменениями. Прежде всего это социальная дифференциация, приводящая к профессионализации властных групп [Вебер 1990]. Превращение политической сферы в относительно автономную в результате ее отдифференциации [Луман 2006] ведет к внутреннему разделению элитного сообщества, появлению представительной элиты [Best, Vogel 2018: 355]. Очень существенно, что автономия и профессионализация внутренне связана с прохождением индивидом определенных статусных и функциональных этапов. С точки зрения властных институтов это процесс институционализации индивида, его «приручение». Поэтому Никлас Луман и утверждает, что «в современном обществе важнейшим механизмом интеграции индивидов и общества служит карьера» [Луман 2006: 159]. С точки зрения персоны, входящей в этот институт, это ее самореализация, проявляющаяся в карьерном продвижении. Даниель Гакси, вспоминая римское понятие «путь чести», пишет: «Политическая карьера структурирована как *cursus honorum*, хотя существует несколько типов политических восхождений» [Gaxie 2018: 491]. Имеется в виду последовательность высших государственных должностей, которые занимал римский гражданин [Бартошек 1989: 96–97]. В разных странах, наряду с общими характеристиками, мы имеем отличающуюся динамику институционализации элит, их рекрутирования, карьерного продвижения.

МОДЕЛИ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ НОВЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ

В общем плане проблема институционализации элит исследовалась в связи с кардинальными социетальными изменениями, когда политическая (контр)элита конституирует себя как государственная. В самом общем виде здесь важно, что существует принципиальная кардинальная связь между основными социетальными характеристиками и состоянием, формой и типом элит [Keller 1991; Field, Higley 1980]. Влияние состояния элиты и внутриэлитных процессов на ход социальной трансформации безусловно, впрочем, как и обратное влияние [O'Donnell, Schmitter 1986; Burton, Higley 1987, 1998, 2001; Higley, Burton 2006]. Как показали исследования, в процессе общественных изменений для властных групп исключительное значение имеет автономия политической

системы и связанная с ней автономия властных групп [Хантингтон 2004: 38–41]. Последняя базируется на формировании собственного контролируемого в той или иной степени бассейна рекрутирования (внутреннее рекрутирование) и возникновении вертикальной и горизонтальной интеграции элитных групп, что обеспечивает элитную консолидацию, устойчивость и высокую результативность в реализации групповых интересов [Robins 1976: 16–42]. Элитная интеграция является также важным фактором в поддержании институционального доверия и создании схожих политико-идеологических предпочтений [Gulbrandsen 2007, 2012]. Конечно, существуют ситуации, когда сплочение элит может дать трещину. В отношении авторитарных режимов (и особенно России) эту проблему обсуждают О. Рейтер и Д. Жакони [Reuter, Szakonyi 2019]. Как они утверждают, «Режимы могут заставить политиков отказаться от своих собственных политических убеждений и требований избирателей, чтобы придерживаться партийной линии». И это связано с тем, что «получение ренты, трофеев и привилегий является одной из главных целей политиков при автократии» [Reuter, Szakonyi 2019: 552]. Именно поэтому возможно дезертирство.

В зарубежной научной литературе отмечается, что существуют разные национальные модели институционализации политических элит позднего социализма, их рекрутирования и карьерных путей. Одной из первых попыток проанализировать тенденции изменения групп доминирования в социалистических обществах и возможности формирования новых «господствующих классов» была сделана Г. Конрадом и И. Селеньи. На основе их гипотезы о роли интеллигенции при социализме была предложена концепция политократии как формы групп доминирования, ядром которой являются интеллектуалы [Konrad, Szelenyi 1991]. Данное предположение подтвердилось лишь отчасти и то на самом раннем этапе трансформации некоторых постсоциалистических политий в связи с широким участием именно данной социальной группы в протестном движении.

В некотором роде продолжением данной линии стала идея «посткоммунистического менеджериализма». В ней утверждалось, что первоначально в транзитных обществах доминируют финансовые менеджеры и эксперты, работающие на международные финансовые институты, из которых формируется новый класс собственников [Селеньи, Эял, Тоунсли 2008]. Вариантом такой логики описания смены властных групп является представление о борьбе между коммунистической «старой

элитой» и «новой технократией», вследствие которой происходит доминирование в трансформационном процессе более молодых, лучше образованных технократов, формирующих «новую элиту» [Szalai 1995]. Важный аспект описываемого тренда — включение социумов в широкие международные отношения и национальных групп доминирования в глобальные процессы.

Более существенной для исследователей была дилемма воспроизводства и циркуляции элит, сформулированная в самом начале пост-социалистических трансформаций, что связано с проблемой устойчивости и изменчивости властных групп [Szelényi, Szelényi 1995]. Вместе с тем обнаружилось существование различных трендов в разных секторах элиты [Szelényi, Szelényi, Kovách 1995]. Тезис воспроизводства элит основывался на очевидных процессах, фиксируемых многими исследователями. Возможности конверсии власти привели к уходу коммунистической элиты из политико-административной сферы. Политико-административная элита превратилась в новых собственников путем «спонтанной приватизации». Для сохранения контроля над ситуацией были образованы «большие коалиции» [Hankiss 1991]. Часть исследователей указывала скорее на сознательный и целерациональный процесс, в котором номенклатура использовала свои возможности для приватизации собственности и превращения в буржуазию, что вело к возникновению так называемого «политического капитализма» [Staniszkis 1991]. Схожим образом объяснялась и российская «номенклатурная приватизация» [Гайдар 1997: 8, 89–90, 121]. Важный нюанс добавляет Р. Рывкина: возможность и готовность стать капиталистами зависела и от слабости институциональной системы — регулирующих норм и (не)возможности их поддержания государством [Рывкина 1997]. Отсюда, как полагает исследователь, высокая степень криминализации создаваемых институтов и новых капиталистов.

Проблема смены элит в связи с изменением общественного строя и политического режима в различных географических контекстах требовала более дифференцированного и тонкого анализа. Анализ показал, что смена элит может происходить по четырем типам: 1) классическая циркуляция; 2) репродуктивная циркуляция; 3) замещающая циркуляция; 4) квазизамещающая циркуляция [Higley, Lengyel 2000]. Помимо этого, различные результаты в исследовании элит трансформирующихся социумов могут быть связаны с разницей этапов социальных изменений. Социальное время оказывается важным фактором

и политических процессов, и их интерпретаций. На центральноевропейском материале было показано, что трем фазам социальных и политических изменений соответствуют разные типы элит: 1) элита перехода; 2) элита трансформации; 3) элита консолидации [Wasilewski 2001; Штайнер 2003]. Разница здесь не только в направленности деятельности властных групп, но и в механизмах их формирования, карьерных путей и бассейна рекрутирования. При таком подходе появляются довольно осмысленные ориентиры в анализе и обосновании качественного различия элит в трансформационное время. Вместе с тем было показано, что переход к капитализму разнообразен [Varieties of Capitalism... 2007].

Э. Уалдер выделил четыре типа переходных экономик в постсоветском пространстве, определяемых изменением политического режима, политики и регулятивной средой. Существенно, что автор показывает возможности элит в разных условиях [Walder 2003]. И. Селеньи описал три варианта постсоциалистического капитализма: «капитализм извне», характерный для Центральной Европы; «капитализм сверху», реализуемый в Восточной Европе, России, бывших советских республиках Средней Азии; китайский «капитализм снизу» [Szelenyi 2015]. Каждый вариант трансформации связан с определенным типом властвования и организации властных групп и их роли в социетальном переходе. Также трансформация социальной структуры оказывается различной в трех указанных «капитализмах» [Szelenyi 2013].

Помимо политэкономических оснований вариативности процесса трансформации элитного сообщества действуют структурные и социально-политические факторы. Кроме того, надо иметь в виду, что становящиеся новые властные группы должны решить несколько важных задач: создать стратегические позиции (которые они займут) в новой политической системе; осуществить эффективный контроль над существующими общественными движениями и организациями, а также создать свои; создать структуры эффективной деятельности; стабилизировать институциональную структуру и создать под себя систему правил и норм; обрести союзников; легитимировать занимаемые позиции [Дука 2017: 15–17; Duka 2018: 127–129].

Рефлексируя по поводу институционализации элиты (на примере политико-административной элиты Санкт-Петербурга), А.В. Дука обращает внимание на важность рассмотрения общего институционального порядка и внеинституциональных условий существования. Основная функция института — интегрировать и стабилизировать

коллективную деятельность. Соответственно, по его мнению, институционализация заключается в закреплении действий, превращении их в типичные и привычные. «Поэтому рутинность и воспроизводство во времени (то есть определенная историчность) выступают важным индикатором завершенности институционализации. Возможны варианты институционализации, при которых институтами или институциями становятся требования и практики агентов, при этом первоначальная их деятельность сходит на нет. Она “превращается” в новые институты» [Дука 2003: 126].

А.В. Дука акцентирует внимание на становлении и эволюции политико-административной элиты Санкт-Петербурга, особенностях ее рекрутирования, ее социальной базе. Институционализация элиты, по его мнению, возможна при действии по крайней мере трех факторов: культурного, структурного и институционального. Крайне важным видится исследователю сформулировать критерии завершившейся институционализации элиты, а именно устойчивость во власти, возможность ее использовать и воспроизводить себя как элиты [Дука 2003: 129].

Важным аспектом проблемы являются условия кризиса, в которых происходит становление постсоветской элиты, а также ее слабая подготовленность к управлению трансформирующимся обществом. На это указывал в свое время А.В. Понеделков [Понеделков 1995а: 153–154]. Он почти пророчески писал: «Распутье, на котором находится современная политическая элита, похоже обернется вскоре воспроизводством новой формы командно-административной системы не идеологизированного типа с соответствующей ей элитой, где тон задают администраторы» [Понеделков 1995б: 162]. Время, которое он указывал как начало «эпохи возрождения» административно-политической элиты, — конец 1993 г. [Понеделков 1995а: 154]. В это же время о вероятности авторитарной консолидации как механизме выхода из кризиса и предотвращения «трансформационного срыва» писал И.Е. Дискин [Дискин 1995: 39–40]. Другими словами, социально-экономическая и политическая ситуация, а также культурно-историческая «колея», зависимость от пройденного пути оказывают существенное воздействие на формы и результаты институционализации властных групп.

Изменение вектора политической трансформации в России в начале 2000-х годов, естественно, коснулось элитного сообщества. Процесс институционализации групп доминирования затормозился. Это связано

как с изменением контекста, так и со снижением автономии властных групп как в центре, так и в регионах. А.Е. Чирикова это достаточно четко обозначила: «Время путинских перемен серьезно изменило конфигурацию российской власти, переместив региональные элиты на периферию политического федерального процесса» [Чирикова 2010: 184]. Одновременно значительная часть федеральных элит также оказалась на периферии, что закономерно в условиях концентрации власти и построения вертикали.

РЕКРУТИРОВАНИЕ И КАРЬЕРЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ: ОБЗОР ЗАРУБЕЖНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Значимость исследования социально-профессионального бассейна рекрутирования и карьеры региональной политической элиты обуславливается несколькими причинами. Во-первых, полученные результаты могут достаточно определенно говорить о направлении и стадии институционализации властных групп. Элиты — это те немногие, которые происходят, как сформулировали К. Прюитт и А. Стоун, из «не очень среднестатистических граждан» (“The Not So Average Citizens”) [Prewitt, Stone 1973: 138]. Р. Патнэм зафиксировал это в законе возрастающей диспропорции: «чем выше уровень политической власти, тем большее представительство высокостатусных социальных групп» [Putnam 1976: 33]. Снижение пропорции многих социальных групп, из которых выходят члены элитного сообщества, дает нам возможность судить о динамике процесса обособления групп доминирования.

Во-вторых, характеристики бассейна рекрутирования и политических карьер могут служить важным показателем структуры социальной и политической власти, которая лежит в основе элитного рекрутирования, особенностей общественно-политической системы, в рамках которой элита формируется и функционирует. Р. Патнэм отмечал, что «поскольку состав элиты легче наблюдаем, чем лежащие в его основе паттерны социальной власти, он может служить в качестве своего рода сейсмометра для обнаружения сдвигов в основаниях политической жизни и политики» [Putnam 1976: 43]. А как указывал Д. Мэттьюз, «меняющиеся характеристики политических лидеров служат показателем меняющегося распределения власти в обществе» [Matthews 1954: 5]. Так, наблюдение исследователей о Соединенных Штатах полувековой давности позволяет многое сказать об общественной иерархии: «Выс-

шие посты почти всегда занимают мужчины из преуспевающих деловых или профессиональных семей или мужчины, которые сами стали ведущими бизнесменами и профессионалами» [Prewitt, Stone 1973: 137]. А вот исследования нынешнего века свидетельствуют о существенном изменении в составе американской высшей страты [Zweigenhaft, Domhoff 2006, 2014]. И это говорит о фундаментальных общественных сдвигах.

Кроме того, сами элитные позиции могут существенно изменяться. Как пишет С. Келлер, происходит циркуляция элитных позиций [Keller 1991: 235–237], что показывает не только институциональные изменения иерархического и функционального характера, но и внутриэлитные диспозиции и взаимоотношения сегментов элитного сообщества.

В этом смысле изучение источников рекрутирования и карьеры регионального депутатского корпуса позволяет, в частности, лучше понять особенности социально-экономической и политической организации данного региона и ее исторической эволюции. Речь, в частности, может идти о характере взаимоотношений законодательной и исполнительной властей, являющемся одной из важнейших характеристик регионального политического режима [Туровский 2009], специфике партийной системы, особенностях отношений между бизнесом и публичной властью и расстановке экономических и политических сил в деловом сообществе субъекта РФ. Социально-профессиональный состав региональной легислатуры может быть своего рода «зеркалом», в которой отражается структура власти регионального сообщества и его властной элиты.

В-третьих, социально-профессиональное происхождение законодателей и особенности их карьеры могут в определенной степени влиять на их политические аттитюды и поведение. Впрочем, многие исследователи ставят под сомнение такую зависимость. Так, обзор зарубежных исследований обнаружил, что существует мало доказательств сильных и последовательных связей между переменными социального происхождения, с одной стороны, и политическими аттитюдами, и поведением законодательных элит — с другой [Matthews 1984: 555; Norris, Lovenduski 1995: 210].

В частности, Л. Эдингер и Л. Сиринг [Edinger, Searing 1967] показали, что социально-профессиональный бэкграунд оказывает весьма умеренное влияние на элитные аттитюды Германии и Франции. Кроме того, ряд исследований, проведенных в США, не выявили значитель-

ного влияния некоторых типов предшествующего избранию в Конгресс или законодательные штаты профессионального опыта (юридического и военного) на политическое поведение законодателей [Derge 1959: 431; Dyer 1976: 452; Green, Schmidhauser, Berg, Brady 1973; Bianco 2005]. В общем это не удивительно, поскольку отдаленное влияние социально-профессиональных корней законодателей может ослаблять то, что они интенсивно социализируются в рамках самих политических институтов, работая в партиях, местных органах власти, парламенте, взаимодействуя с правительственными чиновниками [Norris, Lovenduski 1995: 210].

По словам К. Витко и С. Фридман, «влияние институциональной социализации может перевесить прошлый опыт, и требования непосредственной политической повестки дня, будь то продиктованные партиями <...> или критическими событиями <...>, могут иметь приоритет над собственными интересами и предпочтениями члена парламента. Кроме того, обязательства представлять интересы избирательного округа часто будут первоочередными в умах законодателей, независимо от предшествующего занятия законодателя» [Witko, Friedman 2008: 72–73].

Однако целый ряд зарубежных и российских исследований все же подтверждают значимую связь между определенными характеристиками социально-профессионального происхождения и карьеры, с одной стороны, и политическими аттитюдами и поведением — с другой. Больше всего таких исследований проводилось в США. Например, показано, что юристы в законодательствах штатов США отличаются от неюристов с точки зрения голосования [Dyer 1976]. К. Витко и С. Фридман установили, что члены Палаты представителей США, пришедшие из бизнеса, голосуют в большей степени в его интересах, причем те, кто вышел непосредственно из этой сферы, больше поддерживают ориентированное на бизнес законодательство. Хотя влияние происхождения из бизнеса на политическое поведение законодателей небольшое, оно сохраняется при контроле партийности и идеологии [Witko, Friedman 2008]. Н. Карнс показал, что выходцы из рабочего класса в Конгрессе США выражают наиболее либеральные экономические предпочтения, в то же время законодатели, вышедшие из профессий, ориентированных на прибыль (владельцы ферм, бизнесмены и специалисты частного сектора) голосуют наиболее консервативно по экономическим вопросам [Carnes 2012]. Э. Хансен, Н. Карнс и В. Грей [Hansen, Carnes, Gray 2019] выявили, что законодатели штатов США, вышедшие из страховой от-

расли, продвигают более благоприятное для нее законодательство. Что касается других развитых капиталистических стран, то можно упомянуть, например, исследование Ч. Кима [Kim 1974], который пришел к неоднозначным выводам о влиянии социального происхождения и карьеры депутатов парламентов японских префектур на их аттитюды. С одной стороны, различные аспекты рекрутирования депутатов, включая тип их карьеры, показали сильную связь с определенными политическими аттитюдами, такими как образы избирателей, партийная лояльность и восприятие функционирования легислатуры. В то же время такие переменные социального происхождения, как возраст, образование, занятие, классовый статус и место рождения, оказались не в состоянии объяснить существенные различия в аттитюдах законодателей.

Впрочем, исследования влияния характеристик происхождения и карьеры элитных персон, включая депутатов, на их политические ценности, аттитюды и поведение проводились не только в развитых капиталистических демократиях. Например, исследование иранской элиты [Razi 1981] показало, что только три переменные социально-экономического происхождения ее членов — возраст, тип высшего образования и место рождения — были существенно связаны с распределением демократических и авторитарных аттитюдов.

В многочисленных исследованиях европейских и американских элит внимание обращается на относительную закрытость данной общности и существующую связь между социальным происхождением и возможностями воспроизводства своих высоких социальных позиций. Так, по мнению М. Ли, в европейских странах на долю представителей рабочего класса приходится только 7 % мест в административном аппарате, чуть больше в европейских парламентах (22 %). Американский парламент более открыт для социальных низов: в составе палаты представителей от демократической партии доля рабочих составляет 16 %, от республиканской — 25 % [Усова 2015: 39–40].

Исследования образовательного статуса политической и административной элиты Европы и США указывают на существование дифференциации по типу полученного образования. Согласно данным исследований, более 90 % европейских и американских депутатов и представителей административной элиты имеют высшее образование. Больше всего гуманитариев зафиксировано среди английских чиновников, при этом в США их количество незначительно — 6 %, в Германии еще меньше — 3 %. Среди немецких чиновников преобладают юри-

сты — 70 %, значительно их количество в Голландии (40 %), Италии (56 %) и США (20 %). Что касается политической элиты США, то более половины имеют юридическое образование (57 %) (для сравнения: в Великобритании — только 20 %) [Усова 2015: 39–40].

В свою очередь, Н. Карнс и Н. Лупу, используя данные по восемнадцати латиноамериканским легислатурам, выявили, что законодатели из разных классов привносят в законодательный процесс разные экономические аттитюды [Carnes, Lupu 2015]. Выходцы из «беловоротничковых» профессий склонны придерживаться более правых взглядов, а выходцы из рабочего класса — более левых, причем эти различия сохраняются даже при контроле над другими потенциальными детерминантами законодательного процесса. Более того, на примере парламента Аргентины они установили, что классовое происхождение значимо влияет на такой аспект законодательного поведения депутатов, как внесение (авторство) законопроектов.

Применительно к России П. Чэйсти установил, что происхождение из бизнеса, связь депутатов Государственной Думы с определенными экономическими секторами служат сильным предиктором некоторых аспектов их законодательного поведения [Chaisty 2013: 729–732]. Также Д. Жакони на примере российских мэров и региональных депутатов, пришедших из бизнеса, показывает, что опыт работы в частном секторе приводит к тому, что политики расставляют приоритеты, которые выгодны деловому сообществу [Szakonyi 2019]. В частности, бизнесмены-политики повышают расходы на экономическую инфраструктуру (дороги и транспорт), не затрагивая при этом траты на социальную инфраструктуру (здравоохранение и образование), также они не снижают бюджетный дефицит, но скорее принимают менее конкурентные методы выбора подрядчиков, особенно в строительстве. Наконец, как показано в ряде работ, такая характеристика профессионального происхождения и карьеры членов российской региональной элиты (включая и депутатов), как номенклатурный опыт (работа в партийных, советских и комсомольских органах) является одним из факторов, существенно дифференцирующих их политические ценности и аттитюды [Региональные элиты... 2001].

Словом, как отмечают Г. Кербо и Л. Фэйв, «хотя соответствие между происхождением, с одной стороны, и аттитюдами, ценностями и поведением — с другой, далеко от абсолютного, исследования показали достаточно сильные корреляции для того, чтобы сделать стоящим

это направление исследования» [Kerbo, Fave 1979: 6]. Это обстоятельство актуализирует изучение социально-профессиональных источников рекрутирования и особенностей карьеры элитных персон, включая депутатов законодательных собраний субъектов РФ. Причем по отношению к этой элитной группе актуальность исследования указанных характеристик особенно велика, поскольку их влияние на законодательное поведение может усиливаться тем фактом, что большинство региональных депутатов работают на непостоянной основе, не покидая той профессиональной позиции (например, в бизнесе или в социальной сфере), которую занимали на момент избрания в легислатуру.

В-четвертых, особенности источников рекрутирования и карьеры региональной политической элиты могут быть связаны с уровнем ее сплоченности (интеграции). Вообще, гомогенность (однородность) социально-профессионального профиля парламентариев может служить важной предпосылкой элитной сплоченности, облегчать внутриэлитный компромисс, способствовать развитию корпоративного духа [Edinger 2010: 132]. Как отмечали Ч. Ким и С. Паттерсон, социальная гомогенность, возможно, не является «ни необходимым, ни достаточным условием элитной интеграции», но, безусловно, существует очень выраженная тенденция к тому, чтобы члены элиты разделяли общий опыт в своем социальном и политическом происхождении. Такой общий опыт облегчает межличностное взаимодействие внутри политической элиты и оказывает прямые и косвенные воздействия на согласованность и совместимость ценностей членов элиты [Kim, Patterson 1988: 380].

В этом смысле примечательна и точка зрения Э. Гидденса, который указывал, что закрытая система рекрутирования, которая создает относительную однородность характеристик социального происхождения, предоставляя доступ в элиту главным образом представителям привилегированных слоев и лишая его выходцев из «низов», «вероятно, обеспечивает тип согласованной социализации, производящий высокий уровень интеграции между (и внутри) элитными группами» [Giddens 1974: 6]. Впрочем, он же подчеркивает и относительность этой зависимости, указывая на случаи, в которых закрытый паттерн рекрутирования сочетается с низким уровнем внутриэлитной интеграции («учрежденная элита») и где, напротив, разнообразие характеристик социального происхождения элиты совмещается с высоким уровнем интеграции (так называемая «солидарная элита», характерная, например, для социалистических стран).

Отдельно следует отметить, что значимым фактором и показателем интеграции различных функциональных сегментов элиты служат динамические переплетения между ними, которые создаются карьерными переходами персон из одних властных групп в другие. Как отмечает У. Хоффман-Ланге, одним из показателей элитной интеграции служат «элитные карьеры, включающие профессиональный опыт в различных секторах, который способствует отношениям сотрудничества между лидерами разных секторов и организаций» [Hoffmann-Lange 2018: 63]. В этом смысле, например, приток в региональные законодательные собрания выходцев из администрации или экономической элиты данного региона (как и переходы законодателей на работу в органы исполнительной власти и руководство крупных бизнес-структур) могут способствовать межфракционной элитной интеграции, формированию единой, хотя и дифференцированной в институциональном и функциональном плане, властной элиты региона.

Наконец, в-пятых, характер бассейна рекрутирования политической элиты, включая региональный депутатский корпус, может влиять на ее легитимность. Как писал Р. Патнэм, политическая легитимность частично основывается на представлении о равенстве возможностей, и, как полагают многие практические политики, социологически непредставительная элита может подрывать легитимность правления [Putnam 1976: 44]. Д. Мэттьюз отмечал, что «кажется правдоподобным предположить, что результаты законодательного рекрутирования влияют на успех законодательного органа: британская Палата общин, состоящая исключительно из выпускников Оксбриджа, или американский Сенат, составленный исключительно из белых мужчин-миллионеров, кажется, не способствовали бы счастливой уступчивости масс в наши дни» [Matthews 1984: 556].

В свою очередь, можно предполагать, что широкая представленность выходцев из рабочего класса в областных и Верховных советах РСФСР и СССР, сформированных по номенклатурно-квотному принципу, облегчала выполнение им легитимирующей функции в рамках существовавшего тогда политического режима. В связи с этим вопрос о том, в какой степени социально-профессиональный состав региональных законодательных собраний соответствует социально-структурным характеристикам населения соответствующих регионов, имеет существенное значение.

РЕКРУТИРОВАНИЕ ПОСТСОВЕТСКОЙ ЭЛИТЫ

Исследование рекрутирования региональных российских элит отечественными учеными началось в середине 1990-х годов. Тогда же появляются и первые диссертации на эту тему (см., например: [Львова 1997]).

Эмпирический анализ трансформации российской элиты показывает ее отчетливую связь с предыдущими властными группами. Исследователи убедительно демонстрируют, что в первое десятилетие «новой» России именно прежняя номенклатура разного уровня сохранила командные высоты в политико-административной сфере [Krysh-tanovskaya, White 1996; Wasilewski 1998; Gaman-Golutvina 2008].

Существенно, что были зафиксированы важные изменения как механизмов рекрутирования, так и бассейна рекрутирования элит. В этом отношении работы исследователей первого постсоветского десятилетия выступают своего рода научным свидетельством исторической эволюции отечественных элит.

Для ученых в середине 1990-х многие новые тенденции еще не были видны столь отчетливо, как в более поздний период. Было еще очень много элементов прошлого. Так, в 1995 г. Д.В. Бадовский и А.Ю. Шутов отмечали сохранение «номенклатурного принципа элитообразования» [Бадовский, Шутов 1995: 4]. А следующий год (1996 г.) Н.Ю. Лапина и А.Е. Чирикова отметили как начало нового этапа формирования российских региональных элит [Лапина, Чирикова 2000: 67].

Исследователи выявили появившуюся в 1997–1998 гг. новую тенденцию — повышение представительства в региональных легислатурах хозяйственников и бизнес-элиты [Лапина, Чирикова 1999: 34]. Они связывали это, во-первых, с возрастанием экономической и политической самостоятельностью регионов, и как следствие — возможность и желание региональных экономических боссов участвовать в воздействии на принятие решений в отношении распределения ресурсов. А во-вторых, с изменением отношения населения к предпринимательской деятельности [Лапина, Чирикова 1999: 34]. Основываясь на своих выводах, авторы делали оптимистический прогноз: «Можно с большой долей вероятности утверждать, что в перспективе авторитет законодательных собраний, а следовательно и удовлетворенность депутатского корпуса своим политическим влиянием возрастут» [Лапина, Чирикова 1999: 35]. Однако в этом же году Н. Петров и А. Титков отмечали, что

установилась элитно-олигархическая власть и существенно сузился бассейн рекрутирования [Петров, Титков 1999: 108]. И уже через год Н. Лапина и А. Чирикова отмечают тенденцию возрастания управляемости избирательным процессом в регионах [Лапина, Чирикова 2000: 72–73]. Однако они писали и об активизации директоров крупных предприятий [Лапина, Чирикова 2000: 73–74].

В дальнейшем усилилось влияние бизнес-слоев [Крыштановская 2005], а в последнее десятилетие отмечался большой приток во властные структуры выходцев из силовых структур [Крыштановская 2002; Kryshstanovskaya, White 2003, 2005; Petrov 2005; Абелинскайте 2007]. Но тезис о милитократии был подвергнут критическому анализу разными авторами, показавшими его уязвимость [Гаман-Голутвина 2006: 350–352, 382–383; Renz 2006; Rivera, Rivera, 2006, 2014; Ривера, Ривера 2009; Дука 2012].

Исследование мобильности элиты предполагает описание зон входа и выхода элиты — «буферных зон», которые обозначаются в литературе как «предэлитные горизонты управления» [Сельцер 2006], «предэлитные» позиции или «второй эшелон элиты» [Ершова 1994], «около-элитные зоны»: «предэлитная зона» для инкорпорации в элиту, «эксэлитная» — для экскорпорации [Крыштановская 2005]. Изучение буферных зон элиты раскрывает ее социальный и институциональный генезис, так как в контроле над буферными зонами проявляется институционализирующая функция элиты по построению и поддержанию института воспроизведения самой элиты и осуществлению власти в обществе (построение и поддержание институционального порядка).

В отечественной науке предпринимались попытки выделить этапы рекрутирования российской региональной элиты. Как мы уже писали, такого рода опыты в значительной степени отражают время, когда авторы предлагали свои классификации, и существующие тенденции. Д.В. Покатов выделяет четыре этапа процесса рекрутирования: «квазисвободная конвергенция» (1991–1993), мутационный этап (1994–2000), «управляемая рекрутация элиты» (2001–2011) и смешанный, гибридный (начался в 2012 г.) [Покатов 2017: 89–106]. В последующем автор скорректировал свою позицию: количество этапов сократилось до трех: первый («формально-свободной циркуляции») совпадает с ельцинским периодом — с 1991 по 2000 г.; второй, «регулируемой ротации» — с 2001 по 2011 г.; третий, обозначенный как «корпоративно-персонократической стабилизации», начался в 2011 г. и продолжается

до сего времени [Покатов 2019]. Каждая периодизация показывает содержание политического процесса, нюансируя определенные события как вехи.

Вопрос о бассейне рекрутирования российской элиты

Особое внимание в научной литературе прошлых лет было уделено исследованию характеристик бассейна рекрутирования и карьер политической (парламентской) элиты различного уровня. Так, в работе О.В. Гаман-Голутвиной подробно проанализированы социально-демографические и социально-профессиональные характеристики депутатов Государственной Думы РФ и их динамика на протяжении шести созывов (1993–2012). Проведено сравнение выявленных тенденций с данными исследований зарубежных парламентских элит. Автор приходит к выводу, что ведущей тенденцией эволюции парламентского корпуса является профессионализация [Гаман-Голутвина 2012].

В статье А.В. Шентяковой рассматриваются качественный состав и каналы рекрутирования политической элиты РФ (депутатов Госдумы). Проанализированы изменения ее характеристик в период с 1996 по 2006 г. В частности, выявлены тенденции омоложения депутатского корпуса, роста доли лиц с экономическим, юридическим и управленческим образованием (при стабильном преобладании персон с первым техническим образованием), снижения удельного веса бывшей номенклатуры. Автор также отмечает сужение зоны рекрутирования депутатов ГД и увеличение доли парламентариев, занимавших непосредственно перед избранием высокие административные должности [Шентякова 2011].

Д.Б. Тев рассматривает социально-профессиональный состав Государственной Думы VI созыва. Исследование показало, что политическая элита РФ существенно укоренена в структурах политико-административной власти советского общества: среди депутатов ГД номенклатурный опыт распространен в большей степени, чем среди административной и экономической элиты страны. Важная тенденция постсоветской карьеры депутатов — политическая профессионализация. Заметна тенденция бюрократизации депутатского корпуса, значительная часть которого в постсоветский период работала в административных структурах. Имеют место динамические переплетения между федеральными административной и политической элитами, особенно на уровне руководства ГД. Бизнес — важнейший источник рекрутирования политической элиты за пределами политико-административных структур. Хотя

выходцев из крупного в общенациональном масштабе бизнеса немного, наблюдаются переплетения экономической и политической элит страны. Наконец, некоторые профессиональные категории, широко представленные в legislatures ряда западных стран (юристы и преподаватели), довольно слабо присутствуют в Госдуме РФ [Тев 2017].

Неформальным практикам представительной власти посвятила свое исследование А.Б. Даугавет. В частности, петербургский социолог сопоставляет практики на различных этапах развития института представительной власти применительно к России. По мнению автора, представительный институт соединяет в себе систему формальных демократических норм и систему или набор неформальных правил и практик, вступающий в конкурентное взаимодействие с данным формальным институтом. «Взаимодействие формального и неформального, то есть использование формальных норм в процессе осуществления неформальных практик, приводит к подавлению формального института в виде противоречащих его смыслу последствий: вместо контроля работы исполнительной власти со стороны представительного органа он сам подчиняется интересам администрации» [Даугавет 2012: 369].

Исследователи трансформации властных групп России в постсоветский период активно изучали карьеры представителей российских элит. При этом в исследовательское поле зрения, как правило, попали представители всех сегментов. Так, специфика карьер российских руководителей предприятий и организаций в 1990-х годах наиболее подробно рассмотрена в работах Е.Г. Молл [Молл 1996]. Отдельные исследования посвящены карьерам представителей политико-административной элиты. Так, А.В. Понеделков в работе «Политическая элита: генезис и проблемы ее становления в России» описывает несколько карьерных моделей и метафорически обозначает «типичных представителей» для каждой из них: «служаки-спринтеры», «служаки-стайеры», «выскочки-директора», «выскочки-ученые», «выскочки-предприниматели» и «выскочки-разночинцы». В этих метафорах зафиксированы не только основные черты типов карьер, но и бассейны рекрутирования элитных персон [Понеделков 1995а].

Иную типологию представляют Н.С. Слепцов, И.В. Куколев, Т.М. Рыскова. По их мнению, исследовательским потенциалом обладают следующие типы карьер региональных руководителей: «прагматик», «хозяйственник», «директор», «партийный функционер», «администра-

тор», «преподаватель», «прораб», «комсомолец». Все эти карьеры по своему наполнению относятся к социальному типу. По мнению авторов классификации, наиболее широко в корпусе региональных руководителей конца 1990-х годов были представлены три типа социальных карьер — «партийный функционер», «администратор», «хозяйственник». Свыше 60 % региональных руководителей имели карьеры именно этих трех типов, что говорит о вполне определенных характеристиках элитного корпуса [Слепцов, Куколев, Рыскова 1997]. Р.Л. Кричевский добавляет к этой «линейке» еще две модели карьер — «бизнесмен» и «генерал» [Кричевский 2006].

А.А. Паутов и Т.П. Вернигорова выделяют три идеально-типические модели элитной карьеры. Первый тип — устойчивая карьера. Представители элиты с карьерами данного типа прошли и профессиональный, и структурный карьерный путь. По времени социализации это довоенное поколение. Многие имеют в своих биографиях работу на партийных должностях. Они считают себя нонконформистами, прирожденными лидерами. Эти люди сделали себя сами. «Элита порядка» — так называют их авторы классификации. Второй тип карьерной модели — устойчивая, в основном профессиональная, карьера. Индивиды, достигшие элитных позиций в рамках этой модели, имели преимущественно аппаратный рост и карьерным продвижением обязаны команде единомышленников. Авторы считают рассматриваемый тип карьер переходным, а персон, чей жизненный путь развивался подобным образом, тяготеющими к «элите порядка». Наконец, третья модель характеризуется тем, что первые ее этапы имеют вид преимущественно профессиональной карьеры, последующие этапы — преимущественно структурной карьеры. Индивиды, карьера которых развивалась по данному типу, карьерным продвижением обязаны команде единомышленников. Это более молодые люди, либералы по убеждениям, которых исследователи называют «элитой изменений» [Паутов, Вернигорова 2000].

Исследование петербургского социолога А.С. Быстровой, которая изучала карьеры и профессиональную социализацию региональной элиты шести российских регионов (базы данных 2005 и 2009 гг.) показало, что преобладающим типом карьеры в среде экономической элиты является «профессиональная карьера», предполагающая последовательное прохождение служебной лестницы в рамках преимущественно одного вида деятельности, а для политической (а также адми-

нистративной) элиты большее значение имеют социальные карьеры, характеризующиеся неоднократной сменой сферы деятельности [Быстрова 2012].

Наличие в карьере профессиональной деятельности в силовых структурах означает накопление знаний и навыков, не позволяющих их носителям адекватно реагировать на вызовы быстро изменяющейся реальности. Автором определено, что региональные элиты, имеющие в своем составе значительное число лиц, карьеры которых отягощены номенклатурным и «силовым» опытом, склонны утверждать авторитарный стиль правления, плохо сочетающийся с реализацией интенций по реформированию общества.

А.С. Быстрова на основе проведенного исследования отмечает, что в региональной элите довольно высок удельный вес уроженцев населенных пунктов периферии страны, за исключением Санкт-Петербурга. Анализ продолжительности занятия нынешней позиции показывает, что более половины (54 %) представителей региональной элиты шести регионов в 2009 г. занимали свои должности менее двух лет. Это означает, что более половины региональной элиты обновилось в последние два года. Резюмируя, А.С. Быстрова, определяет: 1) чаще всего обновление элиты связано либо с приходом нового губернатора и его команды, либо с какими-то внешними для элиты факторами, понуждающими ее к обновлению; 2) негативной является тенденция постарения элиты и уменьшения доли лиц, занявших свои должности в молодом возрасте [Быстрова 2012].

Особенности бассейна и каналов рекрутирования, а также карьер политической элиты регионального уровня также были довольно подробно освещены в ряде публикаций. В частности, они стали предметом исследования, проведенного сотрудниками сектора социологии власти и гражданского общества Социологического института РАН — филиала ФНИСЦ РАН [Быстрова, Дука, Колесник, Невский, Тев 2008]. Исследование охватило депутатский корпус четырех субъектов РФ (Санкт-Петербурга, Ленинградской, Ростовской и Калининградской областей). Была изучена возрастная, гендерная, образовательная, социально-профессиональная структура региональной политической элиты, выявлены тенденции профессионализации, плутократизации, социальной закрытости депутатского корпуса.

Особенности состава региональных законодательных собраний в 1990–2000-е годы рассматриваются также О.В. Крыштановской, кото-

рая отмечает, что в период правления Б. Ельцина они формировались «из двух основных групп: руководителей региональной исполнительной власти различного уровня и директоров промышленных и сельскохозяйственных предприятий», причем во второй половине 1990-х годов в парламентах целого ряда регионов бизнесмены составили большинство депутатов [Крыштановская 2005: 143].

На усиление плутократизации региональных легислатур в период правления В.В. Путина указывает и А.Е. Чирикова [Чирикова 2005: 196–197]. В этом смысле примечательны и результаты исследования Ю.С. Медведева, который показывает, как профессиональный статус кандидата и обусловленные им ресурсы влияют на его успех на выборах в региональные законодательные собрания по одномандатным округам (а значит, и на вероятность вхождения в политическую элиту). Автор приходит к выводу, что, кроме инкубентов, а также представителей крупного бизнеса, весьма успешны на выборах и ректоры высших учебных заведений [Медведев 2010].

Образовательный статус политической и административной элиты шести российских регионов проанализирован в работе петербургского социолога Н.В. Колесник [Колесник 2019]. Анализ основан на исследовании 635 структурированных биографий политической и административной элиты Санкт-Петербурга, Ленинградской, Ростовской, Калининградской, Костромской, Хабаровской областей, проведенном в 2011–2016 гг. Автор показывает, что в региональной элите происходит постепенный отход от «технократического» образовательного профиля в сторону экономических и юридических специальностей, зачастую представители региональной элиты являются обладателями нескольких дипломов о высшем образовании и/или ученой степени. Исследование также показывает региональные различия по количеству силовиков: выявлено, что чем выше статус во властной вертикали, тем чаще встречаются лица с военным образованием. Важно отметить, что в работе ставится под сомнение идея о существовании пула элитных (элитарных) вузов в современной России ввиду того, что процесс его формирования носит незавершенный характер. По мнению, Н.В. Колесник, не стоит преувеличивать значимость полученного высшего образования представителями федеральной/региональной элиты в современной России, поскольку оно в большей степени влияет на однородность социально-структурных характеристик изучаемой элиты и не до конца проясняет вопрос о качестве получаемого высшего образования [Колесник 2019].

А.А. Марковкин в исследовании механизма рекрутирования политической элиты Волгоградской области отмечает номенклатурный тип рекрутирования политической элиты региона и выделяет такие институциональные каналы рекрутирования, как партийный и деловой: элита пополняется представителями партии власти («Единой России») и лояльных ей партий, социальной базой рекрутирования является директорский корпус и региональный бизнес, решающее значение имеет административный ресурс губернатора [Марковкин 2008].

М.М. Сакаева исследовала масштабы прихода представителей бизнеса в законодательные собрания регионов Северо-Западного федерального округа. Было выявлено, что в парламентах (действующих на начало 2009 г.) шести из одиннадцати регионов предприниматели занимают половину и более депутатских мест. В ходе исследования был сделан вывод о том, что региональный депутатский мандат следует рассматривать как «окно возможностей», позволяющих предпринимателю оптимизировать положение на рынке. На примере Законодательного собрания Санкт-Петербурга были изучены возможности и ресурсы, которые доступны собственникам с депутатским мандатом [Сакаева 2012].

Характеристики бассейна рекрутирования членов региональной политической элиты могут варьироваться в зависимости от их положения в иерархии законодательного собрания (рядовые депутаты и руководители) и фракционной принадлежности. В научной литературе специальное внимание уделено представителям высшей, руководящей страты регионального депутатского корпуса. Темой статьи Л.В. Богатыревой стало рекрутирование председателей (спикеров) законодательных собраний в 1990–2000-е годы. В частности, автор отмечает, что зависимость законодательной власти от исполнительной определила структуру каналов рекрутирования глав региональных парламентов, которая на протяжении рассматриваемого периода практически не изменилась. Основными «поставщиками» спикеров являются областные и муниципальные администрации, руководство бюджетных учреждений, директорский корпус [Богатырева 2012]. Статья Д.Б. Тева посвящена сравнительному анализу бассейна рекрутирования региональных парламентариев, принадлежащих к различным фракциям — КПРФ, «Справедливой России» и ЛДПР. Автор показывает, что, несмотря на ряд общих тенденций (например, профессионализация), партийные группы депутатов обладают спецификой социально-демографических и соци-

ально-профессиональных характеристик (в частности, существенно варьируется возраст депутатов, степень номенклатуризации, плутократизации, милитаризации и социальной закрытости депутатского корпуса), связанной с особенностями истории, электоральной базы, идейно-политического профиля и организационной структуры партий [Тев 2012].

Важной проблемой при изучении карьерных траекторий политической элиты являются гендерные различия. По мнению А. В. Андреевской, исследовавшей парламенты Украины и России с точки зрения гендерных различий, женщины недостаточно представлены в национальных выборных и исполнительных органах власти в этих государствах: они составляют менее 10 % депутатов в национальных парламентах [Андреевская 2000]. Автор исследования сформулировала несколько гипотез относительно причин низкого представительства женщин в политике: 1) недостаток у женщин политического, экономического и культурного капиталов (ресурсов), аккумулированных в до-реформенное время, явился причиной сложности их вхождения в политику в настоящее время; 2) слабость и раздробленность женских организаций, неадекватность их идеологических лозунгов, неспособность представлять интересы своего электората негативно сказывается на политической карьере женщин; 3) недостаток поддержки женщин со стороны истеблишмента (больших предприятий, финансовых кругов, политической элиты и т. д.), как и связи политической элиты этих стран с криминальными структурами и системой лоббирования, в которой кандидаты-мужчины ориентируются лучше женщин, не позволяет им составить серьезную конкуренцию в поле политики [Андреевская 2000].

Согласно точке зрения Е. В. Кудряшевой и Н.Н. Кукаренко, которые исследовали представительство женщин в региональной политике Архангельской области, «только на уровнях региональной и муниципальной политики женщины представлены чуть лучше» [Кудряшева, Кукаренко 2003]. На государственном уровне, считают исследователи, российские женщины по-прежнему устраняются от процесса принятия важных политических решений и, как следствие, не имеют возможности решать свою судьбу и судьбу своих детей. Чем выше уровень власти, тем меньше там женщин [Кудряшева, Кукаренко 2003].

Проведенный Н.В. Колесник анализ региональной элиты в современной России показывает, что в политической, административной

и частично экономической сферах сохраняются старые гендерные стереотипы, когда представители женской элиты слабо представлены на ключевых позициях. В общем массиве региональных элит Санкт-Петербурга, Ленинградской, Ростовской, Калининградской областей женщины занимают лишь каждую четвертую позицию. Согласно полученным данным, больше всего женщин представлено в административной сфере Калининградского региона, менее всего — среди административной элиты Санкт-Петербурга [Колесник 2003].

Что касается политического сегмента региональной элиты в каждом отдельном регионе, то присутствие женщин в нем минимизировано и составляет не более 9 %, что объясняется не только существующим ресурсным неравенством, но и ситуационными факторами. Сложившееся определенное гендерное неравенство в уровне образования, доходах, опыте работы приводит к тому, что женщины меньше представлены в тех слоях, из которых происходит рекрутирование в политику, поэтому их шансы на политическое участие значительно меньше. Согласно полученным данным, женщины часто приходят в региональную политику из сфер образования и здравоохранения, финансового, реже банковского секторов [Колесник 2003].

О ПЕРСПЕКТИВАХ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ПОДХОДА (вместо заключения)

Таким, образом, анализ зарубежной и российских научной литературы показывает значимость проблемы институционализации власти и элитных групп. Теоретическими ориентирами оказываются те работы, в которых анализируются процессы хабиитуализации, рутинизации, приобретения устойчивости социальными практиками, учреждениями, структурами. В этом смысле методологическим принципом, обладающим исследовательским потенциалом, оказывается принцип исторического институционализма. В связи с этим возможно определение института как некоей совокупности индивидов, действующих в соответствии с общими (для них) правилами для достижения коллективных целей. Эта совокупность индивидов, взаимодействующих в соответствии с правилами, реагирует на информацию извне и приходит к коллективному ответу (даже если коллективный ответ является просто суммой индивидуальных действий, как это происходит на рынке, на выборах, при поименном голосовании в легислатурах).

Основная функция института — интегрировать и стабилизировать коллективную деятельность. Соответственно институционализация заключается в закреплении действий, превращение их в типичные и привычные. Поэтому рутинность и воспроизводство во времени (т.е. определенная историчность) выступают важными индикаторами завершенности институционализации. Возможны варианты институционализации, при которых институтами или институциями становятся требования и практики агентов, при этом первоначальная их деятельность сходит на нет, они «превращается» в новые институты.

Элита в этой связи понимается как функциональная группа, представляющая собой совокупность индивидов, которые занимают значимые позиции в социальных, политических, экономических институтах. Эти позиции позволяют им осуществлять в современном обществе и его подсистемах интегративные и стабилизирующие функции и в связи с этим дают возможность принимать решения по распределению основных общественных ресурсов. По сути, эта группа ответственна за поддержание базовых для данного общества институциональных порядков, она выполняет институционализирующие и деинституционализирующие (когда необходимы институциональные реформы) функции в обществе. Таким образом, в институциональной перспективе она может быть рассмотрена как специфический институт.

Важным и необходимым элементом институционализации ввиду ее интерпретационной функции является культура. Любой институт может существовать как интегрирующая и стабилизирующая деятельность, подкрепляющая соответствующие требования, артикулированные в формальных и неформальных нормах, а легитимность института необходима не только для «объектов» интеграции, но не в меньшей степени для ее субъектов.

Борьба за ресурсы выступает как необходимый элемент процесса институционализации. Ввиду ограниченности ресурсов необходимы специальные действия, ведущие, с одной стороны, к изоляции основной массы населения от доступа к ресурсам, с другой, — к приватизации этих ресурсов. Возникающее социальное расслоение на основе разницы в доступе к ресурсам создает необходимые демаркации. Для новой элиты необходимо создать социальные группы поддержки. В данном случае речь идет о слое богатых, ибо о среднем классе в российском обществе говорить преждевременно.

Литература

Абелинскайте В.Э. Россия: от олигархии к милитократии? // Без темы. 2007. № 3 (5). С. 50–54.

Андрееenkova А.В. Представительство женщин в парламентах России и Украины: опыт социологического анализа // Социологические исследования. 2000. № 11. С. 117–127.

Бадковский Д.В., Шутов А.Ю. Региональные элиты в постсоветской России: особенности политического участия // Кентавр. 1995. № 6. С. 3–23.

Бартошек М. Римское право: Понятия, термины, определения / пер. с чешск. М.: Юридическая литература, 1989. 448 с.

Богатырева Л.В. Механизмы рекрутирования глав региональных законодательных собраний (на примере регионов ЦФО) // Политическая наука. 2012. № 1. С. 175–189.

Быстрова А.С. Типы карьер представителей региональной административно-политической элиты и факторы, влияющие на карьерные различия // Властные структуры и группы доминирования: мат-лы X всерос. семинара «Социологические проблемы институтов власти в условиях российской трансформации» / под ред. А.В. Дуки. СПб.: Интерсоцис, 2012. С. 76–93.

Быстрова А.С., Дука А.В., Колесник Н.В., Невский А.В., Тев Д.Б. Российские региональные элиты: инновационный потенциал в контексте глобализации // Глобализация в российском обществе: сб. науч. трудов / отв. ред. И.И. Елисеева. СПб.: Нестор-История, 2008. С. 99–242.

Вебер М. Политика как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения: пер. с нем. М.: Прогресс, 1990. С. 644–706.

Гайдар Е.Т. Государство и эволюция. М.: Евразия, 1995. 206 с.

Гаман-Голутвина О.В. Парламентский корпус современной России // Политический класс в современном обществе / под ред. О. В. Гаман-Голутвиной. М.: РОССПЭН, 2012. С. 113–142.

Гаман-Голутвина О.В. Политические элиты России: вехи исторической эволюции. М.: РОССПЭН, 2006. 448 с.

Даугавет А.Б. Представительная власть Санкт-Петербурга как неформальный институт (2000–2011) // Властные структуры и группы доминирования: мат-лы X всерос. семинара «Социологические проблемы институтов власти в условиях российской трансформации» / под ред. А.В. Дуки. СПб.: Интерсоцис, 2012. С. 344–369.

Дискин И. Реформы и элиты: институциональный аспект // Общественные науки и современность. 1995. № 6. С.29–41.

Дука А.В. Институционализация политико-административной элиты в Санкт-Петербурге // Политика. 2003. № 2. С. 126–149.

Дука А.В. К вопросу о милитократии: Силовики в региональных властных элитах // Властные структуры и группы доминирования: мат-лы X всерос. семинара «Социологические проблемы институтов власти в условиях рос-

сийской трансформации» / под ред. А.В. Дуки. СПб.: Интерсоцис, 2012. С. 94–120.

Дука А.В. Трансформация постсоветских политико-административных элит // Актуальные проблемы Европы. 2017. № 2. С. 14–54.

Ершова Н.С. Трансформация правящей элиты России в условиях социального перелома // Куда идет Россия?.. Альтернативы общественного развития: междунар. симпозиум, 17–19 декабря 1993 г. М.: Интерпракс, 1994. С. 151–155.

Колесник Н.В. Гендерные распределения в региональной элите (северо-запад и юг России) // Политическая экспертиза: Политекс. 2009. № 5 (2). С. 72–87.

Колесник Н.В. Образовательные траектории российской элиты: региональная проекция // Мир России. 2019. Т. 28, № 4. С. 30–48.

Кричевский Р.Л. Психология профессиональной карьеры // Психология профессиональной деятельности / под общ. ред. А.А. Деркача. М.: Изд-во РАГС, 2006. С. 82–85.

Крыштановская О. Анатомия российской элиты. М.: Захаров, 2005. 384 с.

Крыштановская О.В. Режим Путина: либеральная милитократия? // Pro et Contra. 2002. Т. 7, № 4. С. 158–180.

Кудряшова Е.В., Кукаренко Н.Н. Политическое участие женщин в Архангельской области // Гендерная реконструкция политических систем: сб. статей / под ред. Н.М. Степанова, Е.В. Кочкина. СПб.: Алетейя, 2004. URL: <http://www.owl.ru/win/books/genderpolicy/arkhangelsk.htm> (дата обращения: 23.12.2018).

Лапина Н., Чирикова А. Региональные элиты в РФ: модели поведения и политические ориентации. М.: ИНИОН РАН, 1999. 192 с.

Лапина Н., Чирикова А. Стратегии региональных элит: модели власти, политический выбор. М.: ИНИОН РАН, 2000. 200 с.

Луман Н. Дифференциация: пер. с нем. М.: Логос, 2006. 320 с.

Львова М.С. Выборы как фактор рекрутирования и формирования региональной политической элиты России: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 1997. 22 с.

Марковкин А.А. Механизмы рекрутирования политической элиты в регионе: на примере Волгоградской области: дис. ... канд. соц. наук. Волгоград, 2008. 161 с.

Медведев Ю.С. Профессиональный статус как фактор успеха на региональных выборах // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2010. № 2 (57). С. 75–90.

Молл Е.Г. Управленческая карьера в России // Проблемы теории и практики управления. 1996. № 6. С. 117–120.

Паутов А.А., Вернигорова Т.П. Элита и элитогенез. М.: Изд-во РАГС, 2000. 126 с.

Петров Н., Титков А. Политическая жизнь в регионах // Регионы России в 1998 г.: ежегодное приложение к «Политическому альманаху России» / под ред. Н. Петрова. М.: Гендальф, 1999. С. 104–112.

Покатов Д.В. Политическая региональная элита: социологический ракурс трансформационной динамики. М.: Маска, 2017. 164 с.

Покатов Д.В. Рекрутирование современной российской политической элиты как ротация политической и административно-корпоративной элитных групп // Власть и элиты. 2019. Т. 6, № 1. С. 71–97.

Понедельков А.В. Политическая элита: генезис и проблемы ее становления в России. Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ, 1995а. 208 с.

Понедельков А.В. Элита. (Политико-административная элита: проблемы методологии, социологии, культуры). Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ, 1995б. 340 с.

Региональные элиты Северо-Запада России: политические и экономические ориентации / под ред. А.В. Дуки. СПб.: Алетейя, 2001. 352 с.

Ривера Ш., Ривера Д. К более точным оценкам трансформации в российской элите // ПОЛИС: Политические исследования. 2009. № 5. С. 149–157.

Рывкина Р. Какой капитализм возникает в России? // Мировая экономика и международные отношения. 1997. № 5. С. 73–86.

Сакаева М.М. Парламент как «окно возможностей»: исследование поведения предпринимателей с депутатским мандатом в ходе реализации рыночных интересов // Экономическая социология. 2012. Т. 13, № 3. С. 96–122.

Сафронов В.В. Консолидация авторитаризма или демократизация: поддержка путинского режима элитой Санкт-Петербурга // Условия и возможности консолидации российского общества: сб. науч. трудов СИ РАН / отв. ред. А.В. Дука, И.И. Елисеева. СПб.: Нестор-История, 2010. С. 30–110.

Селеньи И., Эял Г., Тоунсли Э. Построение капитализма без капиталистов: образование классов и борьба элит в посткоммунистической Центральной Европе / Пер. с англ. под рук. И. Беляевой, отв. ред. О. Куценко. Киев: Институт социологии НАНУ; Харьков: Харьковский национальный ун-т им. В.Н. Каразина, 2008. 320 с.

Сельцер Д.Г. Взлеты и падения номенклатуры. Тамбов: ТОГУП «Тамбовполиграфиздат», 2006. 592 с.

Слепцов Н.С., Куколев И.В., Рыскова Т.М. Новая легитимность региональных лидеров // Социология власти. 1997. № 3. С. 5–23.

Тев Д.Б. Государственная Дума РФ шестого созыва: социально-профессиональные характеристики бассейна рекрутирования депутатов // Власть и элиты / отв. ред. А.В. Дука. Т. 4. СПб.: Интгерсоцис, 2017. С. 67–128.

Тев Д.Б. Партии «второго эшелона» в региональных парламентах: особенности бассейна рекрутирования депутатов КПрФ, Справедливой России и ЛДПР // Вестник Пермского государственного университета. Серия «Политология». 2012. № 1 (17). С. 98–111.

Туровский Р.Ф. Региональные политические режимы: к методологии анализа // Полис. Политические исследования. 2009. № 2. С. 77–95.

Усова Ю.В. Политические элиты регионов современной России: факторы трансформации и векторы позиционирования. Владикавказ: ИПЦСОИГСВНЦРАНИРСО-А, 2015. 268 с.

Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М.: Прогресс-Традиция, 2004. 480 с.

Чирикова А.Е. Региональные парламенты: ресурсный потенциал и неформальные правила политической игры // Власть и элиты в российской трансформации: сб. науч. статей / под ред. А.В. Дуки. СПб.: Интерсоцис, 2005. С. 194–222.

Чирикова А.Е. Региональные элиты России. М.: Аспект Пресс, 2010. 271 с.

Шентякова А.В. Политическая и административная элита: качественный состав и каналы рекрутирования // Российские властные институты и элиты в трансформации: мат-лы VIII всерос. семинара «Социологические проблемы институтов власти в условиях российской трансформации» / отв. ред. А.В. Дука. СПб.: Интерсоцис, 2011. С. 145–156.

Штайнер Х. Различия и сходство в социальных реалиях. Социологический анализ России в сравнении с Польшей и Венгрией // Социология: теория, методы, маркетинг. 2003. № 4. С. 191–206.

Best H., Vogel L. Representative Elites // The Palgrave Handbook of Political Elites / ed. by H. Best, J. Higley. L.: Palgrave Macmillan imprint is published by Springer Nature, 2018. P. 339–362.

Bianco W.T. Last Post for “The Greatest Generation”: The Policy Implications of the Decline of Military Experience in the U.S. Congress // Legislative Studies Quarterly. 2005. Vol. 30, № 1. P. 85–102.

Burton M.G., Higley J. Elite Settlements // American Sociological Review. 1987. Vol. 52, № 3. P. 295–307.

Burton M.G., Higley J. Political Crises and Elite Settlements // Elites, Crises, and the Origins of Regimes / ed. by M. Dogan, J. Higley. Lanham; Boulder; N.Y.; L.: Rowman & Littlefield Publishers, Inc., 1998. P. 47–70.

Burton M.G., Higley J. The Study of Political Elite Transformations // International Review of Sociology. 2001. Vol. 11, № 2. P. 181–199.

Carnes N. Does the Numerical Underrepresentation of the Working Class in Congress Matter? // Legislative Studies Quarterly. 2012. Vol. 37, № 1. P. 5–34.

Carnes N., Lupu N. Rethinking the Comparative Perspective on Class and Representation: Evidence from Latin America // American Journal of Political Science. 2015. Vol. 59, № 1. P. 1–18.

Chaisty P. The Preponderance and Effects of Sectoral Ties in the State Duma // Europe-Asia Studies. 2013. Vol. 65, № 4. P. 717–736.

Derge D.R. The Lawyer as Decision-Maker in the American State Legislature // Journal of Politics. 1959. Vol. 21, № 3. P. 408–433.

Duka A. Transformation of Post-Soviet Political-Administrative Elites // Rising Powers, Institutions and Elites. Brazil, China, Russia, Turkey / Ed. by Nicolas Monceau and Daniel Bourmaud. Bordeaux: Presses Universitaires de Bordeaux, 2018. P. 127–155.

Dyer J.A. Do Lawyers Vote Differently? A Study of Voting on No-Fault Insurance // Journal of Politics. 1976. Vol. 38, № 2. P. 452–456.

Edinger L., Searing D. Social Background in Elite Analysis: A Methodological Inquiry // *American Political Science Review*. 1967. Vol. 61, № 2. P. 428–445.

Edinger M. Elite Formation and Democratic Elitism in Central and Eastern Europe: A Comparative Analysis // *Democratic Elitism: New Theoretical and Comparative Perspectives* / ed. by H. Best, J. Higley. Leiden: Brill, 2010. P. 129–151.

Field G.L., Higley J. *Elitism*. L.; Boston: Routledge and Kegan Paul, 1980. xi, 135 p.

Gaman-Golutvina O. Changes in Elite Patterns // *Europe-Asia Studies*. 2008. Vol. 60, № 6. P. 1033–1050.

Gaxie D. Political and Social Backgrounds of Political Elites // *The Palgrave Handbook of Political Elites* / ed. by H. Best, J. Higley. L.: Palgrave Macmillan imprint is published by Springer Nature, 2018. P. 489–506.

Giddens A. Elites in the British class structure // *Elites and Power in British Society* / ed. by P. Stanworth, A. Giddens. L.: Cambridge University Press, 1974. P. 1–21.

Green J.J., Schmidhauser J.R., Berg L.L., Brady D. Lawyers in Congress: A New Look at Some Old Assumptions // *Western Political Quarterly*. 1973. Vol. 26, № 3. P. 440–452.

Gulbrandsen T. Elite Integration — An Empirical Study // *Historical Social Research — Historische Sozialforschung*. 2012. Vol. 37, № 1. Special Issue: Elite Foundations. P. 148–166.

Gulbrandsen T. Elite Integration and Institutional Trust in Norway // *Comparative Sociology*. 2007. Vol. 6, № 1–2. P. 190–214.

Hankiss E. Reforms and the Conversion of Power // *Upheaval against the Plan: Eastern Europe on the Eve of the Storm* / ed. by P.R. Weilemann, G. Brunner, R.L. Tököcs. Oxford: Berg, 1991. P. 27–39.

Hansen E.R., Carnes N., Gray V. What Happens When Insurers Make Insurance Laws? State Legislative Agendas and the Occupational Makeup of Government // *State Politics & Policy Quarterly*. 2019. Vol. 19, № 2. P. 155–179.

Higley J., Lengyel G. Elite Configurations after State Socialism // *Elites After State Socialism. Theories and Analysis* / ed. by J.Higley, G.Lengyel. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, 2000. P. 1–21.

Higley J., Burton M. *Elite foundations of liberal democracy*. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, 2006.

Hoffmann-Lange U. Theory-Based Typologies of Political Elites // *The Palgrave Handbook of Political Elites* / ed. by H. Best, J. Higley. L.: Palgrave Macmillan imprint is published by Springer Nature, 2018. P. 53–68.

Keller S. *Beyond the Ruling Class: Strategic Elites in Modern Society*. With a New Introduction by the Author. New Brunswick; L.: Transaction Publishers, 1991. xxv, 354 p.

Kerbo H.R., Fave L.R.D. The Empirical Side of the Power Elite Debate: An Assessment and Critique of Recent Research // *Sociological Quarterly*. 1979. Vol. 20, № 1. P. 5–22.

Kim C. Attitudinal Effects of Legislative Recruitment: The Case of Japanese Assemblymen // *Comparative Politics*. 1974. Vol. 7, № 1. P. 109–126.

Kim C.L., Patterson S.C. Parliamentary Elite Integration in Six Nations // *Comparative Politics*. 1988. Vol. 20, № 4. P. 379–399.

Konrad G., Szelenyi I. Intellectuals and Domination in Post-Communist Societies // *Social Theory in Changing Society* / ed. by P. Bourdieu, J.S. Coleman. Boulder: Westview, 1991. P. 337–361.

Kryshstanovskaya O., White S. Inside the Putin Court: A Research Note // *Europe-Asia Studies*. 2005. Vol. 57, № 7. P. 1065–1075.

Kryshstanovskaya O.; White S. Putin's Militocracy // *Post-Soviet Affairs*. 2003. Vol. 19, № 4. P. 289–306.

Kryshstanovskaya, O., White S. From Soviet Nomenklatura to Russian Elite // *Europe-Asia Studies*. 1996. Vol. 48, № 5. P. 711–733.

Matthews D.R. Legislative Recruitment and Legislative Careers // *Legislative Studies Quarterly*. 1984. Vol. 9, № 4. P. 547–585.

Matthews D.R. United States Senators and the Class Structure // *Public Opinion Quarterly*. 1954. Vol. 18, № 1. P. 5–22.

Norris P., Lovenduski J. *Political Recruitment: Gender, race and class in the British parliament*. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. xiii, 320 p.

O'Donnell G., Schmitter P. *Transitions from Authoritarian Rule. Tentative Conclusions about Uncertain Democracies*. Baltimore; L.: Johns Hopkins Univ. Press, 1986. xii, 81 p.

Petrov N. Siloviki in Russian Regions: New Dogs, Old Tricks // *The Journal of Power Institutions in Post-Soviet Societies*. 2005. № 2. URL: <http://www.pipss.org/index331.html> (дата обаршения: 03.05.2019).

Prewitt K., Stone A. *The Ruling Elites: Elite Theory, Power, and American Democracy*. N.Y.; L.: Harper & Row, Publishers, 1973. xii, 244 p.

Putnam R.D. *The Comparative Study of Political Elites*. Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice-Hall, 1976. x, 246 p.

Razi G. Democratic-Authoritarian Attitudes and Social Background in a Non-Western Society: A Study of the Iranian Elite // *Comparative Politics*. 1981. Vol. 14, № 1. P. 53–74.

Renz B. Putin's militocracy? An alternative interpretation of Siloviki in contemporary Russian politics // *Europe-Asia Studies*. 2006. Vol. 58, № 6. P. 903–924.

Reuter O.J., Szakonyi D. Elite Defection under Autocracy: Evidence from Russia // *American Political Science Review*. 2019. Vol. 113, № 2. P. 552–568.

Rivera D.W., Rivera S.W. Is Russia a militocracy? Conceptual issues and extant findings regarding elite militarization // *Post-Soviet Affairs*. 2014. Vol. 30, № 1. P. 27–50.

Rivera S.W., Rivera D.W. The Russian Elite under Putin: Militocratic or Bourgeois? // *Post-Soviet Affairs*. 2006. Vol. 22, № 2. P. 125–145.

Robins R.S. *Political Institutionalization and the Integration of Elites*. Beverly Hills, Calif.; L.: Sage, 1976. vi, 221 p.

Szakonyi D. Private Sector Policymaking: Business Background and Politicians' Behavior in Office (July 15, 2019). URL: <https://ssrn.com/abstract=3101095> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3101095> (дата обращения: 20.10.2019).

Staniszki J. Political Capitalism in Poland // *East European Politics and Societies*. 1991. Vol. 5, № 1. P. 127–141.

Szalai E. The Metamorphosis of the Elites // *Lawful Revolution in Hungary, 1989–94* / ed. by B.K. Király, A. Bozóki. Boulder: Social Science Monographs, 1995. P. 159–174.

Szelenyi I., Szelenyi S. Circulation or Reproduction of Elites during the Postcommunist Transformation of Eastern Europe // *Theory and Society*. 1995. Vol. 24, № 5. P. 615–638.

Szelenyi S., Szelenyi I., Kovách I. The making of the Hungarian postcommunist elite: Circulation in politics, reproduction in the economy // *Theory and Society*. 1995. Vol. 24, № 5. P. 697–722.

Szelényi I. Capitalism after Communism // *New Left Review*. 2015. № 96. P. 1–13.

Szelényi I. Varieties of Social Structure During and After Socialism: Russia, East Europe, and China // *Chinese Sociological Review*. 2013–2014. Vol. 46, № 2. P. 3–31.

Varieties of Capitalism in Post-Communist Countries / ed. by D. Lane, M. Myant. Basingstoke, Hampshire; N.Y.: Palgrave Macmillan, 2007. xiv, 278 p.

Walder A.G. Elite Opportunity in Transitional Economies // *American Sociological Review*. 2003. Vol. 68, № 6. P. 899–916.

Wasilewski J. Three Elites of the Central-East European Democratization // *Transformative Paths in Central and Eastern Europe* / ed. by R. Markowski, E. Wnuk-Lipinski. Warsaw: Friedrich Ebert Stiftung, 2001. P. 133–142.

Wasilewski J. Hungary, Poland, and Russia: The Fate of Nomenklatura Elites // *Elites, Crises, and the Origins of Regimes* / ed. by M. Dogan, J. Higley. Lanham; Boulder; N.Y.; L.: Rowman & Littlefield Publishers, Inc., 1998. P. 147–167.

Witko C., Friedman S. Business Backgrounds and Congressional Behavior // *Congress & the Presidency*. 2008. Vol. 35, № 1. P. 71–86.

Zweigenhaft R.L., Domhoff G.W. Diversity in the Power Elite: How It Happened, Why It Matters. Lanham; Boulder: Rowman & Littlefield Publ., Inc., 2006. x, 267 p.

Zweigenhaft R.L., Domhoff G.W. The new CEOs: women, African American, Latino and Asian American leaders of Fortune 500 companies. Lanham, Md.: Rowman & Littlefield Publ., 2014. xxvi, 237 p.

INSTITUTIONALIZATION OF THE POLITICAL ELITE: SOURCES OF RECRUITMENT AND CAREER¹

*A. Bystrova, A. Daugavet, A. Duka,
N. Kolesnik, A. Nevskiy, D. Tev*

Citation: Bystrova A., Daugavet A., Duka A., Kolesnik N., Nevskiy A., Tev D. *Institutsionalizatsiya politicheskoy elity: istochniki rekrutirovaniya i kar'yera* [Institutionalization of the political elite: sources of recruitment and career]. *Vlast' i elity* [Power and Elites], 2019, 6 (2): 24–66. (In Russian)

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2019.6.2.2>

Abstract. *The article is devoted to the problem of institutionalization of the political elite that still remains a poorly studied subject in Russian elite studies. Despite the fact that the institute of representative power of the constituent entities of the Russian Federation has been functioning for a long time the question of the stability and reproduction of this power group and its main socio-structural characteristics remains. The idea that the process of institutionalization is problematic provided that the context of the recruitment and functioning of the political elite, affecting its social characteristics, changes significantly in the post-soviet period is postulated. It is shown that the institutionalization of the political elite has several dimensions. The paradox of the institutions of power lies in the complementary unity of the three aspects of their existence: democratic, professional meritocratic and societal hierarchical. The article substantiates the significance of the study of the socio-professional pool of recruitment and career of the regional political elite: firstly, the results obtained can quite definitely indicate the direction and stage of institutionalization of power groups. Secondly, the characteristics of the recruitment and political careers can serve as an important indicator of the structure of social and political power. An analysis of foreign and Russian studies confirms a significant relationship between certain characteristics of socio-professional background and career, on the one hand, and political attitudes and behavior, on the other. Numerous studies of European and American elites note the relative closeness of this community and the existing relationship between social origin and the ability to reproduce their high social positions. Significant factors and indicators of integration of various functional segments of the elite are considered separately: dynamic interweaving between them, which is created by*

¹ The article was prepared with the support of the Russian Foundation for Basic Research and the Expert Institute of Social Research, project no. 19-011-31310 “Institutionalization of the regional political elite: recruitment and professional careers”.

career transitions of persons from one power group to another. The analysis of scientific literature on the transformation of the Russian elite shows a clear connection with previous power groups. Researchers convincingly demonstrate that in the first decade of “new” Russia, it was the previous nomenclature of various levels that retained commanding heights in the political and administrative sphere, important changes were recorded in both the recruitment mechanisms and the elite recruitment pool. In this regard, the work of researchers of the first post-soviet decade is a kind of scientific evidence of the historical evolution of domestic elites. In later works by Russian researchers of elites, the characteristics of the recruitment pool for members of the regional political elite, gender and educational differences, depending on the position in the hierarchy of the legislative assembly (ordinary deputies and leaders), and factional affiliation are studied. Special attention in the scientific literature was given to representatives of the highest, leading stratum of the regional deputy corps. In conclusion, the prospects for an institutional approach in the study of elite groups are substantiated.

Keywords: institutions, institutionalization, Russian power, elites, political elites, recruitment, pool of recruitment, political careers.

References

- Abelinskayte V.E. *Rossiya: ot oligarkhii k militokratii?* [Russia: from oligarchy to militocracy?]. *Bez temy* [No subject], 2007, 3, pp. 50–54. (In Russian)
- Andreenkova A.V. *Predstavitel'stvo zhenshchin v parlamente Rossii i Ukrainy: opyt sotsiologicheskogo analiza* [Representation of women in the parliaments of Russia and Ukraine: the experience of sociological analysis]. *Sotsiologicheskkiye issledovaniya* [Sociological research], 2000, 11, pp. 117–127. (In Russian)
- Badovskiy D.V., Shutov A.YU. *Regional'nyye elity v postsovetskoj Rossii: osobennosti politicheskogo uchastiya* [Regional Elites in Post-Soviet Russia: Features of Political Participation]. *Kentavr* [Centaur], 1995, 6, pp. 3–23. (In Russian)
- Bartošek M. *Rimskoye pravo: Ponyatiya, terminy, opredeleniya* [Roman law: Concepts, terms, definitions]. Moscow: Yuridicheskaya literatura, 1989. 448 p. (In Russian)
- Best H., Vogel L. Representative Elites. In: *The Palgrave Handbook of Political Elites*. Ed. by H. Best, J. Higley. London: Palgrave Macmillan imprint is published by Springer Nature, 2018, pp. 339–362.
- Bianco W.T. Last Post for “The Greatest Generation”: The Policy Implications of the Decline of Military Experience in the U.S. Congress. *Legislative Studies Quarterly*, 2005, 30 (1), pp. 85–102.
- Bogatyreva L.V. *Mekhanizmy rekrutirovaniya glav zakonodatel'nykh sobraniy (na primere regionov TSFO)* [Recruitment mechanisms for heads of regional legislative assemblies (on the example of the regions of the Central Federal District)]. *Politicheskaya nauka* [Political Science], 2012, 1, pp. 175–189. (In Russian)
- Burton M.G., Higley J. Elite Settlements. *American Sociological Review*, 1987, 52 (3), pp. 295–307.

Burton M.G., Higley J. Political Crises and Elite Settlements. In: *Elites, Crises, and the Origins of Regimes*. Ed. by M. Dogan, J. Higley. Lanham; Boulder; New York; London: Rowman & Littlefield Publishers, Inc., 1998, pp. 47–70.

Burton M.G., Higley J. The Study of Political Elite Transformations. *International Review of Sociology*, 2001, 11 (2), pp. 181–199.

Bystrova A.S. Tipy kar'yer predstaviteley regional'noy administrativno-politicheskoy elity i faktory, vliyayushchiye na kar'yernyye razlichiya [Types of careers of representatives of the regional administrative and political elite and factors affecting career differences]. In: *Vlastnyye struktury i gruppy dominirovaniya. Materials of the Tenth All-Russian Seminar "Sociological Problems of Power Institutions in the Context of Russian Transformation"* [Power structures and domination groups]. Ed. by A. Duka. St. Petersburg: Intersotsis, 2012, pp. 76–93. (In Russian)

Bystrova A.S., Duka A.V., Kolesnik N.V., Nevsky A.V., Tev D.B. Rossiyskiye regional'nyye elity: innovatsionnyy potentsial v kontekste globalizatsii [Russian regional elites: innovative potential in the context of globalization]. In: *Globalizatsiya v rossiyskom obshchestve* [Globalization in Russian society]. Ed. by I.I. Eliseeva. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2008, pp. 99–242. (In Russian)

Carnes N. Does the Numerical Underrepresentation of the Working Class in Congress Matter? *Legislative Studies Quarterly*, 2012, 37 (1), pp. 5–34.

Carnes N., Lupu N. Rethinking the Comparative Perspective on Class and Representation: Evidence from Latin America. *American Journal of Political Science*, 2015, 59 (1), pp. 1–18.

Chaisty P. The Preponderance and Effects of Sectoral Ties in the State Duma. *Europe-Asia Studies*, 2013, 65 (4), pp. 717–736.

Chirikova A.E. *Regional'nyye elity Rossii* [Regional elites of Russia]. Moscow: Aspekt Press, 2010. 271 p. (In Russian)

Chirikova A.E. Regional'nyye parlamenty: resursnyy potentsial i neformal'nyye pravila politicheskoy igry [Regional'nyye parlamenty: resursnyy potentsial i neformal'nyye pravila politicheskoy igry]. In: *Vlast' i elity v rossiyskoy transformatsii* [Power and elites in the Russian transformation]. Ed. by A. Duka. St. Petersburg: Intersotsis, 2005, pp. 194–222. (In Russian)

Daugavet A.B. Predstavitel'naya vlast' Sankt-Peterburga kak neformal'nogo instituta (2000–2011) [Representative power of St. Petersburg as an informal institution (2000–2011)]. In: *Vlastnyye struktury i gruppy dominirovaniya: Materialy desyatogo Vserossiyskogo seminarra «Sotsiologicheskiye problemy institutov vlasti v usloviyakh rossiyskoy transformatsii»* [Power Structures and Dominance Groups: Materials of the Tenth All-Russian Seminar "Sociological Problems of Power Institutions in the Context of Russian Transformation"]. Ed. by A. Duka. St. Petersburg: Intersotsis, 2012, pp. 344–369. (In Russian)

Derge D.R. The Lawyer as Decision-Maker in the American State Legislature, *Journal of Politics*, 1959, 21 (3), pp. 408–433.

Diskin I. Reformy i elity: institutsional'nyy aspekt [Reforms and Elites: Institutional Aspect]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and the Present], 1995, 6, pp. 29–41. (In Russian)

Duka A.V. Institutitsionalizatsiya politicheskoy i administrativnoy elity v Sankt-Peterburge [Institutionalization of the political and administrative elite in St. Petersburg]. *Politeia* [Politeia], 2003, 2, pp. 126–149. (In Russian)

Duka A.V. K voprosu o militokratii: siloviki v regional'nykh vlastnykh elitakh [On the issue of militocracy: Siloviki in regional power elites]. In: *Vlastnyye struktury i gruppy dominirovaniya: Materialy desyatogo Vserossiyskogo seminara «Sotsiologicheskiye problemy institutov vlasti v usloviyakh rossiyskoy transformatsii»* [Power Structures and Dominance Groups: Materials of the Tenth All-Russian Seminar “Sociological Problems of Power Institutions in the Context of Russian Transformation”]. Ed. by A. Duka. St. Petersburg: Intersotsis, 2012, pp. 94–120. (In Russian)

Duka A.V. Transformatsiya postsovetkikh politiko-administrativnykh elit [Transformation of post-Soviet political and administrative elites]. *Aktual'nyye problemy Yevropy* [Urgent problems of Europe], 2017, 2, pp. 14–54.

Duka A. Transformation of Post-Soviet Political-Administrative Elites. In: *Rising Powers, Institutions and Elites. Brazil, China, Russia, Turkey*. Ed. by Nicolas Monceau and Daniel Bourmaud. Bordeaux: Presses Universitaires de Bordeaux, 2018, pp. 127–155.

Dyer J.A. Do Lawyers Vote Differently? A Study of Voting on No-Fault Insurance. *Journal of Politics*, 1976, 38 (2), pp. 452–456.

Edinger L., Searing D. Social Background in Elite Analysis: A Methodological Inquiry. *American Political Science Review*, 1967, 61 (2), pp. 428–445.

Edinger M. Elite Formation and Democratic Elitism in Central and Eastern Europe: A Comparative Analysis. In: *Democratic Elitism: New Theoretical and Comparative Perspectives*. Ed. by H. Best, J. Higley. Leiden: Brill, 2010, pp. 129–151.

Ershova N.S. Transformatsiya pravyyashchey elity Rossii v usloviyakh sotsial'nogo pereloma [Transformation of the ruling elite of Russia in the conditions of a social turning point]. In: *Kuda idet Rossiya?.. Al'ternativy obshchestvennogo razvitiya. Mezhdunarodnyy simpozium 17–19 dekabrya 1993 g.* [Where is Russia going?.. Alternatives to social development. International Symposium December 17–19, 1993]. Moscow: Interprax, 1994, pp. 151–155. (In Russian)

Field G. Lowell, Higley John. *Elitism*. London; Boston: Routledge and Kegan Paul, 1980. xi, 135 p.

Gaidar E.T. *Gosudarstvo i evolyutsiya* [State and evolution]. Moscow: Eurasia, 1995. 206 p. (In Russian)

Gaman-Golutvina O.V. Parlamentskiy korpus sovremennoy Rossii // Politicheskiy klass v sovremennom obshchestve [The parliamentary corps of modern Russia]. In: *Politicheskiy klass v sovremennom obshchestve* [Political class in modern society]. Ed. by Gaman-Golutvina O.V. Moscow: ROSSPEN, 2012, pp. 113–142. (In Russian)

Gaman-Golutvina O.V. *Politicheskiye elity Rossii: Vekhi istoricheskoy evolyutsii* [Political Elites of Russia: Milestones of Historical Evolution]. Moscow: ROSSPEN, 2006. 448 p. (In Russian)

Gaman-Golutvina O. Changes in Elite Patterns. *Europe-Asia Studies*. 2008, 60, 6, pp. 1033–1050.

Gaxie D. Political and Social Backgrounds of Political Elites. In: *The Palgrave Handbook of Political Elites*. Ed. by Heinrich Best, John Higley. London: Palgrave Macmillan imprint is published by Springer Nature, 2018, pp. 489–506.

Giddens A. Elites in the British class structure. In: *Elites and Power in British Society*. Ed. by Stanworth P., Giddens A. London: Cambridge University Press, 1974, pp. 1–21.

Green J.J., Schmidhauser J.R., Berg L.L., Brady D. Lawyers in Congress: A New Look at Some Old Assumptions. *Western Political Quarterly*, 1973, 26 (3), pp. 440–452.

Gulbrandsen T. Elite Integration — An Empirical Study. *Historical Social Research — Historische Sozialforschung*, 2012, 37, 1. Special Issue: Elite Foundations, pp. 148–166.

Gulbrandsen T. Elite Integration and Institutional Trust in Norway. *Comparative Sociology*, 2007, 6 (1–2), pp. 190–214.

Hankiss E. Reforms and the Conversion of Power. In: *Upheaval against the Plan: Eastern Europe on the Eve of the Storm*. Ed. by P.R. Weilemann, G. Brunner, R.L. Tökés. Oxford: Berg, 1991, pp. 27–39.

Hansen E.R., Carnes N., Gray V. What Happens When Insurers Make Insurance Laws? State Legislative Agendas and the Occupational Makeup of Government. *State Politics & Policy Quarterly*, 2019, 19 (2), pp. 155–179.

Higley J., Lengyel G. Elite Configurations after State Socialism. In: *Elites After State Socialism. Theories and Analysis*. Ed. by J. Higley, G. Lengyel. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, 2000, pp. 1–21.

Higley J., Burton M. *Elite foundations of liberal democracy*. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, 2006.

Hoffmann-Lange U. Theory-Based Typologies of Political Elites. In: *The Palgrave Handbook of Political Elites*. Ed. by Best H., Higley J. Palgrave. London: Macmillan, 2018, pp. 53–68.

Huntington S. *Politicheskiy poryadok v menyayushchikhsya obshchestvakh* [Political Order in Changing Societies]. Moscow: Progress-Tradition, 2004. 480 p. (In Russian)

Keller S. *Beyond the Ruling Class: Strategic Elites in Modern Society*. With a New Introduction by the Author. New Brunswick; London: Transaction Publishers, 1991. xxv, 354 p.

Kerbo H.R., Fave L.R.D. The Empirical Side of the Power Elite Debate: An Assessment and Critique of Recent Research. *Sociological Quarterly*, 1979, 20 (1), pp. 5–22.

Kim C. Attitudinal Effects of Legislative Recruitment: The Case of Japanese Assemblymen. *Comparative Politics*, 1974, 7 (1), pp. 109–126.

Kim C.L., Patterson S.C. Parliamentary Elite Integration in Six Nations. *Comparative Politics*, 1988, 20 (4), pp. 379–399.

Kolesnik N.V. Gendernyye raspredeleniya v regional'noy elite (Severo-Zapad i Yug Rossii) [Gender Distributions in the Regional Elite (North-West and South of Russia)]. *Political Expertise: Polytex*, 2009, 5, pp. 72–87. (In Russian)

Kolesnik N.V. Obrazovatel'nyye trayektorii rossiyskoy elity: regional'naya proyektziya [Educational trajectories of the Russian elite: regional projection]. *Mir Rossii* [World of Russia], 2019, 28, 4, pp. 30–48. (In Russian)

Konrad G., Szelenyi I. Intellectuals and Domination in Post-Communist Societies. In: *Social Theory in Changing Society*. Ed. by Bourdieu P., Coleman J.S. Boulder: Westview, 1991, pp. 337–361.

Krichevskiy R.L. Psikhologiya professional'noy kar'yery [Psychology of a professional career]. In: *Psikhologiya professional'noy deyatel'nosti* [Psychology of professional activity]. Ed. by Derkacha A.A. Moscow: RAGS Pul., 2006, pp. 82–85. (In Russian)

Kryshtanovskaya O. *Anatomiya rossiyskoy elity* [Anatomy of the Russian elite]. Moscow: Zakharov, 2005. 384 p. (In Russian)

Kryshtanovskaya O., White S. Inside the Putin Court: A Research Note. *Europe-Asia Studies*, 2005, 57 (7), pp. 1065–1075.

Kryshtanovskaya O., White S. Putin's Militocracy. *Post-Soviet Affairs*, 2003, 19 (4), pp. 289–306.

Kryshtanovskaya O., White S. From Soviet Nomenklatura to Russian Elite. *Europe-Asia Studies*, 1996, 48 (5), pp. 711–733.

Kryshtanovskaya O.V. Putinskiy rezhim: liberal'naya militokratiya? [Putin's regime: liberal militocracy?]. *Pro et Contra*, 2002, 7 (4), pp. 158–180. (In Russian)

Kudryashova E.V., Kukarenko N.N. Politicheskoye uchastiye zhenshchin v Arkhangel'skoy oblasti [The political participation of women in the Arkhangel'sk region]. In: *Gender reconstruction of political systems: Collection of articles*. Inst. Gender. Politicians. Ed. by N.M. Stepanova, E.V. Kochkina. St. Petersburg: Aleteya, 2004. URL: <http://www.owl.ru/win/books/genderpolicy/arkhangel'sk.htm> (accessed: 23.11.2018). (In Russian)

Lapina N., Chirikova A. *Regional'nyye elity v RF: modeli povedeniya i politicheskoye oriyentatsii* [Regional Elites in the Russian Federation: Models of Behavior and Political Orientations]. Moscow: INION RAN, 1999. 192 p.

Lapina N., Chirikova A. *Strategii regional'nykh elit: modeli vlasti, politicheskii vybor* [Regional elite strategies: power models, political choice]. Moscow: INION RAN, 2000. 200 p.

Luhmann N. *Differenciatsiya* [Differentiation]. Transl. by A. Antonovskiy. Moscow: Logos, 2006. 320 p. (In Russian).

L'vova M.S. *Vybory kak faktor rekrutirovaniya i formirovaniya regional'noy politicheskoy elity Rossii: avtoreferat disertatsii kandidata politicheskikh nauk* [Elections

as a factor in recruiting and forming the regional political elite of Russia: abstract of thesis of candidate of political sciences]. Moscow, 1997. 22 p.

Mall E.G. Menedzhment kar'yery v Rossii [Management career in Russia]. *Problems of theory and practice of management*, 1996, 6, pp. 117–120. (In Russian)

Markovkin A.A. *Rekrutirovyye mekhanizmy politicheskoy elity regiona: na primere Volgogradskoy oblasti: dissertatsiya na soiskaniye uchenoy stepeni kandidata sotsiologicheskikh nauk* [Recruitment mechanisms of the political elite in the region: the example of the Volgograd region: a dissertation for the degree of candidate of sociological sciences]. Volgograd, 2008. 161 p. (In Russian)

Medvedev Yu. S. Professional'nyy status kak faktor uspekha na regional'nykh vyborah [Professional status as a success factor in regional elections]. *Politeia* [Politeia], 2010, 2 (57), pp. 75–90. (In Russian)

Matthews D.R. Legislative Recruitment and Legislative Careers, *Legislative Studies Quarterly*, 1984, 9 (4), pp. 547–585.

Matthews D.R. United States Senators and the Class Structure, *Public Opinion Quarterly*, 1954, 18 (1), pp. 5–22.

Norris P., Lovenduski J. *Political Recruitment: Gender, race and class in the British parliament*. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. xiii, 320 p.

O'Donnell G., Schmitter P. *Transitions from Authoritarian Rule. Tentative Conclusions about Uncertain Democracies*. Baltimore and London: Johns Hopkins University Press, 1986. xii, 81 p.

Pautov A.A., Vernigorova T.P. *Elita i elitogenez* [Elite and elitogenesis]. Moscow: Publishing House of the RAGS, 2000. 126 p. (In Russian)

Petrov N. Siloviki in Russian Regions: New Dogs, Old Tricks. *The Journal of Power Institutions in Post-Soviet Societies*, 2005, 2. URL: <http://www.pipss.org/index331.html> (accessed: 18.10.2019).

Petrov N., Titkov A. Politicheskaya zhizn' v regionah [Regional politics]. In: *Regiony Rossii v 1998 g.: Yezhegodnoye prilozheniye k «Politicheskomu al'manakhu Rossii»* [Russian Regions in 1998: Annual supplement to the "Russia's Political Almanac"]. Ed. by N. Petrov. Moscow: Gendalf, 1999, pp. 104–112.

Pokatov D.V. *Politicheskaya regional'naya elita: sotsiologicheskii rakurs transformatsionnoy dinamiki* [Political regional elite: sociological perspective of transformational dynamics]. Moscow: Maska, 2017. 164 p.

Pokatov D.V. Rekrutirovaniye sovremennoy rossiyskoy politicheskoy elity kak rotatsiya politicheskoy i administrativno-korporativnoy elitnykh grupp [Recruiting of modern Russian political elite as political and administrative-corporate elite groups rotation], *Vlast' i elity* [Power and elites], 2019, 6 (1), pp. 71–97.

Ponedelkov A.V. *Politicheskaya elita: genezis i problemy yeye formirovaniya v Rossii* [Political elite: genesis and problems of its formation in Russia]. Rostov-on-Don: Publishing House SKNTs VSh, 1995a. 208 p. (In Russian)

Ponedelkov A.V. *Elita. (Politiko-administrativnaya elita: problemy metodologii, sotsiologii, kul'tury)* [Elite. (Political and administrative elite: problems of methodology, sociology, culture)]. Rostov-on-Don: Publishing House SKNTs VSh, 1995b. 340 p.

Prewitt K., Stone A. *The Ruling Elites: Elite Theory, Power, and American Democracy*. New York; London: Harper & Row, Publishers, 1973. xii, 244 p.

Putnam R.D. *The Comparative Study of Political Elites*. Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice-Hall, 1976. x, 246 p.

Razi G. Democratic-Authoritarian Attitudes and Social Background in a Non-Western Society: A Study of the Iranian Elite, *Comparative Politics*, 1981, 14 (1), pp. 53–74.

Regional'nyye elity Severo-Zapada Rossii: politicheskiye i ekonomicheskiye orientatsii [Regional Elites of the North-West of Russia: Political and Economic Orientations]. Ed. by A. Duka. St. Petersburg, Aletheia, 2001. 352 p.

Renz B. Putin's militocracy? An alternative interpretation of Siloviki in contemporary Russian politics. *Europe-Asia Studies*, 2006, 58 (6), pp. 903–924.

Reuter O.J., Szakonyi D. Elite Defection under Autocracy: Evidence from Russia. *American Political Science Review*, 2019, 113 (2), pp. 552–568.

Rivera D.W., Rivera S.W. Is Russia a militocracy? Conceptual issues and extant findings regarding elite militarization. *Post-Soviet Affairs*, 2014, 30, 1, pp. 27–50.

Rivera Sh., Rivera D. K boleye tochnym otsenkam transformatsii v rossiyskoy elite [To more accurate assessments of transformation in the Russian elite]. *POLIS: Political studies*, 2009, 5, pp. 149–157. (In Russian)

Rivera S.W., Rivera D.W. The Russian Elite under Putin: Militocratic or Bourgeois? *Post-Soviet Affairs*, 2006, 22 (2), pp. 125–145.

Robins R.S. *Political Institutionalization and the Integration of Elites*. Beverly Hills, Calif.; London: Sage, 1976. vi, 221 p. (In Russian)

Ryvkina R. Kakoy kapitalizm voznikayet v Rossii? [What capitalism arises in Russia?], *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya* [World economy and international relations], 1997, 5, pp. 73–86.

Safronov V.V. Konsolidatsiya avtoritarizma ili demokratizatsiya: podderzhka putinskogo rezhima elitoy S.-Peterburga [The consolidation of authoritarianism or democratization: support for the Putin regime by the elite of St. Petersburg]. In: *Usloviya i vozmozhnosti konsolidatsii rossiyskogo obshchestva* [Conditions and possibilities for the consolidation of Russian society]. Ed. by A.V. Duka, I.I. Yeliseyeva. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2010, pp. 30–110. (In Russian)

Sakaeva M.M. Parlament kak «okno vozmozhnostey»: issledovaniye povedeniya predprinimateley s deputatskim mandatom v realizatsii rynochnykh interesov [Parliament as a “window of opportunity”: a study of the behavior of entrepreneurs with a deputy mandate in the implementation of market interests]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya* [Economic Sociology], 2012, 13 (3), pp. 96–122. (In Russian)

Szakonyi D. Private Sector Policymaking: Business Background and Politicians' Behavior in Office (July 15, 2019). URL: <https://ssrn.com/abstract=3101095> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3101095> (accessed: 20.10.2019).

Selenyi I., Eyal G., Townsley E. *Postroyeniye kapitalizma bez kapitalistov: formirovaniye klassov i bor'ba elit v postkommunisticheskoy Tsentral'noy Yevrope* [The construction of capitalism without capitalists: Formation of classes and the struggle

of elites in post-communist Central Europe]. Translation from English. I. Belyaeva, ed. by O. Kutsenko. Kiev: Institute of Sociology NASU, Kharkov: Kharkov National University by V.N. Karazina, 2008. 320 p. (In Russian)

Seltzer D.G. *Vzlety i padeniya nomenklatury* [The ups and downs of the nomenclature]. Tambov: Toggpoligrafizdat, 2006. 592 p. (In Russian)

Shentyakova A.V. Politicheskaya i administrativnaya elita: kachestvennyy sostav i kanaly rekrutinga [Political and administrative elite: Qualitative Composition and Recruitment Channels]. In: *Rossiyskiye vlastnyye instituty i elity v transformatsii: Materialy vos'mogo Vserossiyskogo seminar «Sotsiologicheskiye problemy institutov vlasti v usloviyakh rossiyskoy transformatsii»* [Russian Power Institutions and Elites in Transformation: Materials of the Eighth Russian Seminar "Sociological Problems of Power Institutions in the Context of Russian Transformation"]. Ed. by A. Duka, St. Petersburg: Intersotsis, 2011, pp. 145–156. (In Russian)

Sleptsov N.S., Kukolev I.V., Ryskova T.M. Novaya legitimnost' regional'nykh liderov [The new legitimacy of regional leaders]. *Sotsiologiya vlasti* [Sociology of power], 1997, 3, pp. 5–23. (In Russian)

Staniszki J. Political Capitalism in Poland. *East European Politics and Societies*, 1991, 5 (1), pp. 127–141.

Steiner H. Razlichiya i skhodstvo v sotsial'nykh realiyakh. Sotsiologicheskiy analiz Rossii v sravnenii s Pol'shey i Vengriyey [Differences and similarities in social realities. Sociological analysis of Russia in comparison with Poland and Hungary], *Sotsiologiya: teoriya, metody, marketing* [Sociology: theory, methods, marketing], 2003, 4, pp. 191–206. (In Russian)

Szalai E. The Metamorphosis of the Elites. In: *Lawful Revolution in Hungary, 1989–94*. Ed. by B. K. Király, A. Bozóki. Boulder: Social Science Monographs, 1995, pp. 159–174.

Szelenyi I., Szelenyi S. Circulation or Reproduction of Elites during the Post-communist Transformation of Eastern Europe. *Theory and Society*, 1995, 24 (5), pp. 615–638.

Szelenyi Szonja, Szelenyi Ivan, Kovách Imre. The making of the Hungarian postcommunist elite: Circulation in politics, reproduction in the economy. *Theory and Society*, 1995, 24 (5), pp. 697–722.

Szelényi I. Capitalism after Communism. *New Left Review*, 2015, 1996, pp. 1–13.

Szelényi I. Varieties of Social Structure During and After Socialism: Russia, East Europe, and China. *Chinese Sociological Review*, 2013–2014, 46 (2), pp. 3–31.

Tev D.B. Gosudarstvennaya Duma Rossiyskoy Federatsii shestogo sozyva: sotsial'no-professional'naya kharakteristika pula nabora deputatov [The State Duma of the Russian Federation of the sixth convocation: socio-professional characteristics of the pool of recruitment of deputies]. In: *Vlast i elity* [Power and elites]. Ed. by A. Duka, vol. 4. St. Petersburg: Intersotsis, 2017, pp. 67–128. (In Russian)

Tev D.B. Partii «vtorogo eshelona» v regional'nykh parlamentakh: osobennosti pula verbovki deputatov ot KPRF, Spravedlivoy Rossii i LDPR [Parties of the "second

echelon” in regional parliaments: features of the pool of recruitment of deputies of the Communist Party, Fair Russia and the Liberal Democratic Party]. *Vestnik Permskogo universiteta. Politologija* [Bulletin of Perm State University. Political science], 2012, 1, pp. 98–111. (In Russian)

Turovskiy R.F. Regional’nyye politicheskiye rezhimy: k metodologii analiza [Regional political regimes: towards the analysis methodology], *Polis. Politicheskiye issledovaniya*, 2009, 2, pp. 77–95. (In Russian)

Usova Y.V. *Politicheskiye elity regionov sovremennoy Rossii: faktory transformatsii i vektory pozitsionirovaniya* [Political Elites of the Regions of Modern Russia: Transformation Factors and Positioning Vectors]. Vladikavkaz: IPTS SOIGSI VNTS RAN i RSO-A, 2015. 268 p. (In Russian)

Varieties of Capitalism in Post-Communist Countries. Ed. by D. Lane and M. Myant. Basingstoke, Hampshire; New York: Palgrave Macmillan, 2007. xiv, 278 p.

Walder A.G. Elite Opportunity in Transitional Economies. *American Sociological Review*, 2003, 68 (6), pp. 899–916.

Wasilewski J. Three Elites of the Central-East European Democratization. In: *Transformative Paths in Central and Eastern Europe*. Ed. by Markowski R., Wnuk-Lipinski E.. Warsaw: Friedrich Ebert Stiftung, 2001, pp. 133–142.

Wasilewski J. Hungary, Poland, and Russia: The Fate of Nomenklatura Elites. In: *Elites, Crises, and the Origins of Regimes*. Ed. by Mattei Dogan and John Higley. Lanham; Boulder; New York; London: Rowman & Littlefield Publishers, 1998, pp. 147–167.

Weber M. Politika kak prizvaniye i professiya [Politics as Vocation]. In: *Weber M. Selected works*. Moscow: Progress, 1990, pp. 61–272. (In Russian)

Witko C., Friedman S. Business Backgrounds and Congressional Behavior. *Congress & the Presidency*, 2008, 35 (1), pp. 71–86.

Zweigenhaft R.L., Domhoff G.W. *Diversity in the Power Elite: How It Happened, Why It Matters*. Lanham; Boulder: Rowman & Littlefield Publishers, 2006. x, 267 p.

Zweigenhaft R.L., Domhoff G.W. *The new CEOs: women, African American, Latino and Asian American leaders of Fortune 500 companies*. Lanham, Md.: Rowman & Littlefield Publishers, 2014. xxvi, 237 p.

СОЦИАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ, ЕЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ КАПИТАЛЫ И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ТРАЕКТОРИИ

Е.Ю. Рождественская

Цитирование: Рождественская Е.Ю. Социальная мобильность управленческой элиты, ее образовательные капиталы и профессиональные траектории // Власть и элиты. 2019. Т. 6. № 2. С. 67–106.

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2019.6.2.3>

Аннотация. *Предпринята реконструкция современных теоретических подходов, которые тематизируют сюжет мобильности элит. Концептуализация мобильного аспекта в изучении элит осуществлена как в разном образном зарубежном, так и в отечественном контексте. Исследование элиты требует рассмотрения контекста ее укоренения, историзации. Через исследовательское внимание к «позиционной» элите, принадлежащей к гораздо более широкому социальному слою, в социологию элит возвращается классово ориентированный социальный анализ и сюжет социальной мобильности элит, каналов ее рекрутирования, состава ее социальных капиталов. Эта новелла имеет одним из следствий эмпирическое внимание к профилю происхождения элиты как набору социальных и образовательных-профессиональных капиталов. Проблема исследовательского доступа к элите вынуждает к поиску открытых данных, подлежащих упорядочиванию. Применен качественный анализ данных CV представителей управленческой элиты, который позволяет охарактеризовать процессы ее воспроизводства и профессиональной мобильности. Карьеру CEO¹ подготавливает существенный накопленный образовательный капитал, имеющий сложносоставную динамику. Выделяются равно представленные образовательные стратегии: 1) завершить образовательный путь после экономического образования управленческими компетенциями*

¹ CEO (Chief Executive Officer) — главный исполнительный директор, т.е. «первое лицо» компании, топ-менеджер, председатель правления, генеральный директор, главный администратор или иной руководитель, ответственный за управление всей организацией. Генеральный директор корпорации или компании обычно подотчетен совету директоров (наблюдательному совету) и несет ответственность за максимизацию рыночной стоимости компании, которая может выражаться ростом цены акций, увеличением доли рынка, доходов или другими элементами.

и 2) дополнить инженерное образование управленческими компетенциями. Главы крупных гос- и бизнес-корпораций по большей части демонстрируют традиционный тип воспроизводства, поскольку их карьерные траектории отражают тип специалиста, растущий снизу вверх в рамках одного предприятия/корпорации/отрасли. Кроме того, обнаружены такие факторы, влияющие на статусную идентичность и становление карьер CEO, как предыдущий опыт чиновничества на государственной службе, служба в силовых ведомствах, университетская/академическая экспертиза, семейный статус преемника бизнеса и благосостояния. Видны и поколенческие различия среди трех возрастных когорт в тайминге достижения позиций CEO: младшее поколение строит карьеру быстрее в среднем на 15 лет по сравнению со старшим поколением.

Ключевые слова: элитистские исследования, позиционная элита, управленческая элита, CV-анализ, образовательно-профессиональные траектории.

В отличие от концептуально близких терминов, таких как «масса» или «класс», которые относительно быстро исчезли из социально-научной лексики, а также из политического языка и повседневного использования, термин «элита» по-прежнему пользуется большой и даже растущей популярностью среди исследователей, публицистов и политиков. В европейском контексте значение этого понятия связывается больше с индивидуальным вкладом в экономическую производительность предприятия либо его репутацию, в то время как в англо-американском контексте на первый план выходит накопление социальной власти. В каждом из этих случаев использование термина «элита» отражает конкретный социальный срез общества. Поэтому в своих различных трактовках он требует представления его в контексте укоренения, историзации: история теорий элиты всегда будет рассматривать термин в контексте его возникновения.

В статье мы ставим задачи реконструкции тех современных теоретических подходов, которые тематизируют сюжет обновления элит, рекрутирования в них новых членов, движения или мобильности элит. Кроме того, мы рассматриваем концептуализацию мобильного аспекта как в разнообразном зарубежном, так и в отечественном контексте. Наконец, в статье осуществляется попытка эмпирического анализа социальной мобильности отечественной управленческой элиты на открытых данных, не претендующая, однако, на широкие обобщения.

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ЧАСТЬ

Позиционная элита Хартманна и доминирующие принципы господства и легитимации власти Бурдье

Михаэль Хартманн, один из ведущих политсоциологов Германии, строил свой подход, отталкиваясь от идей Миллса и адаптируя его социально-критическую перспективу. Интерес Хартманна к работе Миллса явно сосредоточен на развенчании представления о формировании экономических элит на основе индивидуальных достижений [Hartmann 2002]. Он пытался обосновать это эмпирическим путем, подтверждая свои аргументы количественным анализом. Однако Хартманн частично отказался от термина «элиты» в пользу «господствующего класса» или синонимично используемого термина «высокопоставленная буржуазия», что, по сути, является воспроизведением взгляда о «позиционной элите». Позиционная элита — члены советов директоров в крупных корпорациях, те, кто по социальному происхождению, образовательным капиталам и хабитусным характеристикам принадлежат к гораздо более широкому социальному слою, чем топ-менеджеры, как представлял себе концентрированную властную элиту Миллс. Ведь элита состоит не только из небольшой группы носителей властных позиций, но и из той социальной среды, которую составляют около 4 % населения и из которой преимущественно рекрутируются обладатели высших позиций. Подход Хартманна к термину «элита» как к классовому понятию, таким образом, представляет собой некое критически обоснованное возрождение классового анализа и является необходимым следствием этого анализа.

Это, однако, открывает новые концептуальные проблемы. Неясно, каким образом «классовое господство элиты» сочетается с демократическими институтами, гражданским участием, производственно-корпоративными формами со-управления и т. д.; как «классовое сознание» элиты воспроизводится и почему нет другого такого уверенного в себе класса, какими средствами осуществляется и защищается господство; в каких социальных институтах и событиях оно проявляется и т.д. Но при этом как классовый характер современного западного общества увязан с бесспорной сегрегацией в системе образования (элитарная Лига Плюща и прочие уже демократические университеты) и расходящимся неравенством доходов.

Сводятся ли (классовые) отношения между бизнесом и наемными работниками к отношениям вознаграждения или термин «элиты»

открывает возможность большей дифференциации? Возникает вопрос о других фракциях элиты или «правлящего класса», особенно о фракциях в политике, образовании, средствах массовой информации и культуре, которые необходимы для сохранения классового господства, но которые, однако, не являются экономической (суб) элитой, только дополняют друг друга, а также поддерживают конкурентные и конфликтные отношения друг с другом (не считая «контрэлит», особенно в профсоюзах и оппозиционных политических партиях). Иными словами, центральная проблема взаимосвязи экономического капитала, с одной стороны, с политическим, культурным, социальным и символическим капиталом, с другой стороны, нуждается в дальнейшей разработке.

В этом направлении французский социолог Пьер Бурдьё, безусловно, сделал существенный шаг. В течение 1980–1990-х годов в его исследованиях все чаще использовался термин «господствующий класс»: термин «элита» он принимал лишь полемически и заменил его понятием «поле власти». Это поле отличается от его подхода к другим социальным полям. С одной стороны, с расширением поля не происходит накопления определенной единой формы капитала (в экономической области речь идет об экономической прибыли), а скорее речь о превосходстве одной конкретной формы капитала над другой (например, «примат политики» или «главенство экономики»). С другой стороны, в дополнение к аргументам о «доминирующем принципе господства» в поле власти обсуждается и «преобладающий принцип легитимности» власти. Поэтому вклад Бурдьё — в увязывании легитимности господства и социального неравенства. Кроме того, он дистанцировался от предыдущих элитистских теорий, сосредоточив свое внимание не на профиле группы людей («элиты» или «господствующего класса»), а на «структурах власти» и на специфической логике позиций на арене борьбы, преобладающих способах восприятия, мысли и действия, легитимных механизмах воспроизводства [Bourdieu 1991].

В своей эмпирической работе Бурдьё неоднократно рассматривал части поля власти с ее институтами: системой высшего образования (особенно *grandes écoles*), французским епископатом, системой национального планирования, а также сообществом интеллектуалов и аспектами экономической сферы, но никогда не представлял замкнутыми поля власти. Таким образом, общая, а также соответствующая историческая логика этих конкретных областей в конечном счете остается достаточно

неопределенной. Несомненно, краткая презентация в «La Noblesse d'état» с ее очень схематическим сравнением только двух типов капитала — экономического и культурного — далека от перспективы тщательного замера, а представление социальных пространств в «Тонких различиях» или «Homo academus» было встречено скорее с критикой. Вместе с тем именно размышления Бурдьё о «поле власти» могут освободить эмпирическое исследование элиты от концептуальных тупиков: прежде всего необходимо определить центральные процессы и конфликты между доминирующим принципом господства и доминирующим типом легитимации, в которых поле власти становится видимым. И наконец, такая концептуальная переориентация может открыть возможность иного подхода к изучению элиты, а именно к анализу их специфических действий, т.е. к активному осуществлению власти, коль скоро они (действия) становятся видимыми. Вся область семантики и практики, которая конденсируется в концепции «руководства и управления» — от насильственного подчинения и принципа использования патерналистских стратегий до процедур квазипартиципаторного участия — не только представляет собой стоящий объект исследования, но и фактически теоретическую точку схождения всех элитистских теорий.

Смена элит: зарубежные и российские исследования социальной мобильности элит

Интерес к смене элит, несомненно, присущ элитистским исследованиям: с самого начала вопрос об отношениях между циркуляцией элит и сменой режима был в центре теорий элит. Однако исследовательская перспектива со времен Второй мировой войны изменилась. Уже не по скорости ротации элиты делают заключение об устойчивости политической системы, а, напротив, исследуются последствия изменения режима: как это сказывается на сплоченности элиты. Также изучается и оценивается значимость старых и новых элит в перспективе влияния на благополучное (демократическое) начало новых социальных и политических процессов. Вот почему ранние эмпирические исследования элиты 1960–1970-х годов уже фокусировались на новых элитах, например в Западной Германии, а также в Советском Союзе и коммунистическом Китае. В 1970-х годах область исследований распространилась на постколониальные общества и развивающиеся экономики для изучения связи между (возможно, отсутствующими) элитами и возможностями развития этих обществ [Endrueit 1986].

Мобильность немецкой элиты

Немецкий исследователь элит М. Хартманн констатирует, что почти две трети немецких элит происходят из семей среднего класса или высшего среднего класса. Самая большая группа (почти 40 %) рекрутируется из буржуазии, еще чуть более четверти — из высшей буржуазии [Hartmann 2007].

Однако внутри немецких элит существуют большие различия. Наиболее эксклюзивной является бизнес-элита. Дети рабочих выбиваются наверх редко — менее 6 %. На государственных предприятиях только 46 % высших должностей заняты представителями среднего класса, в крупных частных компаниях их более 83 %. Элиты из представителей судебной власти и администрации, а также средств массовой информации по-прежнему рекрутируются примерно на две трети из буржуазии. Администрация высокого уровня здесь составляет около 62 %. Интересно отметить, что в медиасекторе наблюдается аналогичное различие между государственными и частными институтами, как и в экономике. В то время как на каналах ARD и ZDF более половины директоров и директоров программ приходят из привилегированных социальных групп, это же типично для редакторов частного телевидения и частных печатных СМИ (более трех четвертей здесь выходцы из буржуазии) [Hartmann 2007]. Из этой же среды рекрутируется чуть менее 60 % и в академические элиты.

Только такие элиты, как армейская, церковная, профсоюзная и НКО (спортивные, экологические и благотворительные организации), преимущественно рекрутируются из широких слоев населения. Однако они лишь относительно близки к политической элите и верхушке профессиональных ассоциаций и действительно сильны только в высших органах управления церковью и профсоюзов, что более характерно для выходцев из рабочего класса. В конце концов именно они представляют две крупнейших церкви Германии и даже три из четырех профсоюзных объединений.

Швейцарские элиты

Можно было бы ожидать, что доступ в элиты в системе прямой демократии в западных странах открыт, демократичен и основан на личных достижениях. Однако данные [Bühlmann et al. 2012] свидетельствуют о довольно прямолинейной классовой и гендерной иерархии. Порталы элит очень избирательны, предполагая мужской пол, богатый

семейный дом, академические заслуги и титульную национальность [Levy et al. 1997]. Эти критерии составляют основу сплоченности западных элит с начала XX в.

Например, в Швейцарии полагаются прежде всего на мужские формы коммуникации в элитных кругах. До 1980-х годов доступ женщин к элитам оставался затрудненным. Только за последние 30 лет можно наблюдать незначительное увеличение доли женщин. Самое сильное проявление сексизма в мобильности элиты — в плебисцитарной политике. В административной и экономической элитах, где небольшая однородная группа мужчин делает выбор без прозрачности и демократического контроля, женская квота по-прежнему очень скромна и составляет 18 и 10 % соответственно. Поэтому можно предположить, что связи, основанные на принципе маскулинности, долгое время функционировали достаточно успешно и лишь в последние годы были смягчены в сторону допуска женщин.

О социальном происхождении швейцарской элиты известно немного вследствие нерегулярности собираемых данных. В одном из немногих недавних исследований, основанном на данных начала 1990-х годов [Rothböck et al. 1999], говорится, что отцы сегодняшних членов политических и экономических элит имеют значительно более высокий профессиональный статус по сравнению с остальным населением и прошли через длительный период накопления образовательного уровня. В частности, отсутствие академического образования в Швейцарии действует как препятствие для получения права на политическое участие. Следуя исторической тенденции, общей для всего населения, все больше членов элиты имеют высшее образование. Доля академиков традиционно велика, особенно на руководящих должностях, однако она варьируется в зависимости от элитной сферы. Но даже в экономической элите их доля в последнее время возросла до 85 %. Другим принципом социальной интеграции стало гражданство. До 1920-х годов швейцарские экономические элиты (и, например, академические элиты) характеризовались большой долей немецкой парламентской группы. После Первой мировой войны начался процесс национализации элиты в рамках изменившейся внешней политики. Эта тенденция стала социальной основой политики на ближайшие годы [Wittmann 2002].

Для того чтобы принимать важные решения, элиты не просто основываются на общем происхождении и образовании. Они также обмениваются идеями о конвенциях и стратегиях [Hartmann 2007].

Воспользовавшись социально-демографической гомогенностью, швейцарские элиты создали сложную систему координации в межвоенный период: они универсализировали свой образ мышления и концептуальные основания посредством совместного изучения права (общее университетское прошлое), создали и использовали институциональные площадки для встреч и регулярного личного обмена, систематически воспроизводя социальные типы личностей, сходные в двух или более элитных сферах одновременно.

Университет Сент-Галлена часто рассматривают как кузницу элит, кроме того, ведущие юридические факультеты университетов Цюриха и Берна обучали швейцарские элиты в XX в. Здесь учились не только высшие должностные лица федеральной администрации. Будущие руководители банков и многие парламентарии также прошли эту дрессуру на общей кадровой службе. В 1957 г., например, 22,9 % бизнес-лидеров, 30,2 % парламентариев и 36 % высших государственных служащих имели юридическую степень. Технические курсы подготовки в ETH Zurich¹, хотя и не были ориентированы на получение юридической степени, также функционировали как элитная кузница кадров. В частности, руководители в сфере машиностроения, а также многие административные и политические руководители изучали право и экономику в ETH [Wittmann 2002].

Институциональные конференц-залы как площадки, на которых можно неофициально обмениваться мнениями, обсуждать идеи или узнавать друг друга в рамках решения совместных задач, являются вторым важным аспектом координации элиты. «Для людей моего поколения опыт в Генеральном штабе был как курс по управлению», — сказал Филипп де Век, бывший генеральный директор UBS [Wittmann 2002]. Он также отметил создание общего стиля мышления и лидерства армейской элиты. С середины 1930-х годов доля офицеров среди членов швейцарской элиты была неизменно высокой, она составляла более 50 % и была самой высокой среди административной элиты. Но и бизнес-элиты, состоящие на 45 % из офицеров, также были хорошо интегрированы с армейской элитой. Кроме того, швейцарская система гражданского участия характеризуется тем, что политики занимают

¹ Самый престижный швейцарский вуз — Швейцарская высшая техническая школа Цюриха (нем. Eidgenössische Technische Hochschule Zürich, сокр. ETH, англ. Swiss Federal Institute of Technology Zurich).

должности в нескольких социальных областях. Например, парламентарии участвуют в нескольких внепарламентских комиссиях. И наоборот, топ-менеджеры крупных компаний занимают политические посты в федеральном собрании или в кантональном исполнительном органе. Столь же важна, наряду с координацией между политикой, экономикой и администрацией, и координация в самой экономической элите. Бизнес-ассоциации, основанные в начале века, были более тесно интегрированы в экономическую политику в период между Первой и Второй мировыми войнами. В настоящее время лидеры бизнеса, которые часто являются членами этих ассоциаций, находятся в тесном контакте с федеральной администрацией и консультируются по всем важным вопросам экономической политики.

Помимо этого, взаимное участие в советах директоров также создало новые сети между компаниями. В этих сетях компании обменивались информацией, разрабатывали общие стратегии и решали конфликты без вмешательства государства. В первой половине XX в. эта сеть швейцарских компаний стала намного более плотной. Но в конце 1980-х годов в структуре швейцарских элит появились первые трещины, начались они с экономической сферы. Новые принципы управления в Евросоюзе коренным образом изменили состав швейцарской экономической элиты.

Проводя историческую реконструкцию профиля швейцарской элиты, Витман приходит к следующим выводам. Под влиянием либерализованного финансового рынка ширится разрыв не только внутри самой элиты, но и между международными экономическими элитами и все еще очень национально ориентированной административной и политической элитой Швейцарии. Однако разделение элит связано не только с увеличением доли иностранных топ-менеджеров. В ходе глобализации и интернационализации бизнеса швейцарские топ-менеджеры также изменили свой профиль, став более интернациональными. Итак, сеть швейцарских элит, созданная в межвоенный период, значительно сократилась в 1990-х и 2000-х годах, элиты разных социальных сфер разделились. Таким образом, в Швейцарии наблюдается фрагментация прежде общего национального элитного пространства.

Исследования социальной мобильности элит в России

Если привлечь внешнее исследование российских элит (см.: [Huskey 2010]), то в его центре важнейший вопрос о рекрутировании элит

при технократичном авторитарном режиме. Одним из способов изучения стиля российского государства в сравнительном исследовании является определение его режима, в матрице которого рассматриваются идеология управления, с одной стороны, и основы руководящих элит — с другой. Юджин Хаски располагает кейс России в диапазоне режимов на позициях технократичного авторитарного государства со специализированными карьерными траекториями членов элиты. Автор утверждает, что технократический авторитаризм в современной России имеет несколько особенностей, которые отличают его от других авторитарных режимов вне посткоммунистического мира, и даже от некоторых внутри него. Первое — в процессе рекрутирования, даже при поступлении на государственную службу, относительное невнимание к личным достижениям претендентов. Как отмечают в этой связи отечественные исследователи В. Гимпельсон, В. Магун и Р. Брим, России все еще не хватает конкуренции за вакансии в официальных органах власти, а большинство решений о найме принимаются на основе личных и семейных связей, а не индивидуальных заслуг. Заслуги, как и уровень таланта, не поддерживаются в России в процессе отбора и продвижения в государственную элиту [Gimpelson et al. 2009]. Поэтому в российском случае элиты не являются традиционными мандаринами, скорее это государственные служащие при сочетании специализации, кумовства и дирижизма. В отличие от других технократических авторитарных режимов, в России, таким образом, не хватает многих элементов «встроенной автономии»¹, которые присутствовали у многочисленных авторитарных режимов в Латинской Америке и Восточной Азии и которые обеспечивали прорывы в экономическом развитии. По словам Питера Эванса, рассуждающего о технократичной элите, «автономная технократия зависит от существования проекта, который высокоразвитый бюрократический аппарат сочетает с возможностью использовать полезный интеллект и децентрализацию его реализации» [Evans 1989: 575]. Возможно, что в первое десятилетие XXI в. в России было небольшое число чиновников на ключевых постах в государственных учреждении-

¹ Встроенная, или укорененная, автономия (embedded autonomy) — понятие, введенное П. Эвансом, означает наличие в системе отношений государства и рыночных агентов своего рода дистанцирования государственной власти и госаппарата от групп рыночных интересов, а также заполнение автономного пространства сетями в структуре рынка [Evans 1995].

ях, которые стремились обеспечить прорыв в экономическом развитии, но они были относительно изолированными от политической и экономической элиты. Многие бывшие социалистические страны в Восточной Европе добились гораздо большего прогресса, чем Россия, в создании сильной интегрированной элиты, но в России специалисты глубоко привязаны к своим министерствам по сложившемуся старому порядку [Dimitrov et al. 2006].

Фрагментация, являющаяся отличительной чертой технократичного авторитаризма в России, по мнению Ю. Хаски, имеет многочисленные источники. Первый — это специализированные карьерные пути, которые способствуют децентрализованным, а не глобальным подходам к политическим проблемам. Логика принадлежности к ведомствам является наследием советского порядка. Мало сделано, чтобы уменьшить эту фрагментацию? некоторые министерства, например, продолжают поддерживать свои собственные (профильные) исследовательские институты. Таким образом, Россия испытывает недостаток в собственном эквиваленте Оксбриджу или Токийскому университету, которые могли бы обеспечить общую связь и общий набор ценностей в полуавторитарном государстве. В результате, сдерживая технократов, придерживающихся профессиональных, правовых и научных стандартов, многие чиновники демонстрируют откровенно корыстное, а не государственно ответственное поведение [Reddaway, Gliniski 2001].

Мобильность в отношении элиты принято разделять на вертикальную направленную, горизонтальную и нисходящую. Мобильность элиты в России имеет существенные отличия от мобильности других социальных групп, что, по мнению О. Крыштановской [Крыштановская 2005: 101–102], связано с рядом факторов:

1. Более высокая по сравнению с другими группами конкуренция между кандидатами на должность, которая возникает на всех этапах политической иерархии.
2. Неопределенность требований к кандидатам, которые должны удовлетворять условиям, нигде не оглашающимся.
3. Элитная мобильность подвержена значительно большей регламентации и планированию, чем другая профессиональная мобильность, так как существует институционализированный кадровый резерв для пополнения вакантных должностей.
4. Мобильность элиты регламентируется не столько трудовым законодательством, сколько внутригрупповыми нормами.

5. В отличие от всех других профессий? вхождение в элиту есть наделение индивида первичным политическим капиталом, который он может развить или оставить без изменения.

Изучая вопрос происхождения российской элиты, рекрутирования из разнородных социальных источников, исследователи Агафонов и Лепеле [Агафонов, Лепеле 2016] тестируют его с точки зрения спецификации путей в элиты и выстраивают траектории представителей списка «Форбс»¹. Авторы присоединяются к целому ряду исследователей этой темы. В 1990-х годах элита интересовала исследователей как новая социальная группа [Гимпельсон 1993; Бунин 1993; Куколев 1996; Становление... 1993; Шкаратан 1994; Заславская 1994]. Затем ряд исследователей сфокусировались на рекрутировании региональных политических и экономических элит [Куколев 1997; Орех 1998; Региональные элиты... 2001; Крыштановская 2005; Тев 2015; Yakovlev 2006, Kryshstanovskaya, White 2005]. В дальнейшем тема происхождения элит увязывается с анализом предпринимательства [Барсукова 2000; Тихонова, Чепуренко 2004; Чепуренко 2008].

Агафонов и Лепеле приходят к выводу, что современные представления исследователей о российской бизнес-элите основываются на том, что она полностью слилась с экономической. Бизнес-элита рассматривается как узкая закрытая группа крупных бизнесменов, которые оказывают влияние на принятие стратегических политических решений. Агафонов и Лепеле отмечают, что выделение этапов формирования российского предпринимательства и бизнес-элиты связано с принятием законов о кооперации и предпринимательской деятельности 1986–1988 гг. [Агафонов, Лепеле 2016]. В рамках проекта изучения российской бизнес-элиты авторы собрали 1014 биографий², хотя, строго говоря,

¹ Список, или рейтинг, журнала «Форбс» в его русской версии — неофициальный оценочный список богатейших людей России. Методика рейтингования включает стоимость принадлежащих активов, все публичные компании оцениваются по рыночной капитализации, а закрытые — на основании информации об объемах продаж, прибыли, собственном капитале. «Forbes» приписывает все активы, какими распоряжается семья предпринимателей, главе семейства. В список включены только те граждане России, кто заработал основную часть своего капитала частным порядком, не будучи госслужащим.

² Работая в этом же направлении и логике, И.В. Куколев выделяет целый набор типичных биографических траекторий, связанных с теми или иными

материал следует обозначить как официальные профессиональные треки, траектории. Из всего объема были взяты 293 персоналий, фигурировавших в рейтинге журнала «Форбс» в 2005–2015 гг.

Для отнесения предпринимателя к той или иной биографической траектории были выбраны следующие критерии, используемые по совокупности:

- 1) вхождение в число предпринимателей через ту или иную «золотую дверь», открывшую возможность заниматься определенным видом коммерческой деятельности;
- 2) время такого вхождения;
- 3) профессиональный статус на момент начала занятия бизнесом (источник рекрутирования).

В результате проведенного исследования авторами были обнаружены следующие источники рекрутирования в российскую элиту: кооперативное движение и развитие частного предпринимательства в 1986–1988 гг., «комсомольцы» 1986–1989 гг.; латентная приватизация 1989–1992 гг., становление рыночной экономики в 1991–1996 гг., экономические и институциональные реформы 2000–2012 гг.

Процесс трансформации российской бизнес-элиты в период с конца 1980 до 2015 г. авторы связывают с рядом специфических точек входа в элиту, т.е. приобретенного образовательно-профессионального опыта, что позволило им выделить ряд социальных типажей: «кооператоры», «комсомольцы», «государственные и партийные служащие», «международники», «советские управленцы», «академики», «силовики», «выночники».

Выводы, к которым приходят авторы исследования, заключаются в том, что бизнес-элита в целом остается «достаточно закрытой и гомогенной группой, наблюдаются тенденции к ее внутренней дифференциации, а также повышению доли тех, кто начали заниматься бизнесом с нуля, без использования административного ресурса и конкурентных преимуществ, характерных для переходного периода от плановой экономики к рынку» [Агафонов, Лепеле 2016: 117].

Переходя к перспективам эмпирического анализа бизнес-элиты, важно отметить, что концептуально узкие теории высших элитных эшелонов фокусируются на наблюдаемых/проверяемых характери-

обстоятельствами формирования современной российской экономики [Куколев 1996: 14–19].

ках, таких как образование, социально-экономическое происхождение, возраст, срок пребывания в соответствующих должностях и функционал [Hambrick, Mason 1984]. Тем не менее влияние концепции социальных капиталов нашло отражение в известном исследовании семейного контекста и постуниверситетского образования [Useem, Karabel 1986], а также социальных, деловых, образовательных, родственных сетей [Useem 1980].

В исследовательской нише, занятой изучением бизнес-управленческой элиты, целый ряд исследователей оперируют понятием карьерного капитала, под которым понимается вся совокупность личных качеств, знаний, навыков, опыта работы, достижений и социальных связей индивида. Карьерный капитал принимает различные формы и приобретается различными способами на разных этапах карьеры [Lamb, Sutherland 2010]. Теория карьерного капитала предполагает, что люди инвестируют в свою карьеру с помощью трех типов когнитивных навыков или карьерных компетенций [Parker et al. 2009]: 1) мотивации, 2) навыков и опыта, 3) отношения и репутации. По мере продвижения по карьерной лестнице «можно избавиться от своего прежнего опыта, наблюдая за образцами для подражания, экспериментируя с временным “Я” и оценивая внешнюю обратную связь» [Ibarra 2003]. Карьерно-ориентированные индивиды также используют свои экономические, социальные и культурные капиталы, чтобы бороться за искомый статус, приобретая на этом пути символический капитал в логике П. Бурдьё [Бурдьё 2004а; 2004б], что обеспечивает социальное преимущество в обществе, открывая двери для лучшего образования, престижных профессий и привилегированных социальных сетей. В соответствии с логикой и методологией П. Бурдьё в исследовательский фокус попадает системная ориентация на лидера/генерального директора в его контексте (совет директоров), а также в идеале — отношения между «капиталом», оцениваемым «полем», и «габитусом» более широкого круга участников, которые совместно генерируют этот «капитал». Степень конвергенции между символическим капиталом, находящимся в распоряжении генерального директора, и совокупным символическим капиталом поля, определяет вероятный успех его владельца в этом поле [Grenfell 2008].

Особый сюжет в отношении фигуры генерального директора — его/ее гендерные характеристики. Обычно советы директоров выбирают генерального директора тайно, поскольку результаты этого решения

имеют глубокие стратегические последствия для компании, акционеров и лично для членов совета директоров [Wackerle 2001]. Секретность и деликатность при принятии решений о назначении руководителей привели к тому, что было проведено очень мало качественных эмпирических исследований о процессах отбора руководителей [Zhang, Rajagopalan 2003]. Однако там, где такие исследования были возможны, они содержат критику практик советов директоров из-за отсутствия структуры в подходе к процессу назначения [Bennis, O'Toole 2000]. Как сообщают Эллиот и Смит, когда формального процесса не существует, часто прибегают к стереотипам и личным предубеждениям при принятии решений, что имеет следствием гомосоциальное воспроизводство [Elliot, Smith 2004]. Есть исследовательски подкрепленное мнение о том, что, учитывая доминирование мужчин в советах директоров, тенденция состоит в том, что советы директоров воспроизводят в гендерном плане самих себя [Reskin, McBrier 2000]. Исследователи процесса выборов CEO [Holgersson 2002] описывает выбор генеральных директоров с точки зрения кооптации, в соответствии с которой присутствуют определенные неформальные критерии для того, чтобы кандидат был принят в группу. Процессы кооптации чаще ставят в невыгодное положение кандидатов-женщин, поскольку их социальный опыт с большей вероятностью будет отличаться от опыта старшего члена совета директоров, чем опыт кандидата-мужчины. Как отмечает Томпсон, в логике анализа по П. Бурдые различия между позициями агентов в поле приводят к неравенству в возможности доступа к определенным капиталам, если наличный капитал агентов недооценивается доминирующими игроками [Thompson 2008]. Те, кто обладает капиталом, который ценится доминирующим классом, получают больший доступ к полю, следовательно, доступ к дополнительным источникам капитала, в то время как этот больший доступ также укрепляет культуру доминирующего класса в этой области [Lawler 2004]. Обращение к подходу П. Бурдые теоретически позволяет описать сложившуюся практику систематического исключения женщин из позиций управленческой бизнес-элиты, которая воспроизводит гомосоциальную культуру высшего эшелона управления бизнесом.

Несмотря на всю привлекательность концепции П. Бурдые с уже традиционным выделением образовательных, социальных и культурных капиталов (а также их приобретением или утратой, что фокусируется в его понятии «траектория») в отношении привилегированных классов,

мы тем не менее в эмпирической части нашего исследования воспользуемся его идеями лишь отчасти. Как мы упоминали выше, П. Бурдьё эволюционировал в своих воззрениях, сосредоточив внимание далее не на профиле элитной группы, а на «структурах власти» и на специфической логике позиций на арене борьбы, преобладающих способах восприятия, мысли и действия, связи доминирующего принципа господства и доминирующего типа легитимации, в которых поле власти становится видимым. Тем не менее нам представляется перспективным для эмпирического изучения именно сюжет траекторий (в духе П. Бурдьё), накапливающих разнообразные последовательности культурно-символических капиталов в системе института образования, обновляющего и легитимирующего социальный порядок, и профессионального опыта в поле власти/бизнеса, распределяющего индивидов по элитным социальным группам.

ЭМПИРИЧЕСКАЯ ЧАСТЬ

Образовательные и профессиональные траектории карьеры в группе руководителей корпораций: субъективное и объективное измерение

Здесь мы рассмотрим субъективные и объективные аспекты образовательных и профессиональных траекторий в карьерах руководителей крупных корпораций как представителей управленческой элиты. На концептуальном уровне здесь мы оперируем рядом понятий — жизненный путь, траектория карьеры, переходы, поворотные моменты, а также в субъективном плане социальной мобильности — динамикой статусной идентичности как делегированной социальному актору возможности нарративизировать субъективно важные поворотные моменты образовательно-профессиональной траектории. В эмпирическом плане мы привлекаем как нарратив, происхождение которого — в биографическом интервью, так и публично открытые данные респондента в виде нескольких резюме, отражающих мобильность его статусной идентичности. Кроме того, кратко анализируется эмпирический массив резюме генеральных директоров крупных корпораций на предмет закономерностей получаемого уровня квалификации для главы компании, времени, затрачиваемого на прохождение восходящей траектории представителя управленческой элиты, различий, связанных с поколенческими когортами, а также спецификой социально-профессиональной мобильности из предыдущих профессиональных групп.

Основные элементы перспективы жизненного пути и событийность

«Ключевыми строительными элементами парадигмы жизненного цикла (или пути) являются события, объединенные в истории или траектории, которые затем сравниваются между людьми или группами, отмечая различия во времени, продолжительности и темпах изменений» [Giele, Elder 1998: 5–27].

Событийная связанность жизненного пути в концепции Элдера и Джиеле [Giele, Elder 1998; Elder et al. 2004] построена на пяти основаниях.

1. **Время и место:** индивидуальная ситуация каждого человека в историческом и культурном плане влияет на личный опыт и развитие жизненного пути.
2. **Связанные жизни:** социальные действия индивидов переплетены и взаимовлияют на отношения с другими, которые делятся похожим опытом.
3. **Человеческая активность (агентность — agency):** люди активно принимают решения относительно своих целей в контексте возможностей и ограничений, отмеченных историей и социальными обстоятельствами.
4. **Тайминг, или временная обусловленность, событий:** похожие события, переживаемые в разное время жизни, имеют разные последствия для людей.
5. **Рост продолжительности жизни:** динамика продолжительности жизни может быть понята только в долгосрочной перспективе с учетом значительных периодов в жизни индивидов.

Какие же эмпирические индикаторы событийности можно использовать в соответствии с указанными принципами? Траектория, переход и поворотный момент.

Идея траектории, или пути, относится к последовательности ситуаций, которые происходят в течение всей жизни. Как указывает Биннер [Bunner 2005: 379], «каждый шаг по [путям] обусловлен шагами, предпринятыми ранее, личными, финансовыми, социальными и культурными ресурсами, к которым имеет доступ развивающийся индивид, и социальными и институциональными контекстами, сквозь которые движется индивид». Понятие **перехода** относится к изменениям в состоянии, которые происходят в короткие промежутки времени на протяжении всей биографической траектории. Как утверждают Сэмпсон

и Лауб, «некоторые переходы являются возрастными, а некоторые нет; следовательно, часто предполагается, что важны нормативные сроки и последовательность ролевых переходов» [Sampson, Laub 1993: 8]. Между двумя точками совершенного перехода — продолжительность затраченного времени.

Поворотный момент в концепции жизненного пути «включает в себя существенное изменение в направлении жизни, субъективной или объективной» [Elder et al. 2004: 8]. Не все переходы предполагают наличие переломного момента. В этом контексте решающее значение имеет адаптация к жизненным событиям, поэтому одно и то же событие или переход, сопровождаемое различными адаптациями, может привести к различным траекториям в дальнейшем. Поворотные моменты также отражают «эффективную работу активного актора в подготовке и реагировании на новые возможности» [Bynner 2005:379].

Очевидно, что перспектива жизненного пути особенно интересна в последовательности событий, которые составляют биографическую траекторию. Методологически это предполагает как количественное, так и качественное исследование, поиск и количественная оценка распространённости качественно обнаруженных паттернов зачастую приводят к уточнению в типологических построениях.

В. Хайнц подчеркивал важность анализа траекторий, фокусируясь на анализе карьеры [Heinz 2004]. Здесь речь идет о способности индивидов преобразовывать свои ресурсы в возможности. Аналитический подход, основанный на возможностях, привлекает три ключевых понятия: ресурсы, возможности и модели реализации. **Ресурсы** отсылают к набору различных, в том числе социальных капиталов, которыми обладает индивид. **Возможности** отражают реальный репертуар вариантов, которые индивид перебирает, реализуя активный залог своей деятельности. **Модели реализации** фиксируются на практике как эффективно осуществленные шаги по построению карьеры. В этом подходе подчеркивается агентность индивидов, обладающих рефлексивностью как способностью к пересмотру, калькуляции вариантов, интерпретации прошлых шагов в реализации траектории. Так, Диевальд и Майер [Diewald, Mayer 2008] полагают, что социология жизненного цикла перешла от «структуры без агентности (agency)», к современному понятию «агентность внутри структуры», предлагая «дополнить информацию, собранную с помощью опросов, информацией о социальных контекстах, измеряемых независимо от респондентов» [Diewald,

Mayer 2008: 17]. Очевидно, баланс активного залога деятельности субъекта (agency) и структуры реконструируем на пересечении биографической информации о траектории, дающей интроспективный план, и плотным количественным описанием контекста действия.

Драматургия траектории наполнена переходами и поворотными моментами, которые обычно тематизируются в истории жизни или биографии. Нелинейная графика траектории, описываемая социальным актором в биографии, содержит тупики, развилки, перекрестки, пустоты как фигуры умолчания, бессубъектность и возвращение активного залога действия вновь (agency). Важно, что события, которые объективно со стороны внешнего наблюдателя квалифицируются как поворотные моменты, субъективно выстраиваются именно как таковые. Как напоминают Диевальд и Майер, традиция анализа жизненного пути в социологии рассматривала траектории главным образом как результат институциональных и структурных аспектов, в то время как именно социальная активность и способность к выбору индивида (agency) являются ключевыми элементами в построении траектории и изменения ее направления [Diewald, Mayer 2008: 9].

Субъективные аспекты социальной мобильности: динамика статусной идентичности

Субъективные аспекты социальной мобильности, особенно труднодоступных социальных групп, как элиты, представляют собой определенный вызов. Речь идет о динамике различных аспектов идентичности, среди которых социальная, статусная и нарративная идентичности, пересекающиеся друг с другом. Исследования социальной идентичности давно установили фундаментальную мотивацию индивидов чувствовать значимую связь и принадлежность к ценным для себя группам [Tajfel, Turner 1979]. Статусная идентичность выстраивается вследствие восходящей динамики статусных позиций и стоящих за ними событий жизненного пути, но также вследствие субъективно означенного пути восхождения социального актора как представителя группы элиты. Субъективное отношение к социальной траектории составляет нарративную идентичность. Социальные акторы развивают чувство преемственности в социальных ситуациях, их меняющих, и во времени, обращаясь к жизненным историям или рассказам о себе. Повествование как основа для идентичности позволяет развивать целеполагание, выделяя темы для объединения различных аспектов жизни. Таким обра-

зом, нарративная идентичность помогает индивидам интегрировать пережитый опыт в образ настоящего и будущего.

Статусная идентичность включает в себя такие аспекты нарратива, которые имеют особое отношение к их жизненной перспективе. Эти повествования часто включают интерпретации основных жизненных изменений и пережитого опыта, которые можно реконструировать, подчеркивая их положительные для восхождения результаты (так называемые легитимирующие последовательности событий). Посредством нарративной идентичности социально-экономические обстоятельства и ресурсы, которыми обладают индивиды, когда они мобильно перемещаются по различным этапам жизни, становятся неотъемлемо связанными с их чувством идентичности. Что касается социальной мобильности, акторы разворачивают различные нарративы для осмысления своего меняющегося положения в социально-экономической иерархии.

Исследования также установили, что статусная идентичность является особой социальной идентичностью, которая определяет социальные миры людей, хотя иногда она менее заметна, чем другие основные социальные идентичности, такие как этничность, возраст или гендер [Bianchi, Vohs 2016; Thomas, Azmitia 2014; Van Laar et al. 2014]. Акцент на субъективном опыте динамического понимания индивидом собственной статусной идентичности привлекает внимания к способам, которыми изменчивый социально-экономический контекст постоянно переопределяет социальную идентичность человека. Кроме того, когда социальные акторы вовлекаются в социальную мобильность и переходят в новый социально-классовый контекст, например из среднего класса в субэлиты, возможные риски — в обесценивании пути восхождения, элиминировании внеэлитных периодов идентичности. В следующем разделе мы попытаемся сравнить сюжет социальной мобильности в ее субъективном измерении — через нарратив, и в объективном — через статусные пассажи официального резюме.

Кейс по совмещению субъективного и объективного плана профессиональной мобильности

Кейс построен на сочетании данных из биографического интервью и серии резюме того же респондента, размещенных в Интернете. Цель совмещения — сравнить нарративную идентичность как субъективное измерение образовательно-карьерной траектории и динамику статусной

идентичности на основе институционально сформированной траектории важнейших событий.

Информант — мужчина 1976 г.р., генеральный директор крупной бизнес-корпорации, женат, дети.

Переломных моментов было несколько точно. Это переход из... Службы в Министерство..., когда мне было предложено создать и возглавить департамент по развитию... и ответить на вопросы, что же в России с конкуренцией и что нужно делать, чтобы конкуренция в экономике усилилась. Мне опыт работы в... службе помог понимать, как устроены отдельные товарные рынки, как они функционируют и какие зависимости там существуют. И этот багаж мы — кстати, с командой из... службы, эти ребята ушли со мной — реализовывали эту программу. Меня пригласили в... — еще один переломный момент — на тему... Мы создали так называемый региональный... стандарт, который сформировал на основе успешного опыта российских регионов. Усилив конкуренцию фактически между ними, создав тренд за внимание резидента.

Логичным продолжением этого проекта стало предложение на третьем году моей работы в... о создании российского агентства.... Было предложено... [политику] поддержать эту инициативу, он о ней даже заявил на... форуме, но в силу политических обстоятельств оно не было реализовано. На основе созданного стандарта реализовывал проект «Национальная... инициатива». Много чего говорилось, но мы смогли сделать то, что было реально на тот момент. И когда я понял, что энергия, которую я трачу и моя команда на все эти преобразования, превышает эффект, который мы получаем, причем чем дальше, тем больше нужно было усилий и меньше эффект, — я внутренне для себя принял решение, что я не готов работать в этой сфере. Я со спокойным сердцем ушел и сейчас реализую мою мечту к образованию среды уже на конкретном предприятии, которое оказалось в сложной ситуации, и уже второй год бьемся, чтобы его вытащить из кризисного положения.

Итак, субъективно значимые переломные моменты, выделенные информантом:

- 1) предложение создать и возглавить департамент (внешнее предложение и реализованная задача);

- 2) предложение создать и внедрить региональный стандарт (внешнее решение и реализованная задача);
- 3) предложение создать российское агентство (не реализованное из-за внешних обстоятельств предложение);
- 4) реализация проекта «Национальная инициатива...» в развитие созданного ранее стандарта (частично реализованная задача);
- 5) решение уйти с госслужбы в бизнес (внутреннее собственное решение и частично реализованная задача).

Динамика переходов отражает последовательную смену внешне инициированных переломных моментов, маркированных семантически «мне было предложено», «мне опыт работы помог понимать», «меня пригласили», «стало предложение о создании» с промежуточным «мы создали», на радикальную смену субъектного залога или агенсу с рефлексией последствий и перспектив — «я понял», «я внутренне для себя принял решение», «я со спокойным сердцем ушел и реализую мою мечту», «бьемся».

Ниже мы представим четыре варианта резюме респондента из открытых источников, которое тем не менее подлежат анонимизации ввиду закрытого характера полученного биографического профессионального нарратива. В Сети можно обнаружить несколько вариантов резюме поступательно развивающейся карьеры. Рассмотрим их содержание как последовательность меняющихся позиций по образовательной и профессиональной траекториям. Гипотетически эти меняющиеся/переписываемые позиции могут быть проинтерпретированы в ключе функциональности упоминаемых позиций карьеры для предъявляемого в публичности статуса респондента.

CV № 1, период 1976–2001

Родился в 1976 г. в крупном городе. Окончил среднюю школу в городке N N-ской обл. В 1994 г. поступил в N-скую академию государственной службы, факультет государственного и муниципального управления.

1997–1999 г. — один из создателей и председатель профсоюзной организации N-ской академии.

1998 г. — член предвыборных штабов кандидатов в депутаты (одна из партий).

1998 г. — стажировка в Министерстве... Российской Федерации.

1999 г. — с отличием окончил N-скую академию государственной службы по специальности «государственное и муниципальное управление», специализация «административный менеджмент».

1999 г. — поступил на заочное отделение аспирантуры.

С 1999 г. — член одной из партий.

С 1999 г. — помощник депутата Государственной Думы, партийного деятеля.

1999 г. — руководитель территориального штаба кандидата в губернаторы.

2000 г. — член экспертной группы по реформированию партии.

С 2001 г. по н.в. — заместитель директора в одном из фондов.

С 2001 г. по н.в. — заместитель председателя в одном из отделений партии.

Переходные моменты CV № 1: образовательный путь (завершенные среднее образование, высшее образование), профсоюзный активист в учебной институции, опыт участия в предвыборном штабе партии, членство в партии, помощник депутата, руководитель предвыборного штаба кандидата в губернаторы, зампредела одного из отделений партии. **Ключевой момент — опыт и социальный капитал связей в роли помощника депутата. Траектория партийной карьеры.**

CV № 2, период 1976–2008

Родился в 1976 г. в крупном городе. В 1999 г. окончил с отличием N-скую академию государственной службы (специальность «государственное и муниципальное управление»), в 2003 г. — аспирантуру. С 1999 г. — член одной из партий. В 1999 г. работал помощником депутата, руководил территориальным штабом кандидата в губернаторы. В 1999–2000 гг. работал помощником депутата. С 2000 по 2004 г. — замдиректора фонда. В апреле 2004 г. назначен заместителем начальника управления... службы, с 2006 г. — начальник управления... службы по одной из программ. В 2008 г. назначен руководителем департамента министерства по направлению...

Переходные моменты CV № 2: образовательный путь (высшее образование, появляется этап аспирантуры без защиты), членство в партии, помощник депутата, руководитель предвыборного штаба кандидата в губернаторы, позиция заместителя директора партийного фонда, переход на госслужбу начальником управления, переход в министерство руководителем департамента. **Ключевой момент — опыт и социальный капитал связей в роли помощника депутата. Конвертация партийной карьеры в карьеру госчиновника/руководителя.**

CV № 3, период 1976–2014

В 1999 г. с отличием окончил N-скую академию государственной службы по специальности «государственное и муниципальное управление».

1998–1999 гг. — предпринимательская деятельность (производство продуктов питания).

1999–2000 гг. — помощник депутата.

2000–2004 гг. — заместитель директора фонда.

2004–2008 гг. — заместитель начальника, затем начальник Управления по..., член Комитета по стратегии...

2008–2011 гг. — директор департамента... в Министерстве... РФ.

2011–2014 гг. — директор по развитию... Агентства...

Переходные моменты CV № 3: образовательный путь (высшее образование, этап аспирантуры без защиты исчезает), опыт раннего предпринимательства (ранее в других резюме не упоминался), исчезает партийная траектория, помощник депутата, остается позиция заместителя директора партийного фонда, исчезает опыт руководства предвыборным штабом кандидата в губернаторы, госслужба начальником управления, переход в министерство руководителем департамента. **Ключевой момент — опыт и социальный капитал связей в роли помощника депутата. Конвертация предпринимательского опыта при совмещении партийной позиции без предыстории с конвертацией в карьере госчиновника/руководителя.**

CV № 4, период 1976–2017

1994–1999 гг. — с отличием окончил N-скую академию государственной службы по специальности «государственное и муниципальное управление».

В 1999–2000 гг. работал в канцелярии Губернатора помощником депутата государственной думы.

2000–2004 гг. — заместитель директора фонда одной из партий.

2004–2008 гг. — начальник отдела... Управления по..., затем начальник Управления...

2008–2011 гг. — директор департамента... в Министерстве... РФ.

2011–2014 гг. — руководитель департамента..., затем директор Агентства...

2014–2016 гг. — генеральный директор бизнес-корпорации.

В 2017 г. назначен заместителем, а затем генеральным директором бизнес-корпорации.

Переходные моменты CV № 4: образовательный путь (высшее образование), исчезает опыт раннего предпринимательства, исчезает партийная траектория, остается ключевой момент предыдущих резюме — помощник депутата (но в контексте канцелярии губернатора), остается позиция заместителя директора партийного фонда, исчезает опыт руководства предвыборным штабом кандидата в губернаторы, остается госслужба начальником управления, руководителем департамента в министерство. **Ключевой момент — опыт и социальный капитал связей в роли помощника депутата — смещен. Конвертация карьеры госчиновника/руководителя в карьеру CEO в бизнес-корпорации.**

Таким образом, контраст биографического нарратива о переломных моментах карьеры и четырех вариантов поступательно развивающегося резюме заключается прежде всего в том, что нарратив описывает субъективно важные, но также публично предъявляемые поворотные моменты карьеры с учетом контроля за публичным имиджем статусного CEO, при этом четыре варианта резюме вроде равномерно охватывают институциональные вехи карьеры, включая образовательную траекторию и историю занятости. Но как обнаружил анализ резюме, отдельные пункты институциональной биографии информанта утрачивали или же приобретали свою значимость в официально предъявляемой истории. Образование утрачивает свое среднее измерение и фазу аспирантуры, коль скоро она не завершена защитой, партийная траектория с активностью внутри партии уходит со временем на задний план, появляется и исчезает позиция, связанная с ранним опытом предпринимательства, выкристаллизовывается основная предъявляемая траектория руководящих позиций на госслужбе и переход в сферу бизнеса на руководящий пост. Таким образом, общая траектория спрямляет свою линию, освобождаясь от второстепенных позиций на последних вариантах резюме. При этом ни в биографическом нарративе, ни в последних вариантах резюме не упоминается важнейший переломный момент, который позволил молодому активному человеку, только выпустившемуся из высшей школы, войти в то социально пространство, старт в котором стал трамплином/акселератором карьеры в целом. Имеется в виду роль помощника депутата, одного, второго, последний из них руководил той госслужбой (мы анонимизировали данные резюме), в которую устраивается работать наш респондент. Возможно, этот сюжет истории восхождения можно было бы отнести к разряду «правил

социальной игры», необходимых для успеха, но акцент на него разрушает логику успеха социального актора, при которой он обязан упомянуть об этапах роста, но присвоенный в конце пути статус должен быть субъектной заслугой, а не случайностью или совокупностью обстоятельств.

По отношению к представленному материалу интервью и резюме мыслимы три установочные позиции в перспективе интерпретации. Первая установка проявлена самим социальным актором, субъективно описывающим переломные моменты своей карьеры и тем самым обнаруживающим предструктурированность своего социального мира реализуемой карьеры. Реконструкция нарративной идентичности актора, ответственной за предструктуриацию, тесно связана с той актуальной статусной позицией, которую автор занимает на момент интервьюирования — он CEO, генеральный директор бизнес-корпорации. Отрывок интервью раскрывает с субъективной точки зрения процесс восходящей карьеры, меняющей вектор с госслужбы на карьеру в бизнесе, причем семантически бессубъектность и субординация социального актора («меня пригласили, мне предложили...») при известном диапазоне самостоятельных действий и полномочий радикально сменяется присваиваемой субъектностью («я понял..., я решил... и реализую мечту...») в позиции руководителя бизнес-корпорации. Динамика его социальной мобильности — от старта получающего высшее образование и тем самым частично определяющего себя через этот выбор как представителя среднего класса к статусным пассажирам или поворотным моментам, ведущим к статусной идентичности представителя управленческой элиты.

Привлечем в перспективе объективирующей исследовательской установки также другой ресурс. Речь идет уже о коллекции кейсов резюме, которые благодаря выборке из той же профессиональной и статусной группы позволяют сформулировать распространенные паттерны траекторий социально-профессиональной мобильности в этой группе.

Коллективный кейс резюме CEO

В основу коллективного кейса положен анализ структуры образовательно-профессионального пути глав госкорпораций, имеющих позицию генеральных директоров¹. Для рассмотрения были отобраны

¹ Источник — открытые данные Московской биржи, на которой развернута информация о тех публичных акционерных обществах, ценные бумаги

58 глав ПАО из списка Московской биржи. Рассматриваемый материал резюме содержит информацию о пройденном образовательном пути и этапах карьеры. Для проверки гипотезы об темпоральных изменениях в паттернах профессиональных карьер были рассмотрены поколенческие различия в производстве профессиональных карьер. В выборке СЕО были выделены старшая (60 лет и выше), средняя (41–59 лет) и младшая (24–40 лет) когорты.

Если кейс с биографическим нарративом и четырьмя резюме, рассмотренный выше, представляет собой типичный вариант карьеры госчиновника/руководителя, осуществившего переход к позиции СЕО в бизнес-корпорацию, то в коллекции карьер СЕО из выборки ПАО1 на Московской бирже мы найдем соответствующий этому типу образец. Среди обнаруженного здесь типологического набора он проявился, но не оказался доминирующим (преобладает карьера внутри корпорации/отрасли снизу вверх). Выявленный набор «входов» не широк и представляет собой, в духе идеальных типов по М. Веберу, типизацию возможных точек входа в карьерную траекторию, ведущую к позиции СЕО. Разумеется, встречаются в выборке и промежуточные, «смазанные» варианты карьерных траекторий.

Итак, выборка СЕО на платформе Московской биржи включает следующие типы:

Госчиновники, которые поставили свои образовательные капиталы (юридические, экономические, управленческие) на службу государства. Они лояльны, их карьера набирает высоту в структурах госвласти, вплоть до позиций министра. Затем они конвертируют накопленные позиции в карьеру в бизнесе или госкорпорациях. После этого их социальная мобильность выглядит хотя и горизонтальной, но с большим уровнем автономности.

Отраслевой специалист, карьера которого вырастает в недрах корпорации по принципу снизу вверх, для него характерен высокий уровень организационного капитала, но мало унаследованного капитала. Самый распространенный типаж, присутствующий в более чем половине выборки. Эти люди пробились к вершине в пределах одной отрасли, если не корпорации. Структура социального капитала многосоставна,

которых торгуются на бирже. URL: <https://www.moex.com/ru/listing/securities-list.aspx>.

¹ ПАО — публичное акционерное общество.

стартует с технических компетенций, достраивается экономическими и управленческими компетенциями. К этому типу примыкает субтип отраслевого специалиста, который перемещается по горизонтали из корпорации в корпорацию, а затем растет горизонтально, наращивая управленческие компетенции.

Эксперты обладают высоким уровнем образовательного капитала, стремительной карьерой, академическими степенями, опытом преподавания. Эти люди смогли извлечь выгоду из своих заслуг в научном поле. Кроме того, здесь мы находим несколько моделей карьеры, которые конвертируют академические позиции в государственную бюрократию и далее в карьеру в госкорпорациях.

«Силовики», представители соответствующих ведомств, конвергирующие военное и/или технократическое образование с дальнейшей квалификацией и опытом работы в органах безопасности или армии в стране или за рубежом, а также с капиталом социальных связей в кругу ключевых игроков политического поля.

«Наследник/преемник» характеризуется высоким уровнем организационного и, главное, унаследованного капитала и относительно быстрой карьерой в рамках диверсифицированной корпорации. Часто это сыновья руководителей таких корпораций, с зарубежным образованием. Карьерный старт в системе управления и зарубежный опыт — обычно менее пяти лет — достаточны для приобретения космополитического капитала связей. Легитимируется вторым поколением представителей российской элиты.

Но какие же образовательные траектории привели к позиции генеральных директоров? Условно: где учат на топов? Какие комбинации образовательных капиталов ведут наверх?

Существуют ли поколенческие различия, связанные с режимами накопления социальных и образовательных капиталов?

Если разделить группу СЕО на подгруппы с различным образовательным уровнем, то в подгруппе с одним высшим образованием выделяются два заметных типажа — с экономическим образованием и инженерным. По своим возрастным характеристикам эти типажи не отличаются друг от друга: диапазон широк — первая (от 41 до 82 лет) и вторая (46–81 год).

В подгруппе СЕО с двумя высшими образованиями выделяются две небольшие возрастные подгруппы — первая (48–80 лет), вторая (56–82). Те, кто имеет три и более дипломов о высшем образовании, представ-

лены незначительно. Но какова содержательная последовательность образовательных событий у СЕО? Имеет смысл рассмотреть вторую подгруппу, получившую второе высшее образование: примерно поровну представлены две образовательные стратегии: 1) после экономического образования завершать образовательный путь управленческими компетенциями, и 2) инженерное образование дополнять управленческими компетенциями. Маргинальные варианты — наращивать вновь то же экономическое образование, инженерное образование дополнять экономическим образованием, а юридическое — экономическим.

Открытые данные CV также дают представление не только об образовательном пути, но и о событиях поступательно развивающейся карьеры. В каком возрасте представители трех возрастных когорт добиваются до высших управленческих позиций, во сколько лет в их послужном карьерном списке начинают появляться позиции генеральных директоров? У старшей когорты (60 лет и выше) это происходит в среднем в 43,8 года. В средней возрастной когорте (41–59 лет) приход на высшие позиции случается в среднем в 34 года, а у младшей когорты (24–40 лет) — в 28,3 года. Очевидна акселерация карьерного темпа у представителей младшего поколения: они затрачивают меньше времени для достижения топовых карьерных позиций, а их образование уже в первом полученном ближе к управленческим образовательным капиталам, необходимым для руководящих ролей.

Существенный вопрос для характеристики траекторий профессиональной мобильности СЕО — насколько сохраняется верность выбранному пути? Традиционный тип карьеры снизу вверх на одном предприятии/корпорации/отрасли с повышением статуса и с переходом с регионального на федеральный уровень характерен для основной части (около 60 %) выборки СЕО, это в большинстве своем так называемые технократы, а также банковский сектор. Остальные представляют сложносоставные типы карьеры, сменяющие отрасли, позиции в академии, исполнительной власти и вновь в секторе экономики.

Карьерные траектории СЕО, руководителей крупных корпораций показывают, какую комбинаторику профессиональных стартов использовали эти люди, а также позволяют взвесить влияние ключевых социальных институтов, таких как семья, образование, институты власти и рынок, которые (пере)распределяют социальные ресурсы в обществе и обуславливают характер национальной экономики. Упомянутые выше сложносочиненные траектории полученного образования демонстри-

руют комбинацию выбора из трех специальностей — инженеры, экономисты и юристы, достраивающие первый уровень высшего образования управленческими компетенциями. Выбор же учебных заведений отражает либо набор престижных отечественных вузов (МГУ, МГИМО, МГТУ им. Баумана, РАНХИГС, ВШЭ, Финакадемия при Правительстве РФ, Санкт-Петербургский госуниверситет, Госуниверситет нефти и газа и т.д.), либо относительно престижные региональные вузы: Уральский госуниверситет, Свердловский институт народного хозяйства (ныне — Уральский государственный экономический университет), Челябинский государственный технический университет, Тюменский государственный университет, Иркутский политехнический институт, Азербайджанский институт нефти и химии... Для трети выборки СЕО, которые получали второе образование, последующее учебное заведение было уже более престижным, не провинциальным. В младшей возрастной когорте выбор места учебы и типа учебного заведения уже кардинально отличались от старших групп, они сразу стартовали с учебы за рубежом: Калифорнийский университет, Гарвардский университет, Колумбийский университет, бизнес-школа INSEAD, Университет Антверпена, Оксфорд, университет La Sapienza. Очевидно, что модель воспроизводства, близкая российскому сегменту бизнес-элиты, включает выбор престижного вуза, что становится все более значимым для циркуляции элиты в межпоколенном разрезе, хотя вовсе не гарантирует мандата на вход в элитарный круг. Как показала типология карьерных траекторий, вход в бизнес-элиту может быть открыт благодаря работающему лифту внутри отрасли/корпорации, капиталу социальных связей, накопленных за годы работы в госструктурах, опыту работы в силовых ведомствах, а также семье и преемственности бизнеса и капитала.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Классическое социологическое исследование элит обычно касается вопроса о том, кто является элитой, из каких социальных слоев или групп рекрутируется, в каком социально-экономико-политическом контексте осуществлена эта мобилизация. К элите причисляются те социальные группы, которые в силу своих позиций или ресурсов способны влиять на развитие общества или принимать относительно него принципиальные решения. В каждом из случаев использования термина «элита» он отражает конкретный социальный срез общества, что

требует рассмотрения контекста укоренения, историзации: история теорий элиты всегда будет рассматривать их в контексте возникновения. Через исследовательское внимание к «позиционной» элите, принадлежащей к гораздо более широкому социальному слою, в социологию элит возвращается классово ориентированный социальный анализ и сюжет социальной мобильности элит, каналов ее рекрутирования, состава ее социальных капиталов. Эта новелла имеет следствием внимание к профилю происхождения элиты как набору социальных и образовательно-профессиональных капиталов, с одной стороны. С другой — обозначен концептуальный интерес к анализу процессов и конфликтов между доминирующим принципом господства и типом легитимации, в которых поле власти становится видимым. Эмпирически второй путь довольно непросто ввиду закрытости различных групп элит, стимулируя к косвенным методам замера. Поэтому в статье применен качественный анализ открытых данных CV на существенной выборке, который позволяет сделать осторожный вывод относительно воспроизводства и профессиональной мобильности такой социальной группы, как управленческая элита. Главы крупных гос- и бизнес-корпораций по большей части демонстрируют традиционный тип воспроизводства, поскольку их карьерные траектории отражают тип специалиста, растущий снизу вверх в рамках одного предприятия/корпорации/отрасли. Кроме традиционного воспроизводства, в проанализированной выборке СЕО обнаруживаются также такие факторы, влияющие на статусную идентичность и становление карьеры СЕО, как опыт чиновничества на государственной службе, служба в силовых ведомствах, университетско/академическая экспертиза, семейный статус преемника бизнеса и благосостояния. Карьеру СЕО подготавливает существенный накопленный образовательный капитал, имеющий сложносоставную динамику: выделяются равно представленные образовательные стратегии 1) завершить образовательный путь после экономического образования управленческими компетенциями и 2) дополнить инженерное образование управленческими компетенциями. Обнаружены поколенческие различия в возрасте достижения позиций СЕО: если старшая когорта (60 лет и выше) оказывалась на вершине в среднем в 43,8 года, средняя когорта (41–59 лет) — в среднем к 34 годам, то младшая когорта (24–40 лет) — уже в 28,3 года. Можно констатировать, что младшее поколение, очевидно, в силу получения профильного образования строит карьеру быстрее в среднем на 15 лет по сравнению со старшим поколением.

Отдельного вывода заслуживает осуществленное сравнение анализируемой субъективной и объективной профессиональной мобильности. Как известно, крупные количественные обследования [Kelley, Kelley 2009], посвященные сюжету субъективной мобильности, включают важный компонент сравнения оценки информантами своего статуса по отношению к родительскому (отцовскому) поколению. В биографическом нарративе информант темпорально сравнивает себя не с родителями, а с самим собой, и эта логика интроспективного сравнения в итоге формирует селективно отобранные позиции уже принадлежащего к управленческой элите индивида. Привлеченные варианты четырех резюме информанта отражали логику социально восхождения с латентно обозначенным «входом» в пространство построения карьеры с ресурсами социальных связей в определенной партии. Контраст субъективно выделенных переломных моментов и объективистской платформы резюме решает задачу перекрестного понимания, какие контрапункты карьеры информант субъективно выделяет с позиции сегодняшней идентичности СЕО.

Литература

- Агафонов Ю. Г., Лепеле В. Р. «Золотые двери» в российскую бизнес-элиту: рекрутирование и изменение структуры крупного предпринимательства в постсоветской России // Мир России. Социология. Этнология. 2016. № 3. С. 97–125.
- Барсукова С.Ю. Предпринимательские «призывы»: от «старой гвардии» до «новобранцев» // Социологические исследования. 2000. № 3. С. 51–58.
- Бунин И. Новые российские предприниматели и мифы посткоммунистического сознания // Либерализм в России: сб. статей / под ред. Ю. Крашениникова. М.: Агентство «Знак», 1993. С. 46–81.
- Бурдьё П. Различение: социальная критика суждения // Западная экономическая социология: хрестоматия современной классики. М.: РОССПЭН, 2004а. С. 537–565.
- Бурдьё П. Формы капитала // Западная экономическая социология: хрестоматия современной классики. М.: РОССПЭН, 2004б. С. 519–536.
- Гимпельсон В.Е. Новое российское предпринимательство: источники формирования и стратегия социального действия // Мировая экономика и международные отношения. 1993. № 6. С. 31–32.
- Региональные элиты Северо-Запада России: политические и экономические ориентации / под. ред. А.В. Дука. СПб.: Алетейя, 2001. 352 с.
- Заславская Т.И. Бизнес-слой российского общества: понятие, структура, идентификация // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 1994. № 5. С. 7–15.

Крыштановская О.В. *Анатомия российской элиты*. М.: Захаров, 2005. 384 с.

Куколев И.В. Провинциальный аспект политико-экономических элит // *Власть*. 1997. № 4. С. 42–47.

Куколев И.В. Формирование бизнес-элиты // *Общественные науки и современность*. 1996. № 2. С. 12–23.

Орех Е.А. Региональные элиты России // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 1998. № 4. С. 152–156.

Становление нового российского предпринимательства / под ред. В.В. Радаева. М.: Институт экономики РАН, 1994. 48 с.

Тев Д.Б. Элитное образование как канал рекрутирования властных групп: зарубежный опыт // *Социологические исследования*. 2015. № 9. С. 102–110.

Тихонова Н.Е., Чепуренко А.Ю. Предпринимательский потенциал российского общества // *Мир России*. 2004. Т. 13, № 1. С. 116–145.

Чепуренко А.Ю. Раннее предпринимательство в России: промежуточные результаты GEM // *Мир России*. 2008. Т. 17, № 2. С. 22–40.

Шкаратан М.О. Феномен предпринимателя: интерпретация понятий // *Мир России*. 1994. Т. 3, № 2. С. 149–177.

Bennis W., O'Toole J. Don't Hire the wrong CEO // *Harvard Business Review*. 2000. Vol. 78, № 3. P. 170–174.

Bianchi E.C., Vohs K.D. Social class and social worlds: income predicts the frequency and nature of social contact // *Social Psychological and Personality Science*. 2016. № 7. P. 479–486.

Bynner J. Rethinking the youth phase of the life-course: The case for emerging adulthood? // *Journal of Youth Studies*. 2005. Vol. 8, № 4. P. 367–384.

Bourdieu P. Das Feld der Macht und die bürokratische Herrschaft // Bourdieu P. Die Intellektuellen und die Macht. Hamburg: VSA-Verlag, 1991. S. 67–100.

Bühlmann F., David T. & Mach A. Political and economic elites in Switzerland: Personal interchange, interactional relations and structural homology // *European Societies*. 2012. Vol. 14, № 5. P. 727–754.

Diewald M., Mayer K.U. The sociology of the life course and life span psychology. DIW Discussion paper 772. Berlin: German Institute for Economic Research, 2008. 23 p.

Dimitrov V., Goetz K., Wollman H. *Governing after Communism: Institutions and Policymaking*. Lanham, Md.: Rowman & Littlefield, 2006. 295 p.

Elder G.H., Johnson M.K., Crosnoe R. The emergence and development of the life course theory. In: *Handbook of the life course* / ed. by J.T. Mortimer, M.J. Shanahan. N.Y.: Springer, 2004. P. 3–19.

Elliot J.R., Smith R.A. Race, gender and workplace power // *American Sociological Review*. 2004. Vol. 69, № 3. P. 365–386.

Endruweit G. *Elite und Entwicklung. Theorie und Empirie zum Einfluss von Eliten auf Entwicklungsprozesse*. Frankfurt a. M.: Peter Lang, 1986. 312 p.

Evans P. Predatory, developmental, and other apparatuses: a comparative political economy perspective on the third world state // *Sociological Forum*. 1989. Vol. 4, № 4. P. 561–587.

Evans P. *Embedded Autonomy: States and Industrial Transformation*. Princeton: Princeton University Press, 1995. – 336 з.

Hambrick D.C., Mason P.A. Upper echelons: The organization as a reflection of its top managers // *Academy of Management Review*. 1985. Vol. 9, № 2. P. 193–206.

Hartmann M. *Der Mythos von den Leistungseliten. Spitzenkarrieren und soziale Herkunft in Wirtschaft, Politik, Justiz und Wissenschaft*. Frankfurt a. M.: Campus Verlag, 2002. 208 S.

Hartmann M. *Eliten und Macht in Europa: ein internationaler Vergleich*. Frankfurt a. M.: Campus Verlag, 2007. 268 S.

Heinz R. From work trajectories to negotiated careers: The contingent work life course // *Handbook of the life course* / ed. by J.T. Mortimer, M.J. Shanahan. New York: Springer, 2004. P. 185–204.

Holgersson C. The social construction of top executives. In: *Invisible management: The social construction of leadership* / ed. by S. Sjostrand, J. Sandberg, M. Tyrstrup. Singapore: Thomson Asia Pte Ltd., 2002. P. 105–125.

Huskey E. Elite recruitment and state-society relations in technocratic authoritarian regimes: The Russian case // *Communist and Post-Communist Studies*. 2010. Vol. 43, № 4. P. 363–372.

Giele J.Z., Elder G.H. Life course research. Development of a field. In: *Methods of life course research. Qualitative and quantitative approaches* / ed. by J.Z. Giele, G.H. Elder. Thousand Oaks, CA: Sage, 1998. P. 5–27.

Gimpelson V., Magun V., Brym R. Young Professionals in the Russian Civil Service: Weberian Ideals versus Russian Realities. In: *Russian Bureaucracy and the State: Officialdom from Alexander III to Putin* / ed. by R.D. Huskey. London: Palgrave Macmillan, 2009. P. 231–252.

Grenfell M.J., Kelly M. *Bourdieu: Language, Culture and Education*. Stocksfield, UK: Acumen Publishing, 2008. 333 p.

Ibarra H. *Working identity: Unconventional strategies for reinventing your career*. Boston: Harvard Business Press, 2003. 199p .

Kelley S.M.C., Kelley C.G.E. Subjective social mobility: data from 30 nations. In: *Charting the Globe: The International Social Survey Programme 1984–2009* / ed. by M. Haller, R. Jowell, T. Smith. London: Routledge, 2009. Chapter 6, 19 p. URL: <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.664.8071&rep=rep1&type=pdf>.

Kryshatanovskaya O., White S. The Rise of the Russian Business Elite // *Communist and Post-Communist Studies*, 2005. Vol. 38, № 3. P. 293–307.

Lamb M., Sutherland M. The components of career capital for knowledge workers in the global economy // *The International Journal of Human Resource Management*. 2010. Vol. 21, № 3. P. 295–312.

Lawler S. Rules of engagement: Habitus, power and resistance // *Feminism after Bourdieu* / ed. by L. Adkins, B. Skeggs. Oxford: Blackwell Publishing, 2004. P. 110–128.

Levy R., Joye D., Kaufmann V., Guye O. Tous égaux?: de la stratification aux représentations. Zurich: Editions Seismo, 1997. 670 з.

Parker P., Khapova S. N., Arthur M. B. The intelligent career framework as a basis for interdisciplinary inquiry // *Journal of Vocational Behavior*. 2009. Vol. 75, № 3. P. 291–302.

Reddaway P., Glinski D. The Tragedy of Russia's Reforms: Market Bolshevism against Democracy. Washington: DC: United States Institute of Peace, 2001. 768 p.

Reskin B. F., McBrier D. B. Why not ascription? Organizations' employment of male and female managers // *American Sociological Review*. 2000. Vol. 65, № 2. P. 210–233.

Rothböck S., Sacchi S., Buchmann M. Die Rekrutierung der politischen, wirtschaftlichen und wissenschaftlichen Eliten in der Schweiz. Eine explorative Studie // *Schweizerische Zeitschrift für Soziologie*. 1999. Vol. 25, № 3. S. 459–496.

Sampson R. J. & Laub J.H. Crime in the making. Pathways and turning points through life. Cambridge, MA: Harvard University Press. 1993. - 320 з.

Tajfel H., Turner J.C. An integrative theory of intergroup conflict // *The Social Psychology of Intergroup Relations* / ed. by W.G. Austin, S. Worchel. Monterey, CA: Brooks: Cole 1979. P. 33–47.

Thomas V., Azmitia M. Does class matter? The centrality and meaning of social class identity in emerging adulthood // *Identity*. 2014. Vol. 14, № 3. P. 195–213.

Thompson P. Field. In: *Pierre Bourdieu: Key concepts* / ed. by M. Grenfell. Stocksfield, UK: Acumen Publishing, 2008. P. 67–81.

Useem M. Corporations and the corporate elite // *Annual Review of Sociology*. 1980. Vol. 6. P. 41–77.

Useem M., Karabel J. Pathways to top corporate management // *American Sociological Review*. 1986. Vol. 5, № 1. P. 184–200.

Van Laar C., Bleeker D., Ellemers N., Meijer E. Ingroup and outgroup support for upward mobility: divergent responses to ingroup identification in low status groups // *European Journal of Social Psychology*. 2014. Vol. 44. № 6. P. 563–577.

Wackerle F. W. The right CEO: Straight talk about making tough CEO selection decisions. San Francisco: Jossey-Bass, 2001. - 198 з.

Wittmann W. Der helvetische Filz: eine geschlossene Gesellschaft. Bern: Huber Verlag, 2002. - 174 S.

Yakovlev A. The Evolution of Business–State Interaction in Russia: From State Capture to Business Capture? // *Europe-Asia Studies*. 2006. Vol. 58, № 7. P. 1033–1056.

Zhang Y. & Rajagopalan N. Explaining CEO origin: Firm versus industry antecedents // *Academy of Management Journal*. 2003. Vol. 46, № 3. P. 327–338.

SOCIAL MOBILITY OF THE MANAGERIAL ELITE, ITS EDUCATIONAL CAPITAL AND PROFESSIONAL TRAJECTORIES

E. Rozhdestvenskaya

Citation: Rozhdestvenskaya E. Sotsial'naya mobil'nost' upravlencheskoy elity, yeye obrazovatel'nyye kapitaly i professional'nyye trayektorii [Social mobility of the managerial elite, its educational capital and professional trajectories]. *Vlast' i elity* [Power and Elites], 2019, 6 (2): 67–106. (In Russian)

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2019.6.2.3>

Abstract. *The article reconstructed of those modern theoretical approaches that themed the plot of mobility of the elites. The conceptualization of the mobile aspect in the study of elites has been carried out both in a diverse foreign and Russian context. The study of the elite requires consideration of the context of its embeddedness, historicization. Through research attention to the “positional” elite, which belongs to a much wider social layer, the class-oriented social analysis and the plot of the social mobility of the elites, the channels for its recruitment, and the composition of its social capital are returned to the sociology of elites. This novel has one of the consequences of empirical attention to the profile of the origin of the elite as a set of social and educational-professional capitals. The problem of research access to the elite forces the search for open data to be streamlined. The article used a qualitative analysis of CV data of representatives of the top managerial elite, which allows us to characterize the processes of its reproduction and professional mobility. A career of CEO is prepared by a significant accumulated educational capital with complex dynamics: equal-represented educational strategies are allocated 1) to complete the educational path after economic education with managerial competencies, and 2) to complement engineering education with managerial competencies. The heads of large state and business corporations for the most part demonstrate the traditional type of reproduction, since their career paths reflect the type of specialist growing from bottom to top in the same enterprise / corporation / industry. In addition, factors affecting the status identity and career development of CEOs were found, such as previous experience in public service bureaucracy, military & security forces, university / academic expertise, family status of successor to business and welfare. There are also generational differences among the three age cohorts in the timing of achieving CEO positions: the younger generation builds a career faster by an average of 15 years compared with the older generation.*

Keywords: *elitist studies, positional elite, managerial elite, CV analysis, educational and professional trajectories.*

References

Agafonov YU. G., Lepele V. R. «Zolotyye dveri» v rossiyskuyu biznes- elitu: rekrutirovaniye i izmeneniye struktury krupnogo predprinimatel'stva v postsovetsoy Rossii [“Golden Doors” to the Russian business elite: recruiting and changing the structure of large business in post-Soviet Russia]. *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya* [World of Russia. Sociology. Ethnology], 2016, 3, pp. 97–125. (In Russian)

Barsukova S.YU. Predprinimatel'skiye «prizyvyy»: ot «staroy gvardii» do «novo-brantsev» [Entrepreneurial “appeals”: from the “old guard” to the “recruits”]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological researches], 2000, 3, pp. 51–58. (In Russian)

Bennis W., O'Toole J. Don't Hire the wrong CEO. *Harvard Business Review*, 2000, 78 (3), pp. 170–174.

Bianchi E.C., Vohs K.D. Social class and social worlds: income predicts the frequency and nature of social contact. *Social Psychological and Personality Science*, 2016, 7, pp. 479–486.

Bynner J. Rethinking the youth phase of the life-course: The case for emerging adulthood? *Journal of Youth Studies*, 2005, 8 (4), pp. 367–384.

Bourdieu P. Das Feld der Macht und die bürokratische Herrschaft. In: Bourdieu P. *Die Intellektuellen und die Macht*, Hamburg; VSA-Verlag, 1991, S. 67–100.

Bourdieu P. Formy kapitala [Forms of capital]. In: *Zapadnaya ekonomicheskaya sotsiologiya: khrestomatiya sovremennoy klassiki* [Western economic sociology: anthology of modern classics]. Moscow: ROSSPEN, 2004b, pp. 519–536. (In Russian)

Bourdieu P. Razlicheniye: sotsial'naya kritika suzhdeniya [Distinction: social criticism of judgment]. In: *Zapadnaya ekonomicheskaya sotsiologiya: khrestomatiya sovremennoy klassiki* [Western economic sociology: anthology of modern classics]. Moscow: ROSSPEN, 2004a, pp. 537–565. (In Russian)

Bunin I. Novyye rossiyskiye predprinimateli i mify postkommunisticheskogo soznaniya [New Russian entrepreneurs and myths of post-communist consciousness]. In: *Liberalizm v Rossii: sb. statey*. Ed. by Yu. Krashenninikov. Moscow: Agentstvo «Znak», 1993, pp. 46–81. (In Russian)

Bühlmann F., David T., Mach A. Political and economic elites in Switzerland: Personal interchange, interactional relations and structural homology. *European Societies*, 2012, 14 (5), pp. 727–754.

Chepurenko A.YU. Ranneye predprinimatel'stvo v Rossii: promezhutochnyye rezul'taty GEM [Early Entrepreneurship in Russia: GEM Interim Results]. *Mir Rossii* [World of Russia], 2008, 17 (2), pp. 22–40. (In Russian)

Diewald M., Mayer K. U. *The sociology of the life course and life span psychology*. DIW Discussion paper 772, Berlin. German Institute for Economic Research, 2008. -23 Pages.

Dimitrov V., Goetz K., Wollman H. *Governing after Communism: Institutions and Policymaking*. Lanham, Md.: Rowman & Littlefield, 2006. 295 p.

Elder G.H., Johnson M.K., Crosnoe R. The emergence and development of the life course theory. In: *Handbook of the life course*. Ed. by J.T. Mortimer, M.J. Shanahan. New York: Springer, 2004, pp. 3–19.

Elliot J. R., Smith R. A. Race, gender and workplace power. *American Sociological Review*, 2004, 69 (3), pp. 365–386.

Endruweit G. *Elite und Entwicklung. Theorie und Empirie zum Einfluss von Eliten auf Entwicklungsprozesse*, Frankfurt a. M.: Peter Lang, 1986. 312 S.

Evans P. Predatory, developmental, and other apparatuses: a comparative political economy perspective on the third world state. *Sociological Forum*, 1989, 4 (4), pp. 561–587.

Evans P. *Embedded Autonomy: States and Industrial Transformation*. Princeton: Princeton University Press, 1995. 336 p.

Hambrick D. C. & Mason P. A. Upper echelons: The organization as a reflection of its top managers. *Academy of Management Review*, 1985, 9 (2), pp. 193–206.

Hartmann M. *Der Mythos von den Leistungseliten. Spitzenkarrieren und soziale Herkunft in Wirtschaft, Politik, Justiz und Wissenschaft*, Frankfurt a. M.: Campus Verlag, 2002. – 208 S.

Hartmann M. *Eliten und Macht in Europa: ein internationaler Vergleich*. Frankfurt a. M.: Campus Verlag, 2007. 268 S.

Heinz R. From work trajectories to negotiated careers: The contingent work life course. In: *Handbook of the life course. Qualitative and quantitative approaches*. Ed. by Jeylan T. Mortimer, Michael J. Shanahan. New York: Springer, 2004, pp. 185–204.

Holgersson C. The social construction of top executives. In: *Invisible management: The social construction of leadership*. Ed. by S. Sjostrand, J. Sandberg, M. Tyrstrup. Singapore: Thomson Asia Pte Ltd., 2002, pp. 105–125.

Huskey E. Elite recruitment and state-society relations in technocratic authoritarian regimes: The Russian case. *Communist and Post-Communist Studies*, 2010, 43 (4), pp. 363–372.

Giele J.Z., Elder G.H. Life course research. Development of a field. In: *Methods of life course research. Qualitative and quantitative approaches*. Ed. by Janet Z. Giele and Glen H. Elder. Thousand Oaks, CA: Sage, 1998, pp. 5–27.

Gimpelson V., Magun V., Brym R. Young Professionals in the Russian Civil Service: Weberian Ideals versus Russian Realities. In: *Russian Bureaucracy and the State: Officialdom from Alexander III to Putin*. Ed. by Rowney, D., Huskey. London: Palgrave Macmillan, 2009, pp. 231–252.

Gimpelson V.Ye. Novoye rossiyskoye predprinimatel'stvo: istochniki formirovaniya i strategiya sotsial'nogo deystviya [New Russian Entrepreneurship: Sources of Formation and Social Action Strategy]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya* [World Economy and International Relations], 1993, 6, pp. 31–32. (In Russian)

Grenfell M.J., Kelly M. *Bourdieu: Language, Culture and Education*. Stocksfield, UK: Acumen Publishing, 2008. 333 p.

Ibarra H. *Working identity: Unconventional strategies for reinventing your career*. Boston: Harvard Business Press, 2003. — 199 p.

Kelley S.M.C., Kelley C.G.E. Subjective social mobility: data from 30 nations. In: *Charting the Globe: The International Social Survey Programme 1984–2009*. Ed. by Max Haller, Roger Jewell and Tom Smith. London: Routledge, 2009. Chapter 6, 19 p. URL: <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.664.8071&rep=rep1&type=pdf>

Kryshtanovskaya O., White S. The Rise of the Russian Business Elite. *Communist and Post-Communist Studies*, 2005, 38 (3), pp. 293–307.

Kryshtanovskaya O.V. *Anatomiya rossiyskoy elity* [Anatomy of the Russian elite]. Moscow: Zakharov, 2005. 384 p. (In Russian)

Kukolev I.V. Provintsial'nyy aspekt politiko-ekonomicheskikh elit [The provincial aspect of political and economic elites]. *Vlast'* [Power], 1997, 4, pp. 42–47. (In Russian)

Kukolev I.V. Formirovaniye biznes-elity [Formation of the business elite]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'* [Social sciences and the present], 1996, 2, pp. 12–23. (In Russian)

Lamb M., Sutherland M. The components of career capital for knowledge workers in the global economy. *The International Journal of Human Resource Management*, 2010, 21 (3), pp. 295–312.

Lawler S. Rules of engagement: Habitus, power and resistance. In: *Feminism after Bourdieu*. Ed. by L. Adkins, B. Skeggs. Oxford: Blackwell Publishing, 2004, pp. 110–128.

Levy R., Joye D., Kaufmann V., Guye O. *Tous égaux? De la stratification aux représentations*. Zurich; Editions Seismo, 1997. 670 p.

Orekh Ye.A. Regional'nyye elity Rossii [Regional Elites of Russia]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii*, 1998, 4, pp. 152–156. (In Russian)

Parker P., Khapova S. N., Arthur M. B. The intelligent career framework as a basis for interdisciplinary inquiry. *Journal of Vocational Behavior*, 2009, 75 (3), pp. 291–302.

Stanovleniye novogo rossiyskogo predprinimatel'stva [The Formation of New Russian Entrepreneurship]. Ed. by V.V. Radayev. Moscow: Institut ekonomiki RAN, 1993. 48 p. (In Russian)

Reddaway P., Glinski D. *The Tragedy of Russia's Reforms: Market Bolshevism against Democracy*. Washington, DC: United States Institute of Peace, 2001. 768 p

Regional'nyye elity Severo-Zapada Rossii: politicheskiye i ekonomicheskkiye orientatsii [Regional Elites of the North-West of Russia: Political and Economic Orientations]. Ed. by A. Duka. St. Petersburg, Aletheia, 2001. 352 p.

Reskin B.F., McBrier D.B. Why not ascription? Organizations' employment of male and female managers. *American Sociological Review*, 2000, 65 (2), pp. 210–233.

Rothböck S., Sacchi S. & Buchmann M. Die Rekrutierung der politischen, wirtschaftlichen und wissenschaftlichen Eliten in der Schweiz. Eine explorative Studie. *Schweizerische Zeitschrift für Soziologie*, 1999, 25 (3), S. 459–496.

Sampson R.J., Laub J.H. *Crime in the making. Pathways and turning points through life*. Cambridge, MA: Harvard University Press. 1993. 320 p.

Shkaratan M.O. Fenomen predprinimatel'ya: interpretatsiya ponyatiy [The phenomenon of the entrepreneur: interpretation of concepts]. *Mir Rossii* [World of Russia], 1994, 3 (2), pp. 149–177. (In Russian)

Tajfel H, Turner J.C. An integrative theory of intergroup conflict. In: *The Social Psychology of Intergroup Relations*. Ed. by W.G. Austin, S. Worchel. Monterey, CA: Brooks; Cole 1979, pp. 33–47.

Tev D.B. Elitnoye obrazovaniye kak kanal rekrutirovaniya vlastnykh grupp: zarubezhnyy opyt [Elite education as a channel for recruiting power groups: foreign experience]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological researches], 2015, 9, pp. 102–110. (In Russian)

Thomas V., Azmitia M. Does class matter? The centrality and meaning of social class identity in emerging adulthood. *Identity*, 2014, 14 (3), pp. 195–213.

Thompson P. Field. In: *Pierre Bourdieu: Key concepts*. Ed. by M. Grenfell. Stocksfield, UK: Acumen Publishing, 2008, pp. 67–81.

Tikhonova N.Ye., Chepurenko A.YU. Predprinimatel'skiy potentsial rossiyskogo obshchestva [Entrepreneurial potential of Russian society]. *Mir Rossii* [World of Russia], 2004, 13 (1), pp. 116–145. (In Russian)

Useem M. Corporations and the corporate elite. *Annual Review of Sociology*, 1980, 6, pp. 41–77.

Useem M., Karabel J. Pathways to top corporate management. *American Sociological Review*, 1986, 5 (1), pp. 184–200.

Van Laar C., Bleeker D., Ellemers N., Meijer E. Ingroup and outgroup support for upward mobility: divergent responses to ingroup identification in low status groups. *European Journal of Social Psychology*, 2014, 44 (6), pp. 563–577.

Wackerle F. W. *The right CEO: Straight talk about making tough CEO selection decisions*. San Francisco: Jossey-Bass, 2001. 198 p.

Wittmann W. *Der helvetische Filz: eine geschlossene Gesellschaft*. Bern: Huber Verlag, 2002. 174 S.

Yakovlev A. The Evolution of Business-State Interaction in Russia: From State Capture to Business Capture? *Europe-Asia Studies*, 2006, 58 (7), pp. 1033–1056.

Zaslavskaya T.I. Biznes-sloy rossiyskogo obshchestva: ponyatiye, struktura, identifikatsiya [The business layer of Russian society: concept, structure, identification]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny* [Public Opinion Monitoring: Economic and Social Change], 1994, 5, pp. 7–15. (In Russian)

Zhang Y., Rajagopalan N. Explaining CEO origin: Firm versus industry antecedents. *Academy of Management Journal*, 2003, 46 (3), pp. 327–338.

ЭЛИТЫ В ПРОСТРАНСТВЕ ДИСКУРСА И СИМВОЛИЧЕСКОГО

ОБРАЗЫ ИСТОРИИ ВОЛЖСКОЙ БУЛГАРИИ В ПОСТСОВЕТСКОМ ТАТАРСТАНЕ: ВЕРСИЯ ЭЛИТ И МАССОВЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ

Н.И. Карбаинов

Цитирование: Карбаинов Н.И. Образы истории Волжской Булгарии в постсоветском Татарстане: версия элит и массовые представления // Власть и элиты. 2019. Т. 6. № 2. С. 107–133.

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2019.6.2.4>

Аннотация. *Средневековое государство Волжская Булгария занимает важное место в исторической политике современного Татарстана. Ее история преподносится в учебниках по истории Татарстана как «золотой век» и «одна из ярких цивилизаций Европы». История Волжской Булгарии, которая транслируется элитами в Татарстане, в отличие от истории Золотой Орды, не вступает в противоречие с исторической политикой современной России. При этом она используется татарскими элитами не только для целей исторической политики, но и для формирования туристического бренда республики. Для большинства жителей Казани Волжская Булгария, с одной стороны, самая интересная эпоха в истории Татарстана, что является отчасти результатом «булгаризации» в 2000–2010-е годы, с другой — большинство казанцев, в том числе казанцев-татар, не считают ее «золотым веком». Также большинство казанцев испытывают достаточно мало эмоциональных переживаний в связи с историей Волжской Булгарии, в отличие от событий XX в. Опираясь на результаты эмпирического исследования, мы можем говорить только о «частичной татаризации» (или «частичной булгаризации» в этом конкретном кейсе) массового исторического сознания со стороны татарских элит.*

Ключевые слова: *элита, Татарстан, национальная история, массовые представления, историческая политика, идеология.*

ВВЕДЕНИЕ

В результате распада СССР на постсоветском пространстве можно наблюдать стремительное развитие национальных историй в ныне независимых государствах СНГ и в регионах (в первую очередь в республиках) Российской Федерации [Национальные истории... 1999; Национальные истории... 2009; Шнирельман 2003; Историческая политика... 2012]. Историческое прошлое выступает важным ресурсом нациестроительства и формирования национальной идентичности. (Этно)национальные версии истории — важные идеологические инструменты, с помощью которых поддерживается легитимность политических элит [Андерсон 2001; Ассман 2004; Ферро 1992; Репина 2003]. В последние десятилетия элиты Татарстана были также активно вовлечены в создание национальной истории татарского народа и Татарстана [Rorlich 1999; Исхаков 1999; Davis et al. 2000; Shnirelman 1996; Шнирельман 2002; 2016; Zverev 2002; Усманова 2003; Овчинников 2010; 2015].

Конструирование элитами Татарстана национальной истории — хорошо изученная тема. В то же время до сих пор недостаточно исследована проблема влияния татарских элит на массовые исторические представления жителей республики. Именно эту проблему мы предлагаем частично раскрыть в рамках статьи. В литературе и СМИ можно встретить два альтернативных взгляда на проблему влияния татарской национальной идеологии на массовые представления жителей Татарстана: 1) «татаризации» и 2) «национальных архипелагов» или «национальных анклавов». В рамках первого можно выделить еще три позиции: «татаризации сверху», «татаризации снизу» и «встречной татаризации». О «татаризации сверху» рассуждает Р. Сулейманов. Так, по его мнению, в Татарстане выросло поколение молодежи, «которое всё, что ассоциируется с Россией, стремится унизить и оскорбить. Их возраст колеблется от 18 до 35 и выше, однако есть общая черта — они росли во время правления Минтимера Шаймиева, в эпоху разгула сепаратизма и борьбы “за суверенитет”. Они — это мои соплеменники, но те, кто впитал мировоззренческие установки учебников и литературы по истории Татарстана, подготовленных местными историками, с посылом о “вечной освободительной войне татарского народа” и “русских оккупантах”. Все они приняли “философию” татарского национал-сепаратизма, которая была мейнстримом общественно-политической жизни республики того времени» [Сулейманов 2014]. А. Фридли счи-

тает, что доминирующей идеологией в Татарстане является идеология мультикультурализма и на примере татарской молодежи Казани показывает, что «татаризация города» идет скорее снизу, чем сверху [Friedli 2012]. Х. Фаллер пишет о существовании двух автономных дискурсивных миров русскоязычных и татароязычных жителей и процесс «татаризации», по ее мнению, происходил как сверху, так и снизу [Faller 2011]. В качестве альтернативы идеи «татаризации» предлагается идея «национальных архипелагов» или «национальных анклавов» [Alvarez Veinguer 2007; Alvarez Veinguer, Davis 2007]. В соответствии с этой идеей татарские идеологи достигли весьма скромных результатов, и их влияние распространяется лишь на небольшие «национальные архипелаги» (в частности, татарские гимназии). Стоит отметить, что сторонники обоих взглядов опираются либо на собственные экспертные оценки [Сулейманов 2014], либо на результаты социологических и антропологических исследований, проведенных с помощью качественных методов [Alvarez Veinguer 2007; Alvarez Veinguer, Davis 2007; Faller 2011; Friedli 2012]. По сути, эти два взгляда могут выступить в качестве гипотез для количественного социологического исследования.

В предыдущих наших публикациях мы уже анализировали данную проблему на примере образов истории тюркской цивилизации [Карбаинов 2018а], идеологемы 1552 г. [Карбаинов 2018б] и образов революционных событий 1917 — 1920-х годов [Карбаинов 2018в]. Здесь мы рассмотрим проблему влияния татарской исторической идеологии на массовые представления на примере образов Волжской Булгарии. Таким образом, цель статьи — во-первых, проанализировать исторические дискурсы татарской элиты на примере конструирования образов Волжской Булгарии, и, во-вторых, рассмотреть, каким образом они представлены в массовом сознании жителей Татарстана.

Мы опираемся на эмпирические результаты коллективного проекта «Войны памяти» и «конвенции памяти» в постсоветском Татарстане: элитарные версии исторического прошлого и массовые представления» (Центр культурных исследований постсоциализма К(П)ФУ при поддержке Программы развития партнерских центров Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013–2014). Версию элит осветим с помощью анализа учебников по истории татарского народа и Татарстана, научно-популярной литературы, источников СМИ. Для анализа массовых исторических представлений используем нарративы из интервью и данные анкетного опроса жителей Казани (N=1000 респондентов).

Структура статьи строится следующим образом: в первом разделе мы проанализируем образы истории Волжской Булгарии, которые конструируются татарскими элитами, а во втором рассмотрим массовые представления жителей постсоветского Татарстана об этом историческом периоде.

ВЕРСИЯ ЭЛИТ

Создание национальной истории — один из важнейших инструментов нациестроительства (наряду с языковой и религиозной политикой) в постсоветском Татарстане [Сагитова 1998; Rorlich 1999; Davies et al. 2000; Низамова 2001; Zverev 2002; Graney 2009; Faller 2011; Derrick 2013]. Главным производителем национальной истории в Татарстане выступила татарская национальная интеллигенция при поддержке политических элит [Сагитова 1998; Davies et al. 2000; Низамова 2001].

Основными производителями и трансляторами национальной истории являются Институт истории Академии наук Татарстана, Казанский федеральный университет и другие научные и учебные заведения (в том числе татарские национальные гимназии) [Alvarez Veinguer 2007; Alvarez Veinguer, Davis 2007], Министерство образования и науки РТ, издательства, музеи и т.д. [Усманова 2003; Гилязов 2003; Graney 2009]. Ключевыми каналами трансляции идеологических дискурсов (включая исторические) в массовое сознание населения республики являются СМИ (газеты, телевидение) [Сагитова 1998; Сагитова 2003; Davies et al. 2000; Низамова 2001], учебные курсы по истории в средней и высшей школе [Гибатдинов 2003; Гилязов 2003; Мухарямова, Андреева 2013], публичные места, музейные экспозиции и архитектура [Graney 2009; Faller 2011; Kinossian 2012].

Одно из важных мест в национальной истории, создаваемой элитами современного Татарстана, занимает средневековое государство Волжская Булгария. В конце 1980–1990-х годов среди татарских ученых активно развернулась дискуссия между «булгаристами» и «татаристами» [Shnirelman 1996; Шнирельман 1998; 2002; Schamiloglu 2001; Цвиклински 2003; Уяма 2003]. Дискуссия велась вокруг истории Волжской Булгарии и Золотой Орды, и в конечном итоге ключевым в ней стал вопрос об идентичности татар. «Татаристы» делали упор на золотоордынских и половецких (кипчакских) корнях татарского народа и придавали соответственно большое значение истории Золотой Орды. Булгаристы,

в свою очередь, видели в качестве непосредственных предков татар волжских булгаров и всячески идеализировали Волжскую Булгарию. Некоторые радикальные «булгаристы» призывали даже к смене этнонима «татары» на «булгары». В результате в лагере татарских историков возобладал компромиссный взгляд на историю Волжской Булгарии и Золотой Орды. Оба исторических периода относительно гармонично были инкорпорированы в историю Татарстана и татарского народа. Требования радикальных «булгаристов» о смене этнонима народа и названия республики, разумеется, никто выполнять не стал. Несмотря на достигнутый компромисс между «булгаристами» и «татаристами», на наш взгляд, идеи сторонников первого лагеря повлияли на историческую политику в большей степени, чем идеи «татаристов». В этом случае важно отметить, что история Волжской Булгарии, которая транслируется элитами в Татарстане, в отличие от истории Золотой Орды, не вступает в противоречие с исторической политикой современной России. Вероятно, это стало одной из причин «булгаризации» Казани и других городов республики, особенно в 2000–2010-е годы. Так, в Казани есть мечеть с названием «Булгар», памятник болгарскому поэту Кул Гали, установленный в парке Тысячелетия, торгово-развлекательные центры, рестораны, гостиницы с названиями болгарских городов — «Биляр», «Сувар-плаза», «Биляр палас» и т.д. В Елабуге к 1000-летию города был возведен памятник болгарскому эмиру Ибрагиму I (Ибрагиму-градостроителю). При этом в Татарстане нет ни одного памятника, посвященного истории Золотой Орды. Вершиной «булгаризации» стало создание фонда «Возрождение» во главе с первым президентом Минтимером Шаймиевым. Важной составляющей деятельности фонда является реставрация древнего города Болгара, наряду со Свяжском. Несмотря на то, что в Болгаре сохранились только памятники эпохи Золотой Орды, он чаще всего ассоциируется именно с Волжской Булгарией.

По мнению местного эксперта Раиса Сулемайнова, важную роль в «булгаризации» исторической политики сыграл первый президент Татарстана М. Шаймиев, при чем уже после того, как перестал быть главой республики: *«...Ведь Шаймиев начал с 2010 года заниматься возрождением булгар. Существовал абсолютный культ Золотой Орды, преувеличенного государства. Когда ему дали возрождение Болгара, и он начал с того, что стал апеллировать к Волжской Булгарии. А сама болгарская история, она трактовалась ведь как. Ведь булгары оказались жертвами монголо-*

татарского нашествия. Вот. Это очень неудобно. Поэтому начался конструироваться миф, что Волжская Булгария — это была некая болгарская цивилизация. Как Тойнби написал, что была 21 цивилизация, а у нас, забыл, была еще 22-я цивилизация, это была болгарская. Выпускается книжка, которая так и называется: “Булгарская цивилизация”. Вот. И соответственно этот миф дальше и насаждается. Что это было такое мощное государство, целая своя цивилизация. То есть, есть исламская цивилизация, а есть, оказывается, болгарская еще. Это тоже хоть и мусульманская, но тем не менее. И трансформация. Те историки, в том числе Хакимов, которые занимались культом Золотой Орды, они в силу того, что конъектура местного правителя, пусть Шаймиева, такого лидера, даже неофициального, но тем не менее, сохранились его позиции, они вынуждены были под эту болгарскую цивилизацию все-таки склониться свою. И отсюда это началось» [ВПЭ-1].

Рассмотрим более детально, как представлены образы истории Волжской Булгарии на страницах учебных пособий и научно-популярной литературы. Булгары, согласно господствующей в Татарстане версии истории, являются одними из предков татарского народа. Как пишет Р. Хакимов, «гунны — тюрки — булгары (болгары) — татаро-монголы — современные татары — такова формула этногенеза татар. Эти близкие по языку и культуре этносы шли двумя мощными потоками: гунно-тюркским и тюрко-татарским. Гунно-тюркская волна оставила после себя государственность в виде Волжской Булгарии и Дунайской Болгарии, а тюрко-татарский поток наложился на болгарскую и кипчакскую среду, преобразовав многочисленные тюркские племена в единый тюрко-татарский народ. Особая роль в этом процессе выпала на долю Золотой Орды — одного из самых развитых государств своего времени» [Хакимов 2007: 271]. Данная концепция происхождения татарского народа представлена практически во всех учебных пособиях по истории Татарстана [Фахрутдинов 2000; Гилязов и др. 2008; Исхаков и др. 2009; Хузин и др. 2011; Хузин, Пискарев 2012]. Важно также отметить, что Волжская Булгария в национальной истории, создаваемой татарскими элитами, преподносится как первое собственное государство булгар (и соответственно современных татар) на территории Среднего Поволжья. Таким образом, закрепляется историческое право татарского народа на территорию современного Татарстана.

История Волжской Булгарии преподносится в учебниках по истории Татарстана как один из «золотых веков». Волжская Булгария, по мнению

татарских историков, является особой — «Булгарской» — цивилизацией. Например, в Болгаре действует музей Болгарской цивилизации, экспозиции которого в первую очередь посвящены истории Волжской Булгарии. В этом смысле татарские историки следуют моде на цивилизационный подход. Особенно эта мода актуальна для историков и обществоведов в постсоветских странах, в которых после краха коммунистической идеологии в СССР во второй половине 1980-х годов произошел отказ от схем марксистского формационного подхода, в результате чего огромную популярность приобрел цивилизационный подход [Шнирельман 2002]. Несмотря на обращение татарских интеллектуалов к цивилизационному подходу, одновременно сохранялись многие идеи формационного подхода. По мнению У. ван Мейрса, учебные пособия по истории Татарстана методологически мало отличаются от историографического канона советских времен. В основе всех рассмотренных учебников лежит модернизационная парадигма и неререфлексируемая вера в линейный прогресс [van Meurs 2003]. (Это неудивительно, так как практически все крупные татарские интеллектуалы — выпускники советских вузов.) Скрытая вера в линейный прогресс и неререфлексируемый европоцентризм заставляет татарских историков, в том числе авторов учебников, приводить множество доказательств высокого уровня экономического, политического и культурного развития тюрко-татарских государств, в том числе Волжской Булгарии. Так, в одном из учебных пособий по истории Татарстана мы можем прочесть, что «*Булгарское государство славилось как страна городов <...> На булгарской земле стояло более пятидесяти больших и малых городов. Это были центры ремесла, торговли и культуры*» [Хузин, Пискарев 2012: 33, 36] и «*в Волжской Булгарии культура достигла высокого уровня развития. Она развивалась как часть восточной культуры. Болгары создали в Средние века одну из ярких цивилизаций Европы*» [Хузин, Пискарев 2012: 41].

Подобный «цивилизационный» взгляд на историю Волжской Булгарии мы можем обнаружить в интервью с одним из представителей мусульманского духовенства: «*И, естественно, так как это государство было крепким, и с помощью, как говорится, вот этой лиги наш народ превратился в один из таких культурнейших цивилизованных народов на этом... в этом регионе, в этом регионе. Это отмечали многие западные путешественники, они приезжали. Вот, например, был такой путешественник, Рубрук, и когда он увидел, прибыв в наше государство,*

какие у нас города, какая у нас столица, какая у нас культура, он ахнул. И по его записям явно видно, что наши народы здесь на Волге были, намного опережали по многим цивилиз... по многим этим, по цивилизации по многим вопросам европейские государства. И даже мы, если мы можем прочитать про Биляр-город. Биляр-город — это была столица, большие времена нашей столицей был город Биляр. Он сейчас находится, его эти, как бы, под... южнее Алексеевского района, видимо, там он находился, его разрушили татары, именно татары. И вот он про Биляр пишет: когда он посетил, он говорит: “Когда я был в Лондоне, мне на голову могли со второго этажа вылить помой”, — вот такая у них культура была. Ну, человек идет, а не важно, вот. А в Париже, когда, я говорю, был в Париже, говорит, как пройдет дождь — там невозможно было по улицам пройти, ну, грязизица по пояс было, грязь по пояс было. Вот такой был Париж когда-то. Вот, понимаете, это значит, о чем говорю, что там цивилизация, которую они сейчас дошли — она не вечная, понимаете. Вот как раз наши даже опережали. А он когда приехал в Биляр — все дороги мощные, и из стволов деревьев, да, из глиняных труб было сделано <...> Все эти мощные были, был водопровод из стволов деревьев, из глиняных труб, водопровод и канализация» [ВПЭ-7].

Одним из главных достижений в истории Волжской Булгарии с точки зрения татарских элит является принятие ислама в качестве государственной религии в 922 г. «Булгария стала частью исламского мира <...> Принятие ислама Волжской Булгарией имело еще одно важное значение. Булгары могли приближаться к мусульманской культуре, которая в те времена являлась передовой культурой Востока» [Хузин, Пискарев 2012: 38]. Это событие интерпретируется через призму одной из важных идеологем татарской исторической идеологии — исламоцентризма. В рамках этой идеологемы роль ислама в истории Татарстана оценивается исключительно позитивно, в отличие от негативных оценок, которые даются православию, например в форме упоминаний о «насилственной христианизации».

Таким образом, история Волжской Булгарии занимает важное место в исторической идеологии, создаваемой элитами Татарстана. В то же время история Волжской Булгарии используется татарскими элитами не только для целей исторической политики, но и для формирования туристического бренда республики.

МАССОВЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ

В этом разделе проанализируем некоторые результаты, полученные в ходе реализации проекта «Войны памяти» и «конвенции памяти» в постсоветском Татарстане: элитарные версии исторического прошлого и массовые представления» с помощью методов интервью (N=170 информантов) и анкетного опроса жителей Казани (N=1000 респондентов). Поквартирный анкетный опрос был проведен в мае 2014 г. в городе Казани. Количество опрошенных — 1000 человек. В соответствии с распределением русских и татар в генеральной совокупности было опрошено 500 татар и 500 русских. Доля мужчин и женщин в выборке примерно совпадает с долей мужчин и женщин в генеральной совокупности: мужчин — 44,4 %, женщин — 55,6 %. Минимальный возраст респондентов — 18 лет, максимальный — 89 лет. Средний возраст — 41,6 лет (статистическая ошибка среднего — 0,51). Большинство опрошенных (71 %) относятся к категории людей, имеющих доход от 9000 до 29 000 руб.

Интервью мы брали как у экспертов (историков, политических активистов и т.д.), так и у простых жителей Казани. Исходя из цели нашей статьи мы воспользуемся материалами интервью, проведенных с представителями последней группы. Мы не задавали конкретных вопросов ни по истории Волжской Булгарии, ни по другим историческим событиям и эпохам. Интервьюеру необходимо было узнать у информанта его представления о «нашей истории» и ее оценку. Предполагалось, что информант самостоятельно выберет то, что для него является «нашей историей». В этом случае информант сам идентифицировал себя как часть «воображаемого сообщества» (государства, той или иной этнической или социальной группы). Кто-то выбирал в качестве «нашей истории» историю России и (или) СССР, кто-то — историю Татарстана и (или) татарского народа, для кого-то важна была история своего города.

Какое же место занимает история Волжской Булгарии в массовых представлениях жителей Татарстана? Начнем с анализа интервью. Исторические сюжеты, связанные с Историей Волжской Булгарии, достаточно хорошо представлены в интервью с теми информантами, которые определяют свою этническую идентичность как булгары или татары. В интервью с русскими информантами сюжеты, связанные с историей Волжской Булгарии, практически не упоминаются.

Начнем наш анализ с первой группы информантов, которые считают себя булгарами. Стоит отметить, что, по результатам Всероссийской переписи населения 2010 г., в России проживают 1732 булгар, в основном на территории Татарстана и Чувашии. Центральное место в исторической картине булгарских информантов занимает история булгарского народа и Волжской Булгарии. Предками современных татар, по мнению этих информантов, являются булгары, а не татаро-монголы, из-за которых булгарский народ имеет неправильный этноним «татары»: *«Я считаю даже не то, что я считаю, это так и есть, наши предки были булгары. Многие называют, там, у кого ни спросишь, ну кем являлись они? Они говорят татаро-монголы, я вот полностью не согласен с ними, потому что татаро-монголы — это совсем другой народ, который как раз-таки пытался истребить нас, булгар. А они вытесняли нас, с наших земель, ну как бы так <...> Булгары, которые сейчас называются татарами, они как бы остались. Так же, они и обитают здесь, живут все в Татарстане. В прошлом веке просто, название булгары, как бы, просто исчезло, это название. Ну, это государство, на Руси вроде бы это было. Все, как бы, хотели полностью искоренить это название булгары и дали название татары [БТ-1].*

Булгарские информанты склонны идеализировать историю Волжской Булгарии и говорить о ее высоком уровне развития: *«Ну да естественно. Когда булгары существовали. Они были очень богатым народом. То есть все завидовали этому народу, так как, ну, очень большая территория, на которой они обитали, Волжская Булгария, она была богата различными вот, ну памятниками, сейчас уже. На тот момент это были города величайшие, которые воздвигались по таким технологиям, по которым не было вот ни у кого таких технологий. То есть булгары, они очень рано начали, ну вот эту всю технологию принимать к себе» [БТ-1].*

В интервью с татарскими информантами встречаются как нарративы о чисто булгарском происхождении татарского народа, так и нарративы, в которых воспроизводится взгляд татарских элит. Так, нарратив о происхождении татар от волжских булгаров представлен в следующем интервью: *«Я привыкла считать, что мои предки — это волжские булгары, у которых была развита собственная цивилизация, они были очень развиты, была развита легкая промышленность. Мои предки — это Сююмбике, как личность историческая. Это Габдула Тукай, Муса Джалиль, это все, чему нас учили в школе <...> идеи о том, что предки*

татар — кочевые народы, она мне не очень нравится, потому что волжские булгары вели оседлый образ жизни. Кочевые признаки типа, что лошадиное мясо у нас едят, в других областях не так же. Что кумыс, хотя он из Башкирии, да, из Башкирии кочевые черты принесло, башкиры из кочевых народов, хотя они нам родные. Я сама выросла на границе с Башкирией» [ВПМ-3]. Интересно отметить, что в этом интервью информант воспроизводит официальную точку зрения о булгарской цивилизации.

В других интервью информанты говорят о том, что, помимо волжских булгар, на этногенез татарского народа повлияла также Золотая Орда.

Инф.: Так как я по национальности например, татарка, то тоже истоки очень там связаны и с Китаем, и, допустим, с Булгаром, то есть как это все сформировалось, и с Золотой Ордой.

Инт.: Ну а кто получатся предки татар?

Инф.: Ну это то, наверное, все-таки связано с Золотой Ордой еще так, описывается да. Если знать историю Золотой Орды, то оттуда истоки татары вот именно и выходят но вообще вот прям из памяти стало выходить, я знаю что татары это вообще с китайского какого-то там переводится, вот так что истоки татары очень-очень древние происхождение татар и переходило как бы татары переходили в булгары например как бы под этим происхождением, но кто такие татары вопрос был? Кто предки татар, какими они были? Ну если взять вот Золотую Орду, Волжскую Булгарию, то это были какой народ сказать, был языческий потом перешел в ислам., тое есть принял ислам, стал исламским народом и как бы какой же наш народ, какие истоки [ВПМ-8].

Инт.: Кто наши предки?

Инф.: Если о татарах говорим, то территория насколько я знаю она на протяжении веков переходила из влияния одних народностей к другим. Считается, что все-таки, булгары. А потом с приходом татара-монгольского ига, я могу все напутать, но я так примерно все представляю, лет 150–200 эта территория была под монгольским игом. А потом Иван Грозный, здесь уже сильное влияние получается Руси. Соответственно, чем уникальна эта территория — здесь смешение. О булгарах мы мало что знаем, о татара-монголах знаем чуть больше. И уже времена Ивана Грозного.

Инт.: *А предки-то наши для тебя кто? Твои предки?*

Инф.: *Сложный вопрос, потому что сказать совсем татаро-монголы не могу, но что-то татаро-монгольское во мне есть, я это понимаю. Если здесь меня считают женщиной с европейской внешностью, за рубежом что-то азиатское видят, у кого глаз не замылен, они мне об этом говорят. Кто-то, наверное, из болгар, и татаро-монголы, кто-то там пошалил [ВПМ-10].*

В одном из интервью информант, отвечая на вопрос о «наших предках», противопоставляет официальную историю семейной памяти.

Инт.: *Если говорить о предках, кто наши предки?*

Инф.: *Предки татар или вообще?*

Инт.: *Татар.*

Инф.: *Булгары по официальной версии.*

Инт.: *А по твоему мнению? Кто твои предки?*

Инф.: *Мои предки — это моя семья, если так неглубоко копать, дедушки, у меня папа очень любит историю, у него очень много поколений. Я особо не сильно интересуюсь на самом деле, для меня это второстепенный момент, но папа мой любитель, большое древо он собрал. Возможно, у меня возраст еще такой, папе моему уже 60, может быть, и я к этому возрасту созрею [ВПМ-9].*

Большинство информантов-татар имеют определенные знания об истории Волжской Булгарии, которые они, вероятно, почерпнули из учебных пособий по истории Татарстана: «*Наши историки говорят, что булгары в 9-х веках основали здесь небольшие городки, крепости, начали собирать налоги по Волге, развивать свои ремесла. Вот 9-й век говорят, что появились какие-то городки, в том виде на сегодня ничего не осталось, образовалась Казань, более древние города были разрушены монгольским нашествием. Золотая орда развалились, остались ханства, которые были затем завоеваны Московским государством. Первые поселения, насколько нам преподавали — это 9-е века, такие городки в начале 10 века, это были такие серьезные крупные города на пересечении торговых путей — Булгар, Биляр, Сувар*» [ВПМ-4].

Но некоторые информанты демонстрируют полное незнание истории Волжской Булгарии.

Инт.: *Ну, а кто правил на этой территории?*

Инф.: *Ну, я насколько я знаю, булгары вроде бы.*

Инт.: *А, кто такие булгары?*

Инф.: *Вот этого я вообще не знаю [ВПМ-5].*

В интервью также встречаются сюжеты, в которых искажаются общепризнанные исторические факты. Например, один информант говорит о том, что, когда булгары пришли на территорию современного Татарстана, на ней проживало «исконно русское население», а после Казанского ханства было татаро-монгольское иго.

Инт.: Какая территория была территорией наших предков ты примерно сказала — это территория Булгарии. Кто был правителем на этой территории?

Инф.: В период Волжской Булгарии, по-моему, булгары — это определенная народность, которая сюда пришла, это не исконно русское население. Они пришли, стали обустривать, если о Казани говорить. Потом, мне кажется, было Казанское ханство, потом татаро-монгольское иго, потом пришел Иван Грозный, потом в советские времена какая-то автономия и сейчас она, вот так вот, наверное [ВПМ-10].

Далее перейдем к анализу анкетного опроса. Отвечая на вопрос о предках татарского народа, большинство информантов поддерживают господствующую среди татарских элит концепцию происхождения народа. Так, вариант «Волжские булгары и татаро-монголы» выбрали 23,8 % татар и 24,1 % всех респондентов (табл. 1). Версию о происхождении татар исключительно от булгаров выбрали меньшее количество респондентов — 15,4 % (табл. 1).

Таблица 1

Предки татарского народа¹

Как вы считаете, кто является предками татарского народа? (выберете, пожалуйста, один вариант ответа)	Татары N=500	Русские N=500	Всего N=1000
Волжские булгары и татаро-монголы	23,8 %	24,4 %	24,1 %
Татаро-монголы	20,2 %	21,6 %	20,9 %
Древние тюркские племена	18,8 %	18,4 %	18,6 %
Волжские булгары	15,4 %	15,4 %	15,4 %
Кряшены	6,8 %	5,2 %	6,0 %
Шумеры	1,2 %	1,6 %	1,4 %

¹ В этой таблице, как и в следующих, представлены не все варианты ответов, которые присутствовали в анкете. Варианты ответов приводятся не том порядке, в котором они стояли в анкете, а в порядке убывания.

Отвечая на вопрос «Какие эпохи в истории Татарстана наиболее интересны для вас?», 34,3 % казанцев и 40 % казанцев-татар выбрали вариант «Волжская Булгария» (табл. 2). В этом случае можно говорить об успехе «булгаризации» массового исторического сознания со стороны татарских элит.

Таблица 2

Наиболее интересные эпохи в истории Татарстана

Какие эпохи в истории Татарстана наиболее интересны для вас? (не более трех вариантов ответа)	Татары N=500	Русские N=500	Всего N=1000
Волжская Булгария	40 %	28,7 %	34,3 %
Золотая Орда	20,9 %	19,1 %	20 %
Казанское ханство	23,9 %	16,1 %	20 %
Время царствования Екатерины II	14,4 %	15,7 %	15 %
История Казанской губернии в XIX в.	12,2 %	13,4 %	12,8 %
История постсоветского Татарстана	11,0 %	8,7 %	9,8 %
Древние тюркские государства Евразии (государство Хунну, Тюркский каганат)	6,9 %	7,9 %	7,4 %
Революция 1917 г. и Гражданская война 1918–1922 гг.	7,3 %	7,5 %	7,4 %

В ответе на вопрос «С какого момента, на ваш взгляд, начинается история Татарстана?» 17,2 % казанцев и 18,2 % казанцев-татар считают отправной точкой создание Татарской АССР, а 15,7 % казанцев, 16,6 % казанцев-татар считают началом истории появление Волжской Булгарии. Для 5,6 % казанцев, 5,4 % казанцев-татар история Татарстана началась после принятия ислама в 922 г. (табл. 3).

На вопрос «Какой период истории Татарстана, на ваш взгляд, можно назвать золотым веком?» 17,4 % казанцев и 17,2 % казанцев-татар ответили, что считают «золотым веком» в истории Татарстана «настоящее время». Советское время (правление Сталина, Хрущева и Брежнев) выбрали 16,5 % казанцев и 16,2 % казанцев-татар; 14 % казанцев 15,8 % казанцев-татар считают «золотым веком» историю Казанского

Таблица 3

Начало истории Татарстана

С какого момента, на ваш взгляд, начинается история Татарстана? (один вариант ответа)	Татары N=500	Русские N=500	Всего N=1000
Создание Татарской АССР	18,2 %	16,2 %	17,2 %
Появление Волжской Булгарии	16,6 %	14,8 %	15,7 %
Появление Золотой Орды	8,4 %	14,2 %	11,3 %
Присоединение к Московскому государству при Иване Грозном	9,8 %	9,0 %	9,4 %
Создание Болгарского ханства Кубратом в Причерноморье	8,8 %	8,6 %	8,7 %
Принятие ислама в 922 г.	5,4 %	5,8 %	5,6 %
Создание Казанского ханства	5,0 %	4,6 %	4,8 %
Создание Тюркского каганата	4,8 %	3,8 %	4,3 %

ханства, 13,2 % казанцев, 12,6 % казанцев-татар — историю Золотой Орды, и только 5,6 % казанцев, 6,6 % казанцев-татар — историю Волжской Булгарии (табл. 4).

Таблица 4

«Золотой век» в истории Татарстана

Какой период истории Татарстана, на ваш взгляд, можно назвать «золотым веком»? (один вариант ответа)	Татары N=500	Русские N=500	Всего N=1000
Настоящее время	17,2 %	17,6 %	17,4 %
Казанское ханство	15,8 %	12,2 %	14,0 %
Золотая Орда	12,6 %	13,8 %	13,2 %
Тюркский каганат	7,0 %	5,0 %	6,0 %
Волжская Булгария	6,6 %	4,6 %	5,6 %
Государство Хунну	5,0 %	4,8 %	4,9 %

Несмотря на то что многие респонденты испытывают интерес к истории Волжской Булгарии, при ответах на вопросы с эмоциональной оценкой (гордость, стыд, трагичность) большинство опрошенных выбирали, за некоторыми исключениями, события XX в., а история Волжской Булгарии уходила на второй или даже третий план. Так, отвечая на вопрос «Какими событиями в истории Татарстана вы гордитесь больше всего?», 31,2 % казанцев и 28,4 % казанцев-татар выбрали вариант «Победа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», 28,9 % казанцев и 27,7 % казанцев-татар гордятся Универсиадой в Казани 2013 г., принятием ислама в 922 г. — 9,3 % казанцев и 14,5 % казанцев-татар, образованием Волжской Булгарии — 12,4 % казанцев и 12,5 % казанцев-татар (табл. 5).

На вопрос «Какие события вы считаете самыми трагическими и эпохами в истории Татарстана?» 34,2 % казанцев и 32 % казанцев-татар ответили, что самой трагической эпохой в истории Татарстана считают Великую Отечественную войну 1941–1945 гг. Вариант «монгольское завоевание Волжской Булгарии» выбрали 11,5 % казанцев и 13,1 % казанцев-татар (табл. 6).

Таблица 5

События, которые вызывают гордость в истории Татарстана

Какими событиями в истории Татарстана вы гордитесь больше всего? (не более трех вариантов ответа)	Татары N=500	Русские N=500	Всего N=1000
Победа в Великой Отечественной войне	28,7 %	34,3 %	31,5 %
Универсиада в Казани в 2013 г.	27,7 %	31,1 %	28,9 %
Основание Казани	22,2 %	22,8 %	22,5 %
Открытие Казанского университета	18,2 %	21,2 %	19,7 %
Избрание М.Ш. Шаймиева президентом РТ в 1991 г.	16,0 %	11,5 %	13,7 %
Образование Волжской Булгарии	12,5 %	12,3 %	12,4 %
Принятие ислама	14,3 %	4,2 %	9,3 %
Оборона Казани 1552 г.	8,5 %	7,7 %	8,1 %
Провозглашение суверенитета Республики Татарстан в 1990 г.	7,3 %	8,5 %	7,9 %
Образование Казанского ханства	2,6 %	4,8 %	3,7 %

Таблица 6

Трагические страницы истории Татарстана

Какие события и эпохи вы считаете самыми трагическими в истории Татарстана? (не более трех вариантов ответа)	Татары N=500	Русские N=500	Всего N=1000
Великая Отечественная война 1941–1945 гг.	32,3 %	37,1 %	34,7 %
Война в Афганистане	15,1 %	19,0 %	17,0 %
Война в Чечне	13,7 %	16,3 %	15,0 %
Гонения на мусульман в XVI–XVIII вв.	14,9 %	12,2 %	13,6 %
Революция 1917 г. и Гражданская война 1918–1922 гг.	11,1 %	13,3 %	12,2 %
Сталинские репрессии	11,1 %	14,1 %	12,6 %
Падение Казани в 1552 г.	11,7 %	6,1 %	8,9 %
Сворачивание суверенитета Татарстана в 2000-е годы	5 %	4,1 %	4,6 %
Распад СССР	9,5 %	8,2 %	8,8 %
Распад Тюркского каганата	1,8 %	1,2 %	1,5 %

Больше всего «не повезло» историческим деятелям Волжской Булгарии. Так, отвечая на вопрос «Кто из выдающихся личностей, по вашему мнению, сыграл наиболее значимую роль в истории Татарстана?», Алмуша (правителя, при котором ислам стал государственной религией Волжской Булгарии) назвали 3,1 % казанцев и 3,2 % казанцев-татар, халифа аль-Муктадира (именно он отправил своих послов в Волжскую Булгарию для официальной передачи ислама) выбрали только 2,3 % казанцев и 2 % казанцев-татар (табл. 7). Лидирующая тройка исторических деятелей в этом вопросе выглядит следующим образом: 1-е место — Минтимер Шаймиев (52,1 % казанцев и 53,2 % казанцев-татар), 2-е место — поэт Муса Джалиль (26,6 % казанцев и 26,7% казанцев-татар) и 3-е место — поэт Габдулла Тукай (19,1 % казанцев и 19,3 % казанцев-татар) (табл. 7). В то же время 30,3 % казанцев и 25,6 % казанцев-татар просто не знают, кто такой Алмуш, а 31,8 % казанцев и 27,6 % казанцев-татар не знают халифа аль-Муктадира.

Таблица 7

**Выдающиеся личности, сыгравшие наиболее значимую роль
в истории Татарстана**

Кто из выдающихся личностей, по вашему мнению, сыграл наиболее значимую роль в истории Татарстана? (выберете, пожалуйста, не более трех вариантов ответа)	Татары N=500	Русские N=500	Всего N=1000
М.Ш. Шаймиев	53,2 %	51,0 %	52,1 %
Муса Джалиль	26,7 %	26,5 %	26,6 %
Габдулла Тукай	19,3 %	18,8 %	19,1 %
Чингисхан	12,4 %	15,6 %	14,0 %
Сююмбике	15,3 %	9,3 %	12,3 %
Иван Грозный	10,0 %	10,9 %	10,5 %
Алмуш	3,2 %	3,0 %	3,1 %

Таким образом, с одной стороны, для большинства жителей Казани история Волжской Булгарии — самая интересная эпоха в истории Татарстана, что является отчасти результатом «булгаризации» в 2000–2010-е годы, с другой — большинство казанцев, в том числе казанцев-татар, не считают эту эпоху «золотым веком». Также большинство казанцев испытывают достаточно мало эмоциональных переживаний в связи с историей Волжской Булгарии, в отличие от событий XX в. Поэтому исходя из результатов эмпирического исследования можно говорить только о «частичной татаризации» (или «частичной булгаризации» в конкретном кейсе) массового исторического сознания со стороны татарских элит.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключении мы попробуем ответить на следующий вопрос: почему история Волжской Булгарии, несмотря на высокий интерес со стороны жителей Татарстана, вызывает у них достаточно мало эмоциональных переживаний? Первая причина слабых эмоций по отношению к истории Волжской Булгарии, как и других периодов «далекой истории», — их бесполезность в повседневной жизни. Простые люди живут

больше насущным настоящим, чем историческим прошлым. В том случае если историческое прошлое имеет значение для некоторых людей, более значимыми являются события недавнего прошлого. В Татарстане больше востребована и эмоционально окрашена близкая история XX в. (например, события Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.), чем относительно далекая история Волжской Булгарии. Этот факт можно также объяснить тем, что в трансляции истории XX — начала XXI в. задействованы не только институты культурной памяти, но и коммуникативная память, передающаяся в устной форме на протяжении 3–4 поколений [Ассман 2004].

Вторая важная причина состоит в том, что, несмотря на доминирование в Татарстане на элитарном уровне, татарская национальная идеология не выдерживает конкуренции на уровне массовых представлений с исторической идеологией, создаваемой в первую очередь в Москве и Санкт-Петербурге. Например, память о Великой Отечественной войне — ключевой элемент исторической идеологии современной России. Она активно транслируется с помощью системы образования и СМИ в массовое сознание. Татарские элиты не выдерживают конкуренции за умы с федеральными элитами. Особенно сложно стало конкурировать с ними после начала политики сворачивания суверенитета Татарстана начиная с 2000-х годов. В то же время история Волжской Булгарии, которая транслируется элитами в Татарстане, в отличие от истории Золотой Орды, не вступает в принципиальное противоречие с исторической политикой современной России. Также важно отметить, что, история Волжской Булгарии используется татарскими элитами не только для целей исторической политики, но и для формирования туристического бренда республики.

Литература

Андерсон Б. Воображаемые сообщества. М.: Канон-Пресс-Ц, 2001. 288 с.

Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.

Гибатдинов М.М. Преподавание истории татарского народа и Татарстана в общеобразовательной школе: история и современность. Казань: Институт истории АН РТ, 2003. 160 с.

Гилязов И. Из опыта преподавания национальной истории: история татарского народа в Казанском университете — вчера и сегодня // *Ab Imperio*. 2000. № 3–4. С. 359–366.

Гилязов И.А., Пискарев В.И., Хузин Ф.Ш. История Татарстана и татарского народа с древнейших времен до конца XIX века. Казань: Хэтер, 2008. 269 с.

Историческая политика в XXI веке: сб. статей / под ред. А. Миллера и М. Липман. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 648 с.

Исхаков Д.М., Измайлов И.И., Гилязов И.А., Гибатдинов М.М. История татарского народа (с древнейших времен до конца XVII века). Казань: Магариф, 2009. 423 с.

Исхаков С. История народов Поволжья и Урала: проблемы и перспективы «национализации» // Национальные истории в советском и постсоветском государствах / под ред. К. Аймермахера, Г. Бордюгова. М.: Фонд Фридриха Науманна; АИРО-XX, 1999. С. 273–295.

Карбаинов Н.И. Идеологема 1552 года в постсоветском Татарстане: версия элит и массовые представления // Власть и элиты. Т. 5 / отв. ред. А.В. Дука. СПб.: Интерсоцис, 2018. С. 211–237.

Карбаинов Н.И. Образы истории «тюркской цивилизации» в постсоветском Татарстане: элитарные версии и массовые представления // Журнал социологии и социальной антропологии, 2018. Т. 21, № 2. С. 45–74.

Карбаинов Н.И. Образы революционных событий 1917–1920-х гг. в постсоветском Татарстане: версии элит и массовые представления // Петербургская социология сегодня. 2018. Вып. 10. С. 77–98.

Мухарямова Л.М., Андреева А.Р. Институционализация национальной школы в постсоветской России // Этносоциология в Татарстане: опыт полевых исследований. Сб. статей к юбилею Л.М. Дробижевой / под ред. Р.Н. Мусиной, Г.Ф. Габдрахмановой, Г.И. Макаровой, Л.В. Сагитовой. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2013. С. 87–115.

Национальные истории в советском и постсоветском государствах / под ред. К. Аймермахера и Г.М. Бордюгова. М.: Фонд Фридриха Науманна; АИРО-XX, 1999. 432 с.

Национальные истории на постсоветском пространстве — II / под ред. Ф. Бомсдорфа и Г.М. Бордюгова. М.: Фонд Фридриха Науманна; АИРОXX, 2009. 372 с.

Низамова Л.Р. Медиа-продукт и «национальная» идеология: кейсстади Всемирного конгресса татар // Постсоветская культурная трансформация: медиа и этничность в Татарстане / под ред. С.А. Ерофеев, Л.Р. Низамова. Казань: Изд-во КГУ, 2001. С. 166–233.

Овчинников А.В. Кровь и плоть воображаемых сообществ: биологизация этничности в дискурсах национальных историй (по материалам постсоветского Татарстана) // Конфликтотенный потенциал национальных историй: сб. науч. статей / отв. ред. и сост. А.В. Овчинников. Казань: Универсум, 2015. С. 177–198.

Овчинников А.В. Новый подход к изучению феномена современной «национальной историографии» (на примере «истории татарского народа») // Вестник Удмуртского университета. 2010. № 1. С. 79–85.

Репина Л.П. Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки). М.: ГУ ВШЭ, 2003. 44 с.

Сагитова Л.В. Этничность в современном Татарстане. Казань: Татполиграф, 1998. 184 с.

Усманова Д. Создавая национальную историю татар: историографические и интеллектуальные дебаты на рубеже веков // *Ab Imperio*. 2003. № 3. С. 337–360.

Уяма Т. От «булгаризма» через «марризм» к националистическим мифам: дискурсы о татарском, чувашском и башкирском этногенезе. Новая волна в изучении этнополитической истории Волго-Уральского региона. Мацузато К. (ред.). Саппоро: Центр славянских исследований. 2003. С. 16–51.

Фахрутдинов Р.Г. История татарского народа и Татарстана. Древность и средневековье. Казань: Магариф, 2000. 255 с.

Ферро М. Как рассказывают историю детям в разных странах мира. М.: Высшая школа. 1992. 351 с.

Хаким Р.С. Тернистый путь к свободе (Сочинения 1989–2006 гг.). Казань: Татарское книж. изд-во, 2007. 368 с.

Хузин Ф.Ш. и др. История и культура татарского народа (Древний мир и Средние века). Казань: Татарское книж. изд-во, 2011. 207 с.

Хузин Ф.Ш., Пискарев В.И. История Татарстана с древнейших времен до середины XVI века. Казань: Хэтер, 2012. 93 с.

Цвиклински С. 2003 Татаризм vs. Булгаризм: «первый спор» в татарской историографии // *Ab Imperio*. 2003. С. 361–390.

Шнирельман В. Идентичность и образы предков: татары перед выбором // *Вестник Евразии*. 2002. № 4. С. 128–147.

Шнирельман В. От конфессионального к этническому: болгарская идея в национальном самосознании казанских татар в XX веке // *Вестник Евразии*, 1998. № 1–2. С. 131–152.

Шнирельман В.А. Войны памяти. Мифы, идентичность и политика в Закавказье. М.: Академкнига, 2003. 592 с.

Alvarez Veinguer A. (Re)Presenting Identities: National Archipelagos in Kazan // *Nationalities Papers*. 2007. № 35 (3). P. 457–476.

Alvarez Veinguer A., Davis H. Building a Tatar elite. Language and national schooling in Kazan // *Ethnicities*. 2007. Vol. 7, № 2. P. 186–207.

Davis, H., Hammond P., Nizamova L. Media, Language Policy and Cultural Change in Tatarstan: Historic vs. Pragmatic Claims to Nationhood // *Nations and Nationalism*. 2000. Vol. 6, № 2. P. 203–226.

Derrick M. The Tension of Memory: Reclaiming the Kazan Kremlin // *Acta Slavica Iaponica*. 2013. № 33. P. 1–25.

Faller H.M. Nation, Language, Islam: Tatarstan's Sovereignty Movement. Budapest; N.Y.: Central European University Press, 2011. 348 p.

Friedli A. Tatarization of the City: Ethnocultural Youth Identity Management in Kazan, Tatarstan // *Urbanities*. 2012. Vol. 2, № 1. P. 4–17.

Graney K.E. Of Khans and Kremlins: Tatarstan and the Future of EthnoFederalism in Russia. Lanham: Lexington Books, 2009. 226 p.

Kinossian N. Post-Socialist Transition and Remaking the City: Political Construction of Heritage in Tatarstan // *Europe-Asia Studies*. 2012. Vol. 64, № 5. P. 879–901.

Meurs van W. Tatar Textbooks: The Next Matrioshka. *Ab Imperio* // 2003. Vol. 3. P. 407–421.

Rorlich Azode-Ayse History, Collective Memory and Identity: the Tatars of Sovereign Tatarstan // *Communist and Post-Communist Studies*. 1999. Vol. 32, № 4. P. 379–396.

Schamiloglu U. We Are Not Tatars! The Invention Bulgar Identity. In: Károly L., Nagy Kincses É. (ed.). *Néptörténet — Nyelvtörténet. A 70 éves Róna-Tas András köszöntése*. Szeged: 2001. P. 137–153.

Shnirelman V. Who gets the past? Competition for ancestors among nonrussian intellectuals in Russia. Washington D. C.; Baltimore; L.: Woodrow Wilson Center Press, Johns Hopkins University Press, 1996. 98 p.

Zverev A. 'The Patience of a Nation is Measured in Centuries'. National Revival in Tatarstan and Historiography // *Secession, History and the Social Sciences* / eds. B. Coppeters and M. Huysseune. Brussels: VUB Brussels University Press, 2002. P. 69–87.

Источник

Сулейманов Р. В «эпоху Шаймиева» в Татарстане выросло поколение, враждебное к России: мнение // Информационное агентство «Регнум». 20.08.2014. URL: <https://regnum.ru/news/1838520.html> (дата обращения: 25.11.2018).

Список информантов

ВПЭ-1 — Раис Сулейманов, до марта 2014 г. — научный сотрудник Российского института стратегических исследований. В настоящее время — эксперт Института национальной стратегии (Москва) (интервью Н. Карбаинова).

ВПЭ-7 — имам мечети в Татарстане (интервью Г. Юсуповой).

ВППМ-3 — татарка, 22 года, высшее образование (интервью Г. Юсуповой).

ВППМ-4 — татарин, 26 лет, высшее образование (интервью Г. Юсуповой).

ВППМ-5 — татарка, 23 года, высшее образование (интервью К. Озеровой).

ВППМ-8 — татарка, 38 лет, высшее образование (интервью К. Озеровой).

ВППМ-9 — татарка 28 лет, высшее образование (интервью Г. Юсуповой).

ВППМ-10 — татарка 43 года высшее образование (интервью Г. Юсуповой).

БТ-1 — болгар, 20 лет, средне-специальное образование (интервью Р. Митрофанова).

IMAGES OF VOLGA BULGARIA' HISTORY IN POST-SOVIET TATARSTAN: ELITE VERSION AND MASS REPRESENTATIONS

N. Karbainov

Citation: Karbainov N. Obrazy istorii Volzhskoy Bulgarii v postsovetском Tatarstane: versiya elit i massovyye predstavleniya [Images of Volga Bulgaria' history in post-soviet Tatarstan: elite version and mass representations]. *Vlast' i elity* [Power and Elites], 2019, 6 (2): 107–133. (In Russian)

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2019.6.2.4>

Abstract. *The medieval state of Volga Bulgaria occupies an important place in the historical politics of modern Tatarstan. In history is presented in textbooks on history of Tatarstan as the «golden age» and «one of brightest civilizations in Europe». The history of Volga Bulgaria, which is broadcast by the elites in Tatarstan, unlike the history of the Golden Hord, does not contradict the historical politics of modern Russia. At the same time, the history of Volga Bulgaria is used by Tatar elites not only for purposes of historical politics, but also for the formation of the tourist brand of the Tatarstan. For most Kazan residents, the history of Volga Bulgaria on the one hand is the most interesting era in the history of Tatarstan, on the other hand, most Kazan residents do not this era as the «golden age». Also, most Kazan residents experience quite a bit of emotional experience in connection with the history of Volga Bulgaria, in contrast to the events of the 20th century. Therefore, based on results of our empirical research, we can only talk about the «partial Tatarization» (or «partial Bulgarization» in this case) of mass historical consciousness on the part of Tatar elites.*

Keywords: *elite, Tatarstan, national history, mass representations, historical politics, ideology.*

References

- Alvarez Veinguer A., Davis H. Building a Tatar elite. Language and national schooling in Kazan. *Ethnicities*, 2007, 7 (2), pp. 186–207.
- Anderson B. *Voobrazhaemye soobshchestva* [Imagined Community]. Moscow: Kanon-Press-C, 2001. 288 p. (In Russian)
- Assman J. *Kul'turnaya pamyat'. Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokih kul'turah drevnosti* [Cultural Memory. Writing, Remembrance and Political Identity]. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2004. 368 p. (In Russian)
- Davis H., Hammond P., Nizamova L. Media, Language Policy and Cultural Change in Tatarstan: Historic vs. Pragmatic Claims to Nationhood, *Nations and Nationalism*, 2000, 6 (2), pp. 203–226.

Derrick M. The Tension of Memory: Reclaiming the Kazan' Kremlin. *Acta Slavica Iaponica*, 2013, 33, pp. 1–25.

Fakhrutdinov R.G. *Istoriya tatarskogo naroda i Tatarstana. Drevnost' i sredne-vekov'e*. [History of the Tatar people and Tatarstan. Antiquity and the Middle Ages]. Kazan': Magarif, 2000. 255 p. (In Russian)

Faller H.M. *Nation, Language, Islam: Tatarstan's Sovereignty Movement*. Budapest; New York: Central European University Press, 2011. 348 p.

Ferro M. *Kak rasskazyvayut istoriyu detyam v raznyh stranah mira* [How to tell a history to children in different countries of the world]. Moscow: Vysshaya shkola, 1992. 351 p. (In Russian)

Friedli A. Tatarization of the City: Ethnocultural Youth Identity Management in Kazan, Tatarstan, *Urbanities*, 2012, 2 (1), pp. 4–17.

Gibatdinov M.M. *Prepodavanie istorii tatarskogo naroda i Tatarstana v obshche-obrazovatel'noj shkole: istoriya i sovremennost'* [Teaching the history of the Tatar people and Tatarstan in the general education school: history and modernity]. Kazan': Institut istorii AN RT, 2003. 160 p. (In Russian)

Gilyazov I. Iz opyta prepodavaniya nacional'noj istorii: istoriya tatarskogo naroda v Kazanskom universitete — vchera i segodnya [From the experience of teaching national history: the history of the Tatar people at the University of Kazan' — yesterday and today], *Ab Imperio*, 2000, 3–4, pp. 359–366. (In Russian)

Gilyazov I., Piskarev V.I., Khuzin F.Sh. *Istoriya Tatarstana i tatarskogo naroda s drevnejshih vremen do konca XIX veka* [History of Tatarstan and the Tatar people from ancient times to the end of the XIX century]. Kazan': Heter. 2008. 269 p. (In Russian)

Hakim R.S. *Ternistyj put' k svobode (Sochineniya 1989–2006 gg.)* [A thorny path to freedom (Compositions 1989–2006)]. Kazan': Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2007. 368 p. (In Russian)

Huzin F.Sh. et al. *Istoriya i kul'tura tatarskogo naroda (Drevnij mir i Srednie veka)* [History and culture of the Tatar people (Ancient world and the Middle Ages)]. Kazan': Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2011. 207 p. (In Russian)

Huzin F.Sh., Piskarev V.I. *Istoriya Tatarstana s drevnejshih vremen do serediny XVI veka* [History of Tatarstan from ancient times to the middle of the 16th century]. Kazan': Heter, 2012. 93 p. (In Russian)

Iskhakov D.M., Izmailov I.L., Gilyazov I.A., Gibatdinov M.M. *Istoriya tatarskogo naroda (s drevnejshih vremen do konca XVII veka)* [History of the Tatar people (from ancient times to the end of the XVII century)]. Kazan': Magarif Press, 2009. 423 p. (In Russian)

Iskhakov S. *Istoriya narodov Povolzh'ya i Urala: problemy i perspektivy «nacionalizacii»* [History of the peoples of the Volga and the Urals: problems and perspectives of “nationalization”]. In: *Nacional'nye istorii v sovetskom i postsovetskom gosudarstvah* [National histories in Soviet and Post-Soviet States]. Ed. by K. Eimermacher, Bordyugov. Moscow: Fridrih Naumann Foundation, AIRO-XX, 1999, pp. 273–295. (In Russian)

Istoricheskaya politika v XXI veke [Historical politics in the 21st century]. Ed. by A. Miller, M. Lipman. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2012. 648 p. (In Russian)

Karbainov N.I. Ideologema 1552 v postsovetskom Tatarstane: versiya elit i massovyе predstavleniya [Ideology of 1552 in Post-Soviet Tatarstan: Elitist Versions and Mass Representations]. In: *Vlast' i elity* [Power and Elites]. Ed. by A. Duka, vol. 5. St. Petersburg: Intersotsis, 2018, pp. 211–237. (In Russian)

Karbainov N.I. Obrazy istorii “Tyurkskoj civilizacii” v postsovetskom Tatarstane: ehilitarnye versii i massovyе predstavleniya [The History of “Turkish Civilization” in post-Soviet Tatarstan: Elitist Versions and Mass Representations]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 2018, 21 (2), pp. 45–74. (In Russian)

Karbainov N.I. Obrazy revolyucionnyh sobytij 1917–1920-h gg. v postsovetskom Tatarstane: versii elit i massovyе predstavleniya [Images of Revolutionary events of the 1917–1920s. in post-Soviet Tatarstan: Versions of Elites and Mass Representations], *Peterburgskaya sociologiya segodnya* [Petersburg sociology today], 2018, vol. 10, pp. 77–98. (In Russian)

Kinossian N. Post-Socialist Transition and Remaking the City: Political Construction of Heritage in Tatarstan. *Europe-Asia Studies*, 2012, 64 (5), pp. 879–901.

Meurs van W. Tatar Textbooks: The Next Matrioshka. *Ab Imperio*, 2003, vol. 3, pp. 407–421.

Mukharyamova LM, Andreeva A.R. Institucionalizaciya nacional'noj shkoly v postsovetskoj Rossii [Institutionalization of the National School in Post-Soviet Russia]. In: *Etnosociologiya v Tatarstane: opyt polevyh issledovanij. Sbornik statej k yubileyu L.M. Drobizhevoj* [Ethnosociology in Tatarstan: the experience of field research. Collection of articles for the jubilee LM. Drobizheva]. Ed. by R.N. Musina, G.F. Gabdrahmanova, G.I. Makarova, L.V. Sagitova. Kazan': Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT, 2013, pp. 87–115. (In Russian)

Nacional'nye istorii na postsovetskom prostranstve — II [National History in Post-Soviet Space — II]. Ed. by F. Bomsdorf, G. Bordyugov Moscow: Fridrih Naumann Foundation; AIRO-XX, 2009. 432 p. (In Russian)

Nacional'nye istorii v sovetskom i postsovetskom gosudarstvah [National histories in Soviet and Post-Soviet States]. Ed. by K. Eimermacher, G. Bordyugov. Moscow: Fridrih Naumann Foundation; AIRO-XX, 1999. 372 p. (In Russian)

Nizamova L.R. Media-produkt i “nacional'naya” ideologiya: kejs-stadi Vsemirnogo kongressa tatar [Media product and “national” ideology: the casestudy of the World Congress of Tatars]. *Postsovetskaya kul'turnaya transformaciya: media i ehlnichnost' v Tatarstane* [Post-Soviet Cultural Transformation: Media and Ethnicity in Tatarstan]. Ed. by S.A. Yerofeev, L.R. Nizamova. Kazan': KGU Press, 2001, pp. 166–233. (In Russian)

Ovchinnikov A.V. Krov' i plot' voobrazhaemyh soobshchestv: biologizaciya ehlnichnosti v diskursah nacional'nyh istorij (po materialam postsovetskogo

Tatarstana) [The blood and flesh of imaginary communities: the biology of ethnicity in the discourses of national histories (based on the materials of postSoviet Tatarstan)]. *Konfliktogennyj potencial nacional'nyh istorij* [Conflictogenic potential of national histories]. Ed. by A.V. Ovchinnikov. Kazan': Universum, 2015, pp. 177–198. (In Russian)

Ovchinnikov A.V. Novyj podhod k izucheniyu fenomena sovremennoj «nacional'noj istoriografii» (na primere «istorii tatarskogo naroda») [A new approach to the study of the phenomenon of modern “national historiography” (on the example of “the history of the Tatar people”)]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta* [Bulletin of the Udmurt University], 2010, 1, pp. 79–85. (In Russian)

Repina L.P. *Kul'turnaya pamyat' i problemy istoriopisaniya (istoriograficheskie zametki)* [Cultural memory and the problems of historiography (historiographical notes)]. Moscow: GU VSHE, 2003. (In Russian)

Rorlich Azode-Ayse. History, Collective Memory and Identity: the Tatars of Sovereign Tatarstan. *Communist and Post-Communist Studies*, 1999, 32 (4), pp. 379–396.

Sagitova L.V. *Etnichnost' v sovremennom Tatarstane* [Ethnicity in modern Tatarstan]. Kazan': Tatpoligraf, 1998. 184 p. (In Russian)

Schamiloglu U. We Are Not Tatars! The Invention Bulgar Identity. In: *Néptörténet — Nyelvtörténet. A 70 éves Róna-Tas András köszöntése*. Eds. L. Károly, É. Nagy Kincses. Szeged, 2001, pp. 137–153.

Shnirelman V. Identichnost' i obrazy predkov: tatory pered vyborom [Identity and images of ancestors: Tatars before the choice]. *Vestnik Evrazii* [Acta Eurasica], 2002, 4, pp. 128–147. (In Russian)

Shnirelman V. *Who gets the past? Competition for ancestors among nonRussian intellectuals in Russia*. Washington D. C.; Baltimore; London: Woodrow Wilson Center Press and Johns Hopkins University Press, 1996. 98 p.

Shnirelman V.A. *Vojny pamyati. Mify, identichnost' i politika v Zakavkaz'e* [The war of memory. Myths, identity and politics in Transcaucasia]. Moscow: Akademkniga, 2003. 592 p. (In Russian)

Usmanova D. Sozdavaya nacional'nyyu istoriyu tatar: istoriograficheskie i intellektual'nye debaty na rubezhe vekov [Creating the national history of the Tatars: historiographical and intellectual debates at the turn of the century]. *Ab Imperio*, 2003, 3, pp. 337–360. (In Russian)

Uyama T. Ot «bulgarizma» cherez «marrizm» k nacionalisticheskim mifam: diskursy o tatarskom, chuvashskom i bashkirskom ehtnogeneze [From “Bulgarism” through “marrism” to nationalistic myths: discourses about the Tatar, Chuvash and Bashkir ethnogenesis]. In: *Novaya volna v izuchenii ehtnopoliticheskoj istorii Volgo-Ural'skogo regiona* [A new wave in the study of the ethnopolitical history of the Volga-Ural region]. Ed. K. Macuzato. Sapporo: Center for Slavic Studies, 2003, pp. 16–51. (In Russian)

Zverev A. ‘The Patience of a Nation is Measured in Centuries’. National Revival in Tatarstan and Historiography. In: *Secession, History and the Social Sciences*. Ed. by

B. Coppieters, M. Huysseune. Brussels: VUB Brussels University Press, 2002, pp. 69–87.

Zwicklinski S. Tatarizm vs. Bulgarizm: “pervyj spor” v tatarskoj istoriografii [Tatarism vs. Bulgarism: “the first dispute” in Tatar historiography]. *Ab Imperio*, 2003, vol. 3, pp. 361–390. (In Russian)

ВИЗУАЛЬНЫЙ ДИСКУРС ПРЕЗИДЕНТСКИХ ВЫБОРОВ ВО ФРАНЦИИ: ИКОНОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОФИЦИАЛЬНЫХ АФИШ КАНДИДАТОВ

А.Ю. Швая

Цитирование: Швая А.Ю. Визуальный дискурс президентских выборов во Франции: иконографический анализ официальных афиш кандидатов // Власть и элиты. 2019. Т. 6. № 2. С. 134–155.

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2019.6.2.5>

Аннотация. Принимая во внимание тренд увеличения роли визуального в современной культуре, следует также актуализировать визуальный аспект в исследовании политических элит и их репрезентаций. Наиболее ярким является производство таких репрезентаций во время выборов, регулярность которых позволяет проследить закономерности визуальной дискурсивной практики на большом массиве изображений. Обращаясь к строго институционализированному предвыборным афишам кандидатов в президенты Франции, автор вынужден первым делом обосновать возможность рассмотрения этого массива изображений в качестве автономного по отношению к другим системам репрезентаций. Для этого в проведенном исследовании, с одной стороны, утверждается релевантность рассматриваемых предвыборных афиш, а с другой — доказывается, что они являются автономным медиа, обладающим собственной структурой и кодом репрезентации кандидата. Выделив основные характеристики институционализации изображений, автор подобрал наиболее подходящую объяснительную модель — партийно-идеологическую принадлежность кандидатов, в тесной связи с которой был описан код изображения претендента на высшую избираемую должность во Франции. Затем посредством иконографического анализа была выделена группа невошедших репрезентаций, среди которых особенно выделяются те, что нарушают сложившуюся жанровую конфигурацию. Несмотря на это, именно такие дискурсивные практики позволяют выявить, какие стратегии оказываются наиболее действенными в ситуации невозможности включения в сложившуюся модель визуального дискурса. Вместе с тем они конструируют и уплотняют репертуар выразительных средств, который в дальнейшем может быть задействован в репрезентациях других маргинальных кандидатов и вышедших во второй тур лидеров. Таким образом, в ходе исследования удастся выявить структурные характеристики предвыборных афиш как основного канала репрезентации кандидатов. Причем

эти характеристики эксплицируются через определение режимов визуального восприятия баллотирующихся на пост президента, что позволяет более цельно проследить трансформацию кода изображения кандидатов и тем самым понять условия доверия к ним избирателей.

Ключевые слова: *предвыборные афиши, медиа, репрезентации, выборы, кандидат, президент, Франция.*

Расширение визуальных медиа и диверсификация их форм репрезентаций делают политическую коммуникацию более многослойной, но вместе с тем редуцируют выразительные средства дискурса и способствуют менее осознанному восприятию передаваемой информации и усилению перформативного характера последней. Обозревая теоретическую литературу по данной теме, можно заключить, что увеличение культурной значимости визуального и тем самым переход от одного «режимы зрения» (*scopic regime*) ко множеству тесно связаны с эпистемологическим поворотом в социологии к повседневности ([Jay 1988: 10, 20]; см. также: [Jay 2002; Rose 2001]). В дальнейшем с углублением в повседневность и типизацией каждодневной действительности появляется возможность дистанцирования, а потому и драматической имитации собственной идентичности (см.: [Дебор 2011; Гоффман 2000; Butler 1990]). В этом смысле важно учитывать, что выставление себя на показ, по существу, является практикой визуализации, где последняя постепенно приобретает характер автономных медиа, организующих репрезентации в логике своих смысловых структур.

Таким образом, становится очевидным, что практики визуализации должны учитываться или, иначе говоря, не могут быть проигнорированными в исследовании современных политических коммуникаций. Во-вторых, когда мы приступаем к анализу визуальных данных, необходимо выяснить, в логике каких медиа выстраиваются эти практики репрезентации и как они между собой связаны. Наконец, в-третьих, не забывая о том, что практики визуализации являются не только структурируемыми, но и структурирующими, следует рассмотреть те изображения, которые в наибольшей степени выбиваются из устоявшихся правил репрезентации и могут быть интерпретированы как практики драматического построения новых идентичностей.

Наметив предварительные акценты работы с визуальными данными, мне предстоит детально рассмотреть предметное поле исследования — афиши кандидатов в президенты Франции — и составить концептуаль-

ную модель, на основе которой можно будет осуществить анализ изображений. Так, следует отметить, что в ходе предвыборной кампании кандидатами выдвигается только одна официальная афиша, тогда как вторая может быть представлена лишь для второго тура. Однако некоторые кандидаты распространяют в газетах, по телевидению и в социальных сетях не только официальную афишу, но и альтернативные ей варианты (приглашения на встречи, обращения к локальным публикам, плакаты — эти репрезентации сохраняют большую иконическую вариативность). Если посмотреть на массив официальных афиш в целом, то можно заметить (в особенности начиная с выборов 2000 г.), что изображения становятся все более структурированными, а выразительные средства все более унифицированными. Релевантность этих структурных изменений подтверждается еще и тем, что официальные афиши оказываются более тиражируемыми, чем неофициальные, которые умножают свою вариативность. Наконец, мне не удалось обнаружить такой строгой унификации выразительных средств в других медиа по сравнению с предвыборными афишами.

Попытаемся рассмотреть предмет более пристально. Так, само французское слово «*affiche*» (от *atficher* — «клеить объявление») отсылает к значениям увеселительных мероприятий и публичных событий. Однако в наблюдаемом случае мы видим, что употребление этого слова и практики (изображения и наклеивания на стенды в городском пространстве) расширяются от развлекательного к политическому. В нашем языке эквивалент политического значения французских афиш — слово «плакат». Обращаясь к его семантике, можно заключить, что в его значении заложено сочетание фотографии и текста лозунга или призыва. Следует признать, что исследований, посвященных предвыборным афишам довольно мало, особенно учитывая, что во Франции визуальные репрезентации оказываются глубоко включенными в политический дискурс. Это обстоятельство, возможно, осложняет социологическое осмысление предмета, хотя и выделяет его в качестве релевантного.

Кроме того, предвыборные афиши — лишь один из компонентов многослойного визуального электорального дискурса, что побуждает задавать вопрос о том, *претерпевают ли афиши влияние других визуальных медиа и как можно их в этой связи исследовать независимо от этих медиа?* Формирование афиш как автономного медиа следует рассматривать в контексте трансформации и диффузии других медиа, среди которых можно выделить фотографию, рекламную и плакатную

репрезентации. Так, в ранних образцах афиш кандидатов в президенты Пятой республики в качестве основных выразительных средств можно видеть как плакатный рисунок, изображавший лица претендентов на высший государственный пост, так и характерные для рекламы шрифт и другие выразительные средства. Только позднее можно заметить появление и распространение фотографии в качестве доминирующей формы репрезентации. Такую проницаемость границ и симбиотичный характер различных видов медиа Г. Дженкинс называет «трансмедиа». Используя этот термин, американский ученый говорит о конвергенции как характерной черте современной культуры, подразумевающей определенную мобильность стилей, жанров и режимов зрения между различными медиа [Jenkins 2006: 3, 11]. Предвыборные афиши также могут пониматься как медиа, поскольку представляют собой технологию коммуникации, а также «набор практик, вырастающих вокруг этой технологии» [Jenkins 2006: 13]. Примечательно, что конвергенция не исключает существование и сохранение старых медиа, так же как телевидение не исключает радио, кино — театр, а цифровые изображения — приклеенные к стенду афиши. Скорее этот культурный процесс трансформирует их статус и функции [Jenkins 2006: 14].

Подобные интерпретации можно встретить и в более раннем исследовании фотографии коллективом авторов во главе с П. Бурдьё. Так, еще в 1965 г. Люк Болтански, говоря о газетно-журнальных публикациях, указывает, что фотография может в них использоваться, лишь «нарушая правила фотографии и принимая чуждые, противоречащие фотографии законы» [Болтански 2014: 213–215]. Поэтому вследствие трансформации газетно-журнальная фотография уже не является простым отражением реальности, но «должна обладать чем-то еще, которое не содержится в реальности и может зависеть лишь от акта фотографирования» [Болтански 2014: 218]. Если раньше это художественное значение выражал рисунок, то с усилением фокуса внимания на повседневной жизни таким воплощением стал прием фотосъемки. Л. Болтански приводит пример «размытости контуров» как попытки фотографа «схватить» событие в его типологической цельности.

В условиях описанной культурной трансформации наиболее убедительной представляется исследовательская позиция М. Джея. Американский ученый, говоря о «пикториальном повороте», объясняет «шарм визуального» через ротацию господствующих метафор (от «чтения текстов» к «зрительству» и «визуальности»). Эта проекция, в отличие от про-

чих объяснений через смену парадигм, подразумевает одновременное существование нескольких «режимов зрения» (*scopic regimes*), составляющих сложность кажущихся единств. Кроме того, М. Джей отмечает, что для «режимов зрения» границы медиа оказываются проницаемы, о чем говорит и Дженкинс, это, в свою очередь, приводит к рождению таких симбиотических превращенных форм, как «разглядываемые тексты» и «читаемые образы» [Jay 1996: 3]. Такая взаимная трансформация традиционного лингвистического и визуального дает нам основание для рассмотрения афиш кандидатов в президенты Франции как *дискурсивных практик и высказываний*, образующих жанровые формы.

Пытаясь наконец ответить утвердительно на поставленный вопрос о суверенитете предвыборных афиш как медиа и принимая внесенные методологические корректировки о конвергенции как необходимом условии суверенитета современных систем репрезентации, предлагаю дополнительное основание для исследования визуального массива предвыборных афиш без сравнения с другими медиа. Таким основанием мне представляется концепт М. Фуко «поверхность проявления». Для самого французского философа этот концепт имеет значение лишь в связи с дискурсивным событием (высказыванием), а именно его идентификацией. Так, «ни язык, ни значение не могут полностью исчерпать» высказывание, оно «открыто для повторения, реактивации», и в этом смысле «принадлежит не только событиям своей ситуации, но и предшествующим и последующим событиям языка и мышления (истории)» [Фуко 2004: 75]. Учитывая первостепенную эпистемологическую значимость события, в анализе визуального дискурса следует пересмотреть «все эти уже готовые синтезы» и выделить «популяцию рассеянных дискурсивных событий» [Фуко 2004: 63]. Но каким образом мы могли бы идентифицировать такую популяцию? К примеру, в анализе визуального дискурса предвыборных афиш при первом приближении возникают уже готовые объяснительные модели: партийная принадлежность кандидатов, общепринятые идеологические деления, результат на выборах, происхождение кандидатов и пр. Именно деконструкция этих принимаемых за очевидные «синтезы», к которым можно отнести и сами афиши, позволяет проследить их распределение и преломления, обнаруживающие цепочки дискурсивных событий. В этой связи, используя в качестве первоначальной точки опоры такие совокупности, как медийная автономия предвыборных афиш и некоторые из перечисленных объяснительных моделей, мы можем перейти к рассмотре-

нию пространства связанных между собой дискурсивных событий, которые будут выходить за рамки каждого из этих способов описания [Фуко 2004: 71–72]. Как раз о таком пространстве говорил М. Фуко, вводя концепт «поверхности проявления».

Таким образом, предвыборные афиши в качестве предмета исследования рассматриваются в двух проекциях: как автономное медиа, поскольку подразумевают наличие специфической технологии, вокруг которой выстраиваются практики, и вместе с тем как временная точка опоры в исследовании визуального дискурса. Теперь возникает потребность подбора концептуального инструмента для исследования сетей взаимосвязи дискурсивных событий. Наиболее подходящим в этой связи представляется теория «речевых жанров» М. Бахтина. Российский ученый обращает внимание, что если раньше литературные жанры различались по их функциональности или содержанию, то теперь их стоит выделять как отдельные высказывания, имеющие общую языковую природу со всеми прочими высказываниями [Бахтин 1993: 160]. Жанры в этом смысле являются «относительно устойчивыми тематическими, композиционными и стилистическими типами высказываний» [Бахтин 1993: 164]. Исходя из этого Бахтин утверждает, что «каждое высказывание — это лишь звено в сложно организованной цепи других высказываний». Таким образом, «в отборе языковых средств и интонаций мы руководствуемся не предметом собственной речи, а чужими высказываниями» [Бахтин 1993: 170, 195, 198]. Концепция речевых жанров позволяет проследить внутреннюю взаимосвязь высказываний (афиш), в том числе и тех, которые оказываются в местах преломления дискурса.

Эту взаимную ориентацию высказываний друг на друга представитель французской школы анализа дискурса М. Пешё предлагает называть «преконструктом». Тем самым он выводит на передний план конструктивистский характер «типичной концепции адресата», которая оказывается встроенной в каждую дискурсивную практику [Пешё 1999: 239–240]. Эта посылка позволяет совершить заключительный шаг в построении методологии данного исследования. Дискурсивные практики можно также рассматривать как воспроизводящиеся типизации в духе теоретической модели П. Бергера и Т. Лукмана. Вместе с тем предвыборные афиши оказываются попыткой кандидата построить свой образ в жанровую логику системы репрезентаций. В этом смысле предвыборные афиши могут пониматься как практики идентификации.

Последние имеют дуальный характер и представляют собой игру «публичной» и «приватной» идентичностей, где предписанная модель конструируется в тесной взаимосвязи с вероятностной структурой [Бергер, Лукман 1995: 274–275]. Примечательно, что вероятностные построения оказываются более вариативными, мобильными, поскольку принимаются в качестве самого собой разумеющегося, в то время как предписанная идентичность, сильно укорененная в социальной практике, может быть изменена лишь путем ресоциализации [Бергер, Лукман 1995: 254–255]. Фокус на процессе, названном П. Бергером и Т. Лукманом «альтернативой», дает дополнительные возможности для интерпретации афиш, выдвинутых во втором туре, поскольку именно среди них больше всего «нарушений» институционализированных жанровых границ. При этом в этих случаях преломления дискурса новые образы оказываются стилистически родственными более ранним, что демонстрирует замкнутость системы репрезентаций. Наконец, афиши второго тура, взятые в своей совокупности оказываются стилистически и композиционно не подобны друг другу, а следовательно, каждый визуальный артефакт в большей степени обусловлен контекстом актуального электорального цикла и предпочтениями кандидата, нежели жанровыми границами системы репрезентаций.

ИКОНОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРЕДВЫБОРНЫХ АФИШ

Теперь, разобрав основные методологические вопросы, следует приступить к анализу массива визуальных данных. Так, материалы берутся за все президентские выборы, прошедшие во Франции за время Пятой республики. Однако, как можно заключить при первичном анализе, жанровую целостность и стилистическую строгость репрезентации приобретают лишь к выборам 2002 г. В этой связи период с 2002 по 2017 г. будет рассматриваться как наиболее релевантный. Методологическая сложность и специфический характер предмета исследования накладывают определенные ограничения к подбору основного метода. Коль скоро способ анализа визуального дискурса, заимствованный у М. Фуко, имеет преимущественно теоретический характер, то в качестве рабочего инструмента можно использовать иконографический метод. Его автором является Э. Панофски, который в начале прошлого века развенчал универсализм перспективы как «режима зрения», представленного в живописи. Иконографический метод

направлен на сбор и классификацию фактов без учета их генезиса и значение (т.е. без их интерпретации) [Панофский 1999: 48]. Такой анализ становится возможным благодаря тому, что образы приобретают автономию, которая выражается в устойчивости сочетаний. В этом смысле фокус иконографического анализа сконцентрирован на композиционных сопоставлениях [Панофский 1999: 54, 59]. Этим он и актуален для данного исследования, так как позволяет интерпретировать массив предвыборных афиш в логике их собственных структур, имеющих автономную темпоральность от электоральных циклов и прочих политических событий.

Выделяя первичные композиционные сочетания и их закономерности в массиве визуальных артефактов, можно проследить отчетливую тенденцию институционализации предвыборных афиш. При этом она имеет несколько проявлений. Во-первых, происходит распространение бюстового формата (не ниже груди, исключая руки) изображения кандидатов, когда голова человека оказывается в центра афиши. Такой способ репрезентации медленно вытесняют альтернативы: изображения «по пояс» (начиная с Ф. Миттерана в 1988 г., Н. Мамэра и Л. Жоспена в 2002 г., Ж.-М. Ле Пэна и Ж. Бовэ в 2007 г. и заканчивая Ж. Шеминадом в 2017 г.), «с руками перед грудью» (Ж. Ширака в 2002 г., Ж.-М. Ле Пэна, Ф. Байру и Ж. Бовэ в 2007 г., Е. Жоли в 2012 г.). Во-вторых, в ходе институционализации на предвыборной афише уменьшается количество текста до одного лозунга и имени кандидата в верхней или нижней части. Так, если в 2002 г. официальных афиш с миниатюрным изображением кандидатов и преобладанием текста можно выделить три, то к 2017 г. остается лишь одна афиша Н. Арто с большим объемом текста, но со значительно большей фотографией, чем в ранних изображениях. Еще одним любопытным свидетельством институционализации репрезентаций является уменьшение вариативности использования шрифта в афишах. Например, в 2002 г. можно было встретить экзотический шрифт на изображении А. Маделена, отсылающий то к рекламному, то к кинематографическому контексту того времени, а в 2007 г. еще более оригинальным был текст на афише О. Безансно. Уже к 2012 г. шрифт становится универсальным, с допустимыми изменениями цвета, лишь в 2017 г. немного нарушает каноническое¹ изо-

¹ Здесь и далее под «каноном» будут пониматься наиболее устойчивые жанровые конфигурации (и их композиционные характеристики) изображения

бражение лозунг на афише Ж. Шеминада. В-третьих, к 2012 и особенно к 2017 г. складывается доминирующий вид фона изображения кандидата — голубой или светло-серый. Это поле, однако, остается достаточно вариативным, что подтверждается стабильным присутствием красного фона на афишах двух-трех кандидатов в каждом электоральном цикле. В этой связи можно сказать, что динамика заднего фона кандидатов запаздывает в институционализации по сравнению с изменениями первых двух параметров (положение фигуры и наличие текста) изображения.

В-четвертых, в общем массиве предвыборных афиш можно выделить несколько устойчивых типов репрезентации кандидата, которые вслед за М. Джем я буду называть «режимами зрения». Одним из них является изображение анфас, когда кандидат смотрит на зрителя. Этот режим я назову «взаимодействием», так как избиратель будто бы оказывается в поле внимания кандидата. Вторым «режимом зрения» можно обозначить изображение человека, смотрящего в сторону или находящегося среди других людей, зданий. Такой тип может считываться как погруженность кандидата в социальную жизнь и направление других, что уместно озаглавить «наблюдением» или «следованием» за ним. Наконец, третий режим проявляется в обилии текста с небольшой фотографией кандидата, уже описанный выше. Эти афиши похожи на газетные статьи или объявления, следовательно, такой режим можно назвать «просматриванием или прочтением». Выделение фреймов визуального восприятия представителей элиты или относящихся к ней социальных групп можно встретить и в отечественной социологической литературе (см.: [Орех 2015]). В данном случае «режимы зрения» охватывают весь массив визуальных данных и позволяют нам еще более отчетливо обозначить процесс институционализации изображений кандидатов.

ПОДБОР ОБЪЯСНИТЕЛЬНОЙ МОДЕЛИ

Примечательно, что получившие распространение характеристики (анфас, малое количество текста, синий фон, режим «взаимодействия») были присущи правым и правоцентристским кандидатам еще начиная с выборов 1974 г. Кроме того, те афиши, которые вплоть до последних

кандидата, складывающиеся в ходе институционализации репрезентативной системы.

выборов оказываются противоположны описанной тенденции, в основном принадлежат кандидатам от леворадикальных политических сил или партии зеленых. Эти два факта, как и то, что кандидатом в президенты всегда становится выдвиженец определенных политических сил (партий), дают основания использовать партийно-идеологическую принадлежность кандидатов в качестве объяснительной модели, «временной точки опоры».

Как можно видеть на общих подборках предвыборных афиш 2007, 2012 и 2017 гг., а также на нескольких изображениях 2002 г. (см.: [Panel électoral français 2002; Élection présidentielle de 2007; Laurent 2012a; Présidentielle 2017]) в рамках уже описанных выразительных средств, идущих в авангарде институционализации, происходит трансформация фона от голубого к темно-синему. Более того, иконографический анализ позволяет выявить редукцию этой символической характеристики у правых сил от цвета фона к цвету пиджака или галстука кандидата, что становится распространенным в афишах 2017 г. Это изменение сообщает одновременно как более глубокую структурированность правых и правоцентристских сил, так и расширение вариативных возможностей для фона изображения. Так, задний план афиши Э. Макрона, как и изображения Ф. Фийона, становится сопоставим по цвету с изображением социал-демократа и антиглобалиста Ж. Шеминада, а также представителя левых и зеленых сил Б. Амона. Можно сделать вывод, что институционализация проявляет себя не только как уточнение жанровых границ, но и как появление новых, более вместительных жанров. В этом смысле любопытно появление зеленых фрагментов (холмов, леса и пр.) на голубом или светлом фоне у правых и правоцентристских кандидатов. Так, в 2007 г. конкуренция с тремя представителями зеленых сил оставляет свой отпечаток и на изображениях правых кандидатов (Н. Саркази, Ф. Байру). Это преобразование не получает широкого распространения в 2012 г., однако становится общим местом для всех представителей правых и правоцентристских сил в 2017 г. Таким образом, можно отметить, что именно фон оказывается у этих кандидатов наиболее вариативным и вместе с тем индикативным параметром композиции.

Также партийно-идеологическая логика подходит для объяснения ярко-красных афиш с большим количеством текста и небольшой по размеру фотографии кандидата. Во всех случаях это представители левых, в основном леворадикальных (троцкистских) сил. Так, их афиши лишь

частично следуют трендам институционализации: в 2007 г. О. Безансно радикально меняет традиционный цвет на желтый, уменьшает количество текста до одного лозунга и своего имени, а также использует совершенно нехарактерный шрифт. В этом же году М.-Ж. Бюффе также увеличивает свою фотографию и убирает текст, не пренебрегая красным фоном. Несмотря на это, уже в 2012 г. происходит откат назад, Ф. Путу и Н. Арто вновь выводят статейный текст на красном фоне афиши, сохраняя при этом увеличенное фото. Так, в силу своей композиционной автономии репрезентации леворадикальных кандидатов оказываются более вариативны, чем все остальные официальные афиши. Например, в 2002 г. кандидаты вместо использованного ранее красного фона ввели черно-белый газетный стиль, а в 2007 г. О. Безансно осуществляет уже описанные изменения в своей афише.

Иначе встраиваются в описанную нами структуру представители зеленых сил. Н. Мамэр в 2002 г. и Д. Войне в 2007 г. представляют афиши с собственными изображениями на бело-зеленом фоне. Такие репрезентации постепенно вымещаются афишами Ж. Бовэ в 2007 г. и Е. Жоли в 2012 г., в которых зеленый цвет полностью редуцируется от фона к таким деталям, как, например, очки Е. Жоли (см.: [Laurent 2012b]). Городской либо кабинетный задний план заменяет белый цвет. В этом смысле можно заключить, что зеленые в практиках визуальной репрезентации оказываются более близкими и консолидированными с правыми и правоцентристскими силами, чем леворадикальные кандидаты.

Рассмотрев три основных структурирующих направления, следует подтвердить релевантность партийно-идеологической объяснительной модели. Особенно ярко она прослеживается в случае Ф. Байру, который в 2012 г. перешел от голубого фона к серому, а от положения анфас к повороту головы влево. Это изменение может быть связано с включением в демократическую партию умеренных социалистов. Однако более значимым представляется тот факт, что поза и цвет афиши Ф. Байру в 2012 г. полностью воспроизводится в репрезентации Ж. Лассала в 2017 г., который был выдвинут той же демократической партией.

ДЕКОНСТРУКЦИЯ ОБЪЯСНИТЕЛЬНОЙ МОДЕЛИ

Несмотря на все это кажущееся однозначным соответствие структур визуальных репрезентаций и партийно-идеологической принадлежности кандидатов, мне удалось обнаружить ряд примеров, выходящих

за рамки этой объяснительной модели. Следуя логике деконструкции М. Фуко, я попробую проследить, каким образом распределяется этот «готовый синтез». Наиболее интересной здесь оказывается трансформация репрезентаций кандидатов от партии социалистов. Как можно видеть на представленных ниже фото, первоначально, в 2002 г. Л. Жоспен изображен идущим в черном костюме на красном фоне, уже в 2007 г. С. Руаяль представляет афишу с черно-белым фото своего лица и красными надписями («Le changement» и собственное имя). В 2012 г. Ф. Олланд изображен в черном костюме на синем фоне с фрагментом зеленых холмов, т.е. в каноне правых и праворадикальных кандидатов. Наконец, в 2017 г. кандидат от партии социалистов и некоторых зеленых сил Б. Амон изображен в синем костюме на белом фоне с зелеными и красными надписями. Такая вариативность репрезентаций свидетельствует о невписанности ни в один из трех указанных ранее канонов.

Вторым ярким примером «рассеивания» партийно-идеологической объяснительной модели можно назвать афиши Ж.-Л. Меланшона в 2012 и 2017 гг. Так, если на первой его бюст изображен крупным планом на красном фоне и с красным галстуком, то на второй афише он представлен на сером фоне в очках с почти незаметным красным символом внизу, возле имени. Несмотря на эти различия, в обоих электоральных кампаниях Ж.-Л. Меланшон представлял фронт левых сил.

К этим двум примерам имеет смысл добавить еще два: М. Ле Пен и Ж. Шеминад. При этом второй кандидат — один из наиболее продолжительных маргиналов в сложившейся структуре визуальных репрезентаций, однако, игнорируя некоторые несоответствия, его афишу 2012 г. можно сопоставить с кандидатом от зеленых в 2007 г., а изображение 2017 г. с образом Б. Амона. Но эти сравнения не имеют достаточных оснований, чтобы быть принятыми к анализу. Идеологическая многосоставность (социал-демократизм, голлизм, антиглобализм и пр.) его политической силы также не дает возможностей закрепить его в выделенной структуре. Другой, более яркий пример — М. Ле Пен. Как и у Ж.-Л. Ле Пена, ее репрезентации довольно вариативны. Несмотря на то что Марин представила две близкие по жанру афиши (в 2012 и 2017 гг.), на которых кандидат была изображена в черном платье и на сером фоне, они не попали ни в один из определенных нами ранее канонов. Удивительно, что праворадикальный кандидат оказывается без какой-либо привязки к синему цвету, хотя по остальным параметрам композиции остается близким к правым и правоцентристским репрезентациям.

Создав пул из четырех политических сил, не вписанных в структуру основной объяснительной модели, можно пополнить его еще двумя репрезентациями. Афиши Ф. Байру и Ж. Лассалья, которые были приведены в качестве подтверждающих релевантность партийной принадлежности кандидатов, в логике иконографического анализа все же остаются маргинальными по отношению ко внутренней структуре системы визуальных репрезентаций. Все выделенные афиши выступают некоторым неопределенным множеством, которое до известной степени не является конфликтным и не требует внутренней дифференциации, так как репрезентации имеют различные релевантные области. Перечисленные изображения в силу своей частичной невстроенности оказываются расположенными к существенным нарушениям жанровых границ. Наиболее яркими из них являются афиши первого и второго туров С. Руаяль и репрезентация второго тура М. Ле Пен.

Как уже было предложено в методологической части, некоторые афиши, особенно относящиеся ко второму туру, можно рассматривать как практики идентификации, приводящие в некоторых случаях к альтернации, как это описано в теории П. Бергера и Т. Лукмана. Таким образом, отсутствие жесткой структурированности афиш партии социалистов и, в частности, репрезентаций С. Руаяль может быть достаточно убедительным фактором для большей чувствительности к вероятностным конструкциям и их реализации. Так, в качестве официальной афиши первого тура кандидат в президенты представила изображение, которое уже было здесь рассмотрено ранее. Несмотря на черно-белое фото, которое можно связать с ранними афишами левых коммунистов, эта репрезентация была прочитана в контексте более узнаваемого жанра дадаистского плакатного искусства как работа Б. Крюгер «Your body is a battleground».

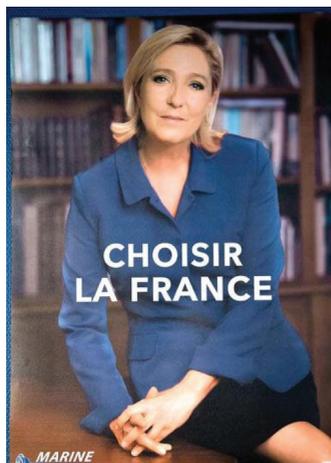

Это нарушение замкнутости системы репрезентации противоположно тому, что было осуществлено Н. Саркози, который от довольно каноничной афиши первого тура перешел к изображению себя в белой рубашке на зеленом фоне. Такое изображение кандидата в президенты не ново, оно выдает легко узнаваемое сходство с предвыборной афишей Ж. Ширака в 1995 г. Здесь стоит отметить, что отсылка к выборам 1988 и 1995 гг. и к тому, как репрезентировался Ф. Миттеран в первой, а Ж. Ширак в обеих избирательных кампаниях, является наиболее распространенной в символических построениях кандидатов. Так, уже в 2012 г. Н. Саркози в ходе конкуренции с Ф. Олландом представил афишу, на которой его лицо было повернуто вправо на фоне моря. Морской сюжет встречается на заднем плане двух афиш Ф. Миттерана в 1988 г., так же как и схожее положение головы. В этой связи, несмотря на то что предвыборная кампания С. Руаяль была ориентирована на сопоставление женщины-президента с Францией, ассоциирующей с женским полом и мифологическими героинями, а также развивала феминистическую тему, афиши не были выполнены в рамках устоявшихся жанров системы репрезентации, а потому и не могли работать как медиа: быть прочтенными на своем языке.

Похожие сложности возникли и в ходе представления себя другой женщиной-кандидатом в президенты Франции — М. Ле Пен. В отличие от Э. Макрона, изобразившего себя в уже сложившемся жанре представителя правоцентристских сил, его соперница ко второму туру выборов предложила репрезентацию, нарушившую, пожалуй, все параметры композиции. Во-первых, на фото она расположена не анфас, а почти в полный рост, во-вторых, задний план заполняют книги, что

не имеет сходства ни с одной репрезентацией из всего массива официальных афиш. В этом смысле можно говорить об альтернативе, поскольку М. Ле Пен встраивает себя в другой уже устоявшийся жанр репрезентации. Примечательно, что в рамках этого жанра изображаются не кандидаты, но уже избранные президенты Франции.

Как можно заметить, в этой афише второго тура М. Ле Пен синий цвет пиджака является основной связкой с жанром правых и правоцентристских кандидатов. Однако минимальное количество текста, сведенное к одной фразе «Choisir la France» и почти незаметной подписи «Marine», скорее роднит изображение с жанром президентских фото, относящемуся к совершенно другим медиа по сравнению с афишами как автономной системой репрезентации. Таким образом, можно заключить, что, с одной стороны, в уже сложившуюся конфигурацию жанров привносятся президентские репрезентации, которые подразумевают превалирующую роль фотографии кандидата, изображение по пояс или в полный рост, а также наличие кабинетного антуража. С другой — добавляются плакатно-журнальные репрезентации, где различные формы текста и его выделения доминируют над фотографией кандидата, делая ее черно-белой и уводя на второй план.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Выделение значимых характеристик процесса институционализации предвыборных афиш позволило определить устойчивые жанровые

границы изображения правых и правоцентристских кандидатов, а также представителей леворадикальных и зеленых политических сил. Более того, было продемонстрировано, что общие характеристики композиции афиш правых в ходе институционализации репрезентативной системы и уплотнения репертуара выразительных средств распространяются на все прочие изображения кандидатов. Данная тенденция, как и выявленная конфигурация репрезентаций партийно-идеологических сил, демонстрирует замкнутость жанровых возможностей представления себя кандидатом в ходе электоральной кампании. Однако они не могут быть рассмотрены в качестве отражающих конфигурацию политической элиты в целом. Единственное, что можно назвать общим местом, — это преобладающая роль партийной идентичности кандидатов перед другими формами (особенно индивидуальными). В этом смысле, для того чтобы утверждать, что закономерности массива афиш кандидатов в президенты Франции репрезентируют структуру политических сил, которая собирается в каждом электоральном цикле, имеет смысл продолжить исследование в следующем направлении. Речь идет о том, чтобы, следуя устойчивой логике партийно-идеологической принадлежности кандидатов, изучить структуру репрезентаций кандидатов в Национальное собрание Франции и выявить, насколько она соотносится с выделенными здесь закономерностями.

Проследив, как распределились афиши в партийно-идеологической логике, мы выделили группу неписанных репрезентаций. Среди них были рассмотрены афиши С. Руаяль и М. Ле Пен, которые наиболее радикально нарушили жанровые границы системы репрезентаций, но вместе с тем расширили репертуар дискурсивных средств и обозначили актуальные для функционирования данного медиа связи (фотография и дадаистский плакат). Тот факт, что никто из других кандидатов в обозначенной маргинальной группе не оказывается в ситуации подобного дефицита легитимационных средств, позволяет сделать два вывода. Во-первых, помимо принадлежности к слабо структурированной группе репрезентаций указанные афиши представлены единственными женщинами-кандидатами, вышедшими во второй тур выборов, что усиливает их маргинальное положение. В таком случае можно говорить о поиске новых жанровых форм для изображения женщины-президента. Эту закономерность делает еще более отчетливой изображение Ф. Олланда, на котором также вышедший во второй тур

кандидат (от партии социалистов, как и С. Руаяль) представляет себя в устоявшемся жанре правых сил. Во-вторых, и на этом стоит особенно акцентировать внимание, в качестве результата исследования были обозначены различные зоны доступа к легитимационным ресурсам. Так, С. Руаяль и М. Ле Пен обладают минимальными возможностями для легитимации посредством самого медиа, в то время как Ж. Шеминад, Ж.-Л. Меланшон, Б. Амон, Ф. Байру и Ж. Лассаль имеют уже больше шансов для успешной репрезентации, и, конечно, вписанные в основную конфигурацию жанров репрезентации. В этом смысле для дальнейшего исследования визуального дискурса можно рассмотреть закономерности динамики композиционных характеристик между афишами первого и второго туров с добавлением изображений из будущего электорального цикла.

Наконец, морфология предвыборных афиш как системы репрезентации дает возможность составить представление не только о партийно-идеологической конфигурации политической элиты в электоральном процессе и о динамике репрезентаций первого и второго туров, но и даже в большей степени о работе и усилении роли самого медиа, транслирующего коллективные представления о кандидатах в президенты Франции. Именно в этом смысле на данном этапе можно выделить следующую закономерность в динамике «режимов зрения», обозначающих пространство визуальной политической коммуникации. Так, несмотря на то что режим «взаимодействия» с кандидатом становится наиболее распространенным, мы видим, что в случае Ле Пен его основные композиционные параметры обогащаются столом и книгами, среди которых находится кандидат («за работой»), создавая тем самым новый симбиоз между режимами «взаимодействия» и «наблюдения». В то же время режим «просматривания», впитывающий в себя ключевой элемент взаимодействия — фотографию кандидата анфас — становится более перформативным, похожим скорее на обложку журнала, чем на газетную статью, примеры которой можно было встретить раньше в изображениях левых радикалов. Именно эти идентификации с переднего края медиа оказывают структурирующее воздействие на устоявшиеся жанровые конфигурации и намечают возможные траектории трансформации коллективных представлений о правых и правоцентристских, леворадикальных и кандидатов от зелёных.

Литература

Бахтин М. Проблема речевых жанров // Бахтин М. Собрание сочинений. М.: Русские словари, 1993. Т. 5. Работы 1940–1960 гг. С. 159–206.

Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 336 с.

Болтански Л. Объективность напоказ // Бурдые П., Болтански Л., Кагель Р., Шамборедон Ж.-К. Общедоступное искусство: опыт о социальном использовании фотографии. М.: Практикс, 2014. С. 212–224.

Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни / пер. с англ. и вступ. ст. А. Д. Ковалева. М.: КАНОН-пресс-Ц; Кучково поле, 2000. 304 с.

Дебор Г. Общество спектакля / пер. с фр. А. Уриновского. М.: Опустошитель, 2011. 180 с.

Орех Е.А. «Маленькие взрослые»: изучение фотообразов детей современной российской элиты // Журнал социологии и социальной антропологии. 2015. Т. 18, № 4. С. 53–64.

Панофский Э. Иконография и иконология: введение в изучение искусства Ренессанса // Панофский Э. Смысл и толкование изобразительного искусства / пер. с англ. В.В. Симонова. СПб.: Академический проект, 1999. С. 41–74.

Пеше М. Прописные истины. Лингвистика, семантика, философия // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса: пер. с фр. и португ. М.: Прогресс, 1999. С. 225–290.

Фуко М. Археология знания / пер. с фр. М. Б. Раковой, А. Ю. Серебрянниковой; вступ. ст. А. С. Колесникова. СПб.: Гуманитарная Академия; Университетская книга, 2004. 417 с.

Butler J. Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity. N.Y., L.: Routledge, 1990. 272 p.

Jay M. Scopic Regimes of Modernity // Vision and Visuality / ed. by H. Foster. Seattle: Bay Press, 1988. P. 3–28.

Jay M. Vision in Context: Reflections and Refractions // Vision in Context: Historical and Contemporary Perspectives on Sight / ed. by T. Brennan, M. Jay. L.; N.Y.: Routledge, 1996. P. 1–14.

Jenkins H. Convergence Culture: Where old and new media collide. N.Y.: New York University Press, 2006. 336 p.

Rose G. Visual Methodologies: An Introduction to the interpretation of visual materials. L.: Sage, 2001. 229 p.

Источники

Élection présidentielle de 2007 // Wiki Dissidence. URL: https://dissidence.wikia.org/fr/wiki/%C3%89lection_pr%C3%A9sidentielle_de_2007?file=Affiches_de_1%27%C3%A9lection_pr%C3%A9sidentielle_de_2007.jpg (дата обращения: 12.11.2019).

Laurent J. de Eva Joly change de montures pour la présidentielle // Libération. 06.04.2012. URL: https://www.liberation.fr/france/2012/04/06/eva-joly-change-de-montures-pour-la-presidentielle_806155 (дата обращения: 12.11.2019).

Laurent J. de Les affiches des candidats déchiffrées // Libération. 14.04.2012. URL: https://www.liberation.fr/france/2012/04/14/les-affiches-des-candidats-dechiffrees_811536 (дата обращения: 12.11.2019).

Panel électoral français 2002 Vague 1 // Website «Centre de Données socio-politiques SciencesPo». 2002. URL: https://cdsp.sciences-po.fr/media/MAR/ressources/original/r_pef2002_ressource_page_crop_0_0_362_472.png (дата обращения: 12.11.2019).

Présidentielle. Les nouvelles affiches des candidats sont arrivées // Quest France. 10.04.2017. URL: <https://www.ouest-france.fr/europe/france/presidentielle-les-nouvelles-affiches-des-candidats-sont-arrivees-4914008> (дата обращения: 12.11.2019).

VISUAL DISCOURSE OF PRESIDENT ELECTIONS IN FRANCE: ICONOGRAPHIC ANALYSIS OF OFFICIAL CANDIDATE POSTERS

A. Shvaya

Citation: Shvaya A. Vizual'nyy diskurs prezidentskikh vyborov vo Frantsii: ikonograficheskiy analiz ofitsial'nykh afish kandidatov [Visual discourse of president elections in France: iconographic analysis of official candidate posters]. *Vlast' i elity* [Power and Elites], 2019, 6 (2): 134–155. (In Russian)

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2019.6.2.5>

Abstract. *Given the trend of increasing the role of visual in contemporary culture, it should be actualize in studies of political elites and their representations. The most significant field here is production of such representations during the elections. The regularity of these events allows us to trace the patterns of visual discursive practice on a large array of images. Working with highly institutionalized campaign posters (affiches) of French presidential candidates, we need to justify the admissibility of considering these images as independent of other systems of representation. For this purpose in this study on the one hand, the relevance of the posters is affirmed, and on the other, it is proved that they are autonomous media with their own structure and code for representing the candidate. When the main characteristics of image institutionalization was identified, the most*

appropriate explanatory model was chosen. It was party and ideological affiliation of candidates, which allowed describing the image code of the applicant for the highest elected position in France. Through iconographic analysis, a group of marginal representations was identified, among which those that violate the existing genre configuration were especially distinguished. Despite this, it is precisely such discursive practices that make it possible to identify what strategies are most effective in situations where it is impossible to include visual discourse in the current model. At the same time, they construct and consolidate a repertoire of expressive means, which in the future may be involved in the representations of other marginal candidates and leaders in the second round. Thus, during the study, it is possible to identify the structural characteristics of pre-election posters as the main channel for the representation of candidates. Moreover, these characteristics are explicated through the determination of the regimes of visual perception of those running for the presidency, which makes it possible to more closely trace the transformation of the image code of candidates and thereby understand the conditions of voters' trust in them.

Keywords: pre-election posters, media, representations, election, candidate, president, France.

References

- Bahtin M. Problema rechevykh zhanrov [The problem of speech genres]. In: Bahtin M. *Sobranie sochinenij* [Collected works], vol. 5. Works 1940–1960 y. Moscow: Russkie slovari, 1993. P. 159–206. (In Russian)
- Berger P., Luckmann T. *Social'noe konstruirovanie real'nosti. Traktat po sociologii znaniya*. [Social construction of reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge]. Moscow: Medium, 1995. 336 p. (In Russian)
- Boltanski L. Ob»ektivnost' napokaz [The objectivity for show]. In: Bourdieu P., Boltanski L., Castel R., Shamboredon J.-K. *Obshhedostupnoe iskusstvo: opyt o social'nom ispol'zovanii fotografii* [Photography: A Middle-brow Art]. Moscow: Praksis, 2014. 212–224 p. (In Russian)
- Butler J. *Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity*. New York; London: Routledge, 1990. 272 p.
- Debor G. *Obshchestvo spektaklya* [The Society of the Spectacle]. Transl. by A. Urinovskii. Moscow: Opustoshitel', 2011. 180 p. (In Russian)
- Foucault M. *Arkheologija znaniya* [Archeology of knowledge]. Transl. by M.B. Rakova, A.Yu. Serebryannikaja. St. Petersburg: Gumanitarnaja Akademija; Universitetskaja kniga, 2004. 417 p. (In Russian)
- Goffman E. *Predstavlenie sebja drugim v povsednevnoj zhizni* [The Presentation of Self in Everyday Life]. Transl. by A. Kovalev. Moscow: KANON-press-TS; Kuchkovo pole, 2000. 304 p. (In Russian)
- Jay M. Scopic Regimes of Modernity. In: *Vision and Visuality*. Ed. by Foster H. Seattle: Bay Press, 1988. P. 3–28.

Jay M. Vision in Context: Reflections and Refractions. In: *Vision in Context: Historical and Contemporary Perspectives on Sight*. Ed. by Brennan T., Jay M. London; New York: Routledge, 1996. P. 1–14.

Jenkins H. *Convergence Culture: Where old and new media collide*. New York: New York University Press, 2006. 336 p.

Orekh E. A. «Malen'kie vzroslye»: izuchenie fotoobrazov detej sovremennoj rossijskoj ehliny ["Small adults": study of photographic images of children of contemporary Russian elite]. *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii* [Journal of sociology and social anthropology], 2015, 18 (4), pp. 53–64. (In Russian)

Panofsky E. Ikonografija i Ikonologija: vvedenie v izuchenie iskusstva Renessansa [Iconography and Iconology: introduction to study of art of Renaissance]. In: Panofsky E. *Smysl i tolkovanie izobrazitel'nogo iskusstva* [Meaning in the Visual Arts]. Transl. by V.V. Simonova. St. Petersburg: Akademicheskij proekt, 1999. P. 41–74. (In Russian)

Pêcheux M. Propisnye istiny. Lingvistika, semantika, filosofija [The Common truths. Linguistics, Semantics, Philosophy]. In: *Kvadratura smysla: Francuzskaya shkola analiza diskursa* [Quadrature of meaning: French school of discourse analysis]. Moscow: Progress, 1999. P. 225–290. (In Russian)

Rose G. *Visual Methodologies: An Introduction to the interpretation of visual materials*. London: Sage, 2001. 229 p.

ПРОБЛЕМЫ МОРАЛИ И НРАВСТВЕННОСТИ В ПОЛИТИКЕ

СПРАВЕДЛИВОСТЬ ОТ ГОСУДАРСТВА: ОЖИДАНИЯ И РЕАЛЬНОСТЬ

В.Л. Римский

Цитирование: Римский В.Л. Справедливость от государства: ожидания и реальность // Власть и элиты. 2019. Т. 6. № 2. С. 156–175.

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2019.6.2.6>

Аннотация. *Представлены методика и некоторые значимые результаты эмпирического социологического исследования справедливости в российском обществе и государстве, которое осуществлялось в 2019 г. Результаты в первую очередь относятся к пониманиям справедливости и несправедливости российскими гражданами, к их практикам обоснований и отстаивания справедливости, а также к их ожиданиям справедливости от государства. Российские граждане хотят справедливости от государства, но на уровне рациональных аргументов понимают, что государство оказалось неспособным ее обеспечить.*

Ключевые слова: *справедливость, несправедливость, критерии справедливости и несправедливости, режимы вовлеченности, справедливость от государства.*

МЕТОДИКА, ОРГАНИЗАЦИЯ И ОСНОВНЫЕ ГИПОТЕЗЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В статье кратко описаны методика и некоторые значимые результаты эмпирического социологического исследования справедливости в российском обществе и государстве, которое осуществлялось

в 2019 г.¹ Целью исследования было изучение того, как индивиды в своих социальных практиках распознают справедливость и несправедливость в повседневности, в различных типах ситуаций, в которые они попадают, и как в этих ситуациях они пытаются или не пытаются отстаивать справедливость. Цель исследования определялась недостаточностью изученности этих аспектов справедливости в России.

Работа 2019 г. стала продолжением исследования справедливости, проведенного Фондом ИНДЕМ в 2013–2015 гг. Оно было направлено на изучение представлений о справедливости в сознании российских граждан и как эти представления используются ими в социальных практиках. В 2014 г. были проведены семь полуформализованных экспертных интервью и шесть фокус-групп в Москве, Вологде и Смоленске (по два в каждом). На основе полученных данных была составлена анкета для количественных оценок, и по ней был проведен массовый анкетный опрос граждан по репрезентативной российской выборке, размер которой составил 2058 законченных интервью [Римский 2016а; 2016б].

В социологическом исследовании 2019 г. вся полевая работа по сбору данных выполнялась Институтом сравнительных социальных исследований (ЦЕССИ). Сначала информация от российских граждан собиралась с помощью телефонного опроса (август 2019 г.). Опрос был поисковым, в нем было несколько открытых вопросов и небольшая выборка в 200 респондентов. Затем с использованием полученной информации были разработаны гайды и проведены шесть фокус-групп, по две в Москве, Санкт-Петербурге и Великих Луках (сентябрь 2019 г.), а также 20 глубинных полуформализованных интервью в Москве (октябрь–ноябрь 2019 г.). В каждом городе одна фокус-группа проводилась для участников в возрасте от 18 до 40 лет (молодых), а вторая — для участников в возрасте от 40 лет (старших возрастов). В каждом городе и в каждой фокус-группе принимали участие представители разных уровней образования и сфер деятельности. При этом участниками фокус-групп были обычные граждане, а глубинные полуформализованные интервью проводились с гражданами, которых волнуют проблемы справедливости, а также с активистами организаций, которые на добровольных началах или в силу своей

¹ Исследовательский проект № 19-011-31443 «Общественный запрос на справедливость и ее обеспечение со стороны государства» осуществлялся при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ.

деятельности постоянно занимаются решениями проблем, связанных с установлением или поддержанием справедливости.

В качестве методологической основы для социологического исследования справедливости 2019 г. была использована теоретическая концепция Л. Болтански и Л. Тевено, разработанная ими в рамках социологического направления, названного «прагматическая социология» [Болтански, Тевено 2000; 2013]. Именно эта теоретическая концепция наилучшим образом соответствовала прагматической направленности эмпирического исследования справедливости. Ведь Л. Болтански и Л. Тевено разработали категориальный аппарат именно для изучения критериев и ощущений справедливости в повседневных социальных практиках индивидов. Они сумели обосновать значимость таких практик для обоснований справедливости и перенесли понятие справедливости вместе со связанными с ним понятиями правды, справедливого общественного устройства и некоторыми другими из сферы философских дискуссий в анализ взаимодействий индивидов, пытающихся договариваться о справедливых решениях конфликтов и волнующих их проблем [Гладарев 2012: 30].

Л. Болтански и Л. Тевено исходили из гипотезы о том, что даже в ситуациях, близких по времени и пространству, для обоснований или оправданий справедливости могут использоваться различные принципы. Их могут использовать одни и те же индивиды для того, чтобы находить решения и преодолевать проблемы в этих ситуациях [Болтански, Тевено, 2000: 75]. Эта же гипотеза была принята и проверялась в эмпирическом исследовании справедливости 2019 г.

В методологии социологического исследования 2019 г. использовалась также разработанная совместно Л. Болтански и Л. Тевено и описанная в первую очередь в работах Л. Тевено концепция режимов вовлеченности или задействованности в обоснованиях справедливости. Эта теоретическая концепция позволяет осмыслить особенности разных типов обоснований справедливости в социальных практиках, как индивиды переключаются с одного уровня таких обоснований на другие и в итоге как они могут выходить на уровень публичных обоснований справедливости [Гладарев 2012: 30].

Л. Тевено описал градацию возрастающей степени публичности режимов вовлеченности от режима близости, фамильярности через режим планового действия до режима полной публичности [Хархордин 2007: 39]. Каждому из этих режимов соответствует свой тип оценивания,

что справедливо, а что несправедливо, и своя модель деятельности по обеспечению и оправданию справедливости. В режиме публичных обоснований справедливость определяется теми или иными общими для многих индивидов и социальных групп принципами, а потому в этом режиме необходимы публичные действия типа дебатов, общественных слушаний или митингов, на которых выявляются и обсуждаются различные общественно значимые позиции. В режиме публичности оправдание справедливости происходит в процессе публичных споров и согласований.

В режиме планового или рационального действия обосновываются принципы справедливости для более ограниченных благ — не общественно значимых, а значимых для индивидов, их семей, сравнительно малых социальных общностей типа жителей подъездов или дворов многоквартирных домов. Индивиды или такого рода малые социальные группы осуществляют обоснования справедливости в режиме планового действия на основе функциональности и результативности, экономической эффективности и приоритетности использования тех или иных технологий, норм законов и инструкций. И когда эти нормы и инструкции выполняются, координируют действия индивидов и обеспечивают признаваемую всеми справедливость, обоснование справедливости не требуется и не осуществляется.

Режим близости или фамильярности в обоснованиях справедливости используется только отдельными индивидами в своих социальных окружениях — в семьях, среди близких родственников и друзей. В этом режиме обоснования справедливости основываются на привязанности к близким людям, вещам, привычному миру своего дома или квартиры, своей семьи и самых близких родственников. «В этом режиме вещи наделяются ценностью постольку, поскольку они даруют человеку ощущение простоты и уюта в привычном мире» [Ковенева 2008: 16–17]. Нередко в режиме близости индивиды вообще не желают и стараются избегать обоснований справедливости, она достигается не отстаиванием тех или иных аргументов, а их совместным существованием, совместной жизнью. Неудовольствие же в совместной жизни индивиды стараются выражать латентно, а не открыто, с помощью изменения своего социального поведения, стараясь не переходить к открытой конфронтации, которая может вывести в режим планового действия, привести к ссоре, и тем разрушить привычный и комфортный мир жизни индивидов.

Гипотезой эмпирического исследования справедливости 2019 г. было утверждение о существовании примерно такой схемы перехода из одного режима вовлеченности в другой в ситуациях и состояниях, относящихся к справедливости. Эту схему можно вслед за Б.С. Гладаревым [Гладарев 2012: 31–32] описать примерно так. Индивидуальная проблема, затрагивающая частные интересы индивида, создает ощущение дискомфорта и порождает потребность в решении этой проблемы. Если эта проблема возникает в режиме близости, индивид будет пытаться договориться со своими родственниками или близкими друзьями, даже нередко без существенных аргументов, стремясь поначалу добиться взаимопонимания на основе близких отношений.

Если же договориться о решении проблемы не удастся, индивид переходит в режим планового или рационального действия. В этом режиме он ищет и представляет аргументы в свою пользу, основанные на правилах, общепризнанных нормах, нормах законов и инструкций. В этом режиме вовлеченности индивид может искать авторитетные мнения и использовать их в своих рациональных обоснованиях справедливости.

Но если действия в режиме плана оказываются неэффективными, индивиду приходится переходить в публичный режим критики и оправдания. Этот режим вообще не предназначен для близких людей, в отношениях с ними после неудачи использования планового режима выхода к справедливости просто не остается. Нередко в таких ситуациях индивидам приходится менять свое ближайшее окружение: разводиться, прекращать общение с друзьями, родственниками, знакомыми, любимыми людьми.

Переход в режим публичной критики и оправдания происходит, когда индивид в решении своей проблемы надеется на помощь и поддержку незнакомых индивидов, организаций, универсальных социальных институтов. Это в российских условиях бывает нечасто, поэтому публичных дискуссий о справедливости в постсоветский период практически не проводилось и не проводится. В относительно редких случаях перехода в режим публичной критики и оправдания индивид либо включается в какую-то инициативную группу, отстаивающую интересующий его аспект справедливости, либо самостоятельно пытается найти новые аргументы оправдания своей позиции. И в этом самостоятельном поиске индивид также нередко знакомится с другими сторонниками своей или близких к ней позиций по справедливости, т.е. скорее будет тоже в большей или меньшей степени включаться в соответствующую

щую инициативную группу. А такие группы, как правило, стремятся получить поддержку своей позиции в социальных сетях и в СМИ, в органах власти, возможно даже у международной общественности.

Общие аргументы, которые подбирают такие инициативные группы, нередко формируются из апелляций к тем или иным универсальным ценностям, способным объединить представителей разнородных социальных групп, к традициям, культурным особенностям России, к другим общим благам, иногда даже к мифам и фольклорным историям.

На основе результатов предшествующих исследований была сформулирована и проверялась в эмпирическом исследовании 2019 г. еще одна гипотеза. Сущность этой гипотезы в том, что вовлеченность российских граждан в осознание и коллективные действия по достижению справедливых решений общественных и государственных проблем через прямой выход в режим публичной критики и оправдания представляется малореальным, это возможно скорее для специалистов, профессионалов в тех или иных сферах деятельности. Но и тогда такие профессионалы обычно не склонны в публичном пространстве включать в отстаивание справедливости широкой общественности, они только апеллируют к ней в публикациях СМИ и через Интернет. В условиях современной России профессионалы мало доверяют непрофессионалам, нередко даже пренебрежительно оценивают их мнения и суждения, не хотят с ними координировать свои социальные действия.

Для обеспечения проверки этих и некоторых других гипотез в эмпирическом социологическом исследовании справедливости 2019 г. респондентам в анкетном опросе, на фокус-группах и в глубинных полуформализованных интервью предлагалось кратко описывать ситуации, связанные, по их мнениям, со справедливостью, их критерии справедливости в этих ситуациях и возможности достижения их справедливых решений. Все эти методики эмпирического исследования включали также вопросы о том, что такое справедливость, как можно объяснить ее смысл, а также о том, насколько для респондентов важна справедливость, в каких сферах жизни она особенно нужна и в каких сферах жизни справедливости больше всего недостает.

ПОНИМАНИЯ СПРАВЕДЛИВОСТИ ГРАЖДАНАМИ

На фокус-группах исследования Фонда ИНДЕМ 2014 г. и на фокус-группах исследования 2019 г. обсуждались понимания справедливости

их участниками. Результаты этих обсуждений оказались похожими во многих аспектах: в формулировках того, что такое справедливость, в критериях оценок и в самих оценках справедливости и несправедливости в ситуациях различных типов.

Приоритетными пониманиями справедливости для участников фокус-групп 2014 г. были следующие:

- «Справедливость как отсутствие обиженных в обществе. Но признавалось, что обиженные будут всегда.
- Справедливость как обеспечение прав человека, которые каждый член общества имеет возможность отстаивать.
- Справедливость как комфортная жизнь для себя и для окружающих, т.е. как минимум наличие работы с хорошей оплатой, хорошего комфортного жилья и нормального образования детей.
- Справедливо то, что правильно, верно. Это достигается, когда есть взаимное уважение между людьми и удается находить консенсус в реализации их интересов без ущемления прав и свобод друг друга.
- Справедливость как законность и одинаковое для всех правосудие. К этому пониманию участники фокус-групп добавляли, что должны быть общие моральные нормы в обществе, которые поддерживаются законами, и потому собственно законы и соблюдаются» [Римский 2016б: 7723].

Участники фокус-групп 2014 года также указывали, что для них важно справедливое применение законов, потому что именно их применение способно обеспечить справедливость, если сами нормы законов справедливы. А в справедливости норм российских законов участники фокус-групп высказывали сомнения, обосновывающиеся ими примерами из своей жизни, жизни своих семей, знакомых и незнакомых им граждан [Римский 2016б: 7723–7724].

Через пять лет на фокус-группах 2019 г. их участники подтвердили те же приоритеты в пониманиях справедливости и то, что российские законы скорее несправедливы к гражданам, чем справедливы. Методика фокус-групп 2019 г. была направлена на более подробное, чем в 2014 г., обсуждение различных пониманий справедливости. И их участники по собственной инициативе высказали довольно много дополнительных и уточняющих пониманий ими справедливости, в первую очередь связанных с нормами законов и их применением:

- Справедливость — это соразмерность, адекватность, что относится в первую очередь к правонарушениям и преступлениям. Наказания за их совершения должны быть адекватными содеянному.
- Справедливость — это справедливые законы и точное их соблюдение, соблюдение законности, обеспечение порядка. При этом признавалось, что сами законы не всегда справедливы.
- Справедливость — это равноправие, равенство в правах и обязанностях. Равенство тоже предлагалось, но было признано, что оно всегда условно.
- Справедливость — это соблюдение прав человека.

Участники фокус-групп и 2014, и 2019 гг. утверждали, что такие понимания справедливости должно признавать и обеспечивать государство, его органы власти.

В 2019 г. в дискуссиях на фокус-группах их участники представили также немало пониманий справедливости, относящихся к взаимоотношениям между людьми:

- Справедливость — это понимание людей, взаимопонимание между людьми.
- Справедливость — это взаимоуважение между людьми.
- Справедливость — это правда, наличие общей истины у людей.
- Справедливость — это единое видение ситуаций и проблем при разных позициях.
- Справедливость — это честность. На основе честности можно договариваться о справедливости.
- Справедливость для человека — это его правота, если он эту правоту может доказать.

В контексте таких пониманий справедливости у участников фокус-групп присутствовало представление о том, что на таких основах можно и нужно договариваться о справедливости. Но они либо высказывали сомнения в том, что договориться о справедливости удастся, либо приводили примеры ситуаций из своей жизни или из СМИ, когда договориться не удалось. Такое отношение к договоренностям о справедливости было выявлено еще на фокус-группах 2014 г. Их участники «указывали, что договориться о каких-то общих принципах или критериях оценивания той или иной спорной или конфликтной ситуации по справедливости можно только, когда такие ситуации достаточно простые, примерно одинаково понимаются сторонами споров или конфликтов. Во всех других случаях договориться о спра-

ведливости, по мнениям участников фокус-групп, вряд ли возможно» [Римский 2016б: 7725].

СПРАВЕДЛИВОСТЬ У КАЖДОГО СВОЯ

Важнейшей причиной того, что о справедливости крайне сложно, почти невозможно договориться, участники фокус-групп и 2014, и 2019 г. считали субъективность ее понимания людьми. Участники фокус-групп неоднократно указывали, что справедливость у каждого своя. И такую субъективность в понимании справедливости они чаще всего объясняли различиями воспитания, а также тем, что каждый человек на личном опыте учится понимать и оценивать справедливость [Римский 2016б: 7722].

Участники фокус-групп 2019 г., как и пять лет назад, соглашались с высказанными в дискуссиях суждениями о том, что справедливость всегда субъективна, что она у всех разная, что справедливость индивидуальна, у каждого своя. И субъективность справедливости они объясняли как различиями в социализации в разных семьях, так и разными правовыми системами государств, а также более или менее успешными действиями различных социальных групп по формированию массового сознания и соответствующих социальных практик.

Пример таких воздействий социальной группы на массовое сознание привел один из участников фокус-группы с молодыми людьми (18–40 лет) в Санкт-Петербурге. Он оценил как весьма субъективную позицию вегетарианцев в отношении невозможности употребления в пищу мяса животных, поскольку для этого их приходится убивать. Для вегетарианцев такая позиция является справедливой, но она никак не влияет на сокращение заготовок мяса домашних животных. Для вегетарианцев несправедливы убийства животных для поедания их мяса, но для большинства людей это вполне справедливо, потому что они это мясо привыкли есть. Можно добавить, что такая позиция подерживается и на уровне большинства семей, и на уровне профессионалов — врачей, фитнес-тренеров и других, которые обосновывают необходимость мяса животных в рационе людей, а справедливость такого положения дел вообще не обсуждают.

В фактически консенсусной позиции участников фокус-групп о субъективности справедливости можно отметить противоречивость. Ведь при обсуждениях пониманий справедливости практически все они согла-

шались с тем, что справедливость предполагает и применение общих норм морали для всех или хотя бы для участников тех или иных конфликтов, которые нужно разрешить. Однако следование нормам морали не может быть только личным, сугубо индивидуальным качеством человека, эти нормы определяются той культурой в широком смысле, в которой человек воспитывался и живет. «Поэтому для обеспечения справедливости скорее необходим баланс индивидуализма и коллективизма в сознании и поведении каждого члена общества» [Римский 2016б: 7722].

РЕЖИМЫ ВОВЛЕЧЕННОСТИ В ОБОСНОВАНИЯХ СПРАВЕДЛИВОСТИ

Баланс индивидуализма и коллективизма по-разному проявляется в разных режимах обоснований справедливости, представленных в работах Лорана Тевено [Тевено 2006; Thévenot 2006]. И в дискуссиях на фокус-группах 2019 г. были найдены подтверждения существенных различий в сознании и социальных практиках обоснований справедливости и несправедливости у российских граждан в разных режимах вовлеченности.

В режиме близости у участников фокус-групп чаще всего вообще не возникают вопросы о справедливости или несправедливости. В этом режиме они ощущают себя в привычном мире близких людей и вещей, аргументы о справедливости приводятся редко, о решениях проблем стараются договариваться на основе близких социальных отношений. В режиме близости для них даже нередко опасно приводить какие-то рациональные аргументы о справедливости, потому что в итоге близкие отношения могут разрушиться: друзья перестанут общаться, супруги вынуждены будут разводиться и т.п.

Например, на фокус-группах 2019 г. модераторами предлагалось обсудить модельную ситуацию, когда один из супругов хочет развода, а другой — против этого. На фокус-группе в Великих Луках с молодыми (от 18 до 40 лет) одни ее участники говорили, что можно было бы поговорить об этой ситуации, а другие — что разговаривать о ней бесполезно, каждый видит эту ситуацию со своей стороны, к справедливости в такой ситуации прийти невозможно. Одна из участниц подтвердила свое мнение примером аналогичной ситуации со своей сестрой: они с бывшим супругом три года пытались договориться, но все равно вынуждены были развестись. На этой фокус-группе по инициативе участ-

ников дискуссия пошла в сторону поиска способов не допускать желаний разводов у супругов. Для этого они предложили супругам постоянно друг с другом разговаривать, хвалить друг друга за дела, которые они делают для семьи, женщинам не стесняться говорить мужчинам, что они хотят, а мужчинам — постоянно оказывать женщинам знаки внимания.

Таким образом, по мнениям участников этой фокус-группы, семья должна жить в режиме близости, обсуждения должны касаться нейтральных вопросов, а не проблем справедливости, супругам нужно стремиться к пониманию друг друга даже без слов. Если же уже у одного супруга возникнут представления о несправедливости семейных отношений, то их вряд ли можно будет восстановить обсуждениями. Как только произойдет выход из режима близости, как только придется приводить рациональные аргументы о справедливости в семье, доверительных, близких отношений бывшим супругам уже не вернуть. Иначе говоря, когда при существенных проблемах в отношениях с близкими людьми им приходится выходить из режима близости в режим планового или рационального действия, возникают немалые риски эти близкие отношения разрушить. И тогда возврат в режим близости уже станет невозможен.

Переход в режим планового или рационального действия, как правило, определяется необходимостью обеспечить справедливость или не допустить несправедливости в отношениях с незнакомыми людьми или с представителями тех или иных организаций либо органов власти. В этих отношениях индивиду невозможно рассчитывать на понимание своих позиций и приоритетов, а потому приходится приводить в их поддержку рациональные аргументы, основанные на нормах законов, инструкций, но нередко и на нормах морали и нравственности, на наличие у партнера по коммуникации совести и общих интересов, иногда даже блага для всего общества. При этом на фокус-группах при обсуждениях ситуаций в режиме планового или рационального действия апелляции к нормам законов встречались реже апелляций к нормам морали, и при этом нормы законов никогда точно не воспроизводились, а лишь очень приблизительно пересказывались.

Например, на фокус-группе с молодыми людьми (18–40 лет) в Санкт-Петербурге возник вопрос о том, является ли правом матери отдать своего ребенка в ясельную группу детского сада, расположенного рядом с домом их проживания. Участники этой фокус-группы утверждали, что в Санкт-Петербурге вообще не всегда удается получить места в ясельных группах, что если их и дают, то в двух часах езды от дома. И что по край-

ней мере в некоторых случаях для получения места в ясельной группе необходимо дать взятку. Такое отношение к матерям малолетних детей оценивалось участниками фокус-группы как незаконное, как нарушение прав граждан, но никто из них не смог сформулировать, какие нормы законов и какие конкретно права граждан нарушаются в таких случаях. Характерно, что несправедливость в таких случаях участники фокус-группы видели в том, что они платят государству налоги, а государство в ответ не может обеспечить им «такую мелочь», как места для малолетних детей в ясельных группах рядом с домом.

В дискуссиях на фокус-группах 2019 г. практически не упоминались ситуации публичных обоснований справедливости. Участники фокус-групп по собственной инициативе ни разу не упомянули, ни о своем участии в действиях в таком режиме, ни об участии знакомых и даже незнакомых им людей. А при обсуждениях волнующих участников фокус-групп общественных проблем они по собственной инициативе не приводили аргументов о справедливости, такие аргументы появлялись только после соответствующих вопросов модераторов. И никто из участников фокус-групп 2019 г. не привел ни одного примера публичного обсуждения справедливости в нашей стране, которое бы им запомнилось.

Молодые (18–40 лет) участники всех фокус-групп, как правило, не могли даже представить себя в режиме публичного обоснования справедливости: они не знали, какими способами это можно делать, не понимали, с кем и на каких условиях они могут для этого объединяться. Поэтому молодые участники фокус-групп суждений с позиций публичных обоснований справедливости не высказывали.

Участники фокус-групп старших возрастов (от 40 лет) редко, но высказывались о необходимости публичных обоснований справедливости при решениях общественно значимых проблем. Они представляли себе, что для этого необходимо объединяться в те или иные организации, проводить публичные мероприятия. Но что конкретно для этого нужно делать, как и какие мероприятия для этого проводить, они представляли себе с трудом. И потому они высказывали довольно пессимистические оценки того, что объединенными, коллективными усилиями граждан можно решать по справедливости общественно значимые проблемы на муниципальном, региональном или федеральном уровнях, для страны в целом.

Участники фокус-групп 2019 г. при обсуждениях различных ситуаций и фактов не всегда могли сосредоточиться на обсуждениях именно аспек-

тов справедливости в них, а стремились обсуждать связанные с ними проблемы и их решения, не приводя аргументов в поддержку справедливости своих позиций. Например, на фокус-группе с молодыми людьми (18–40 лет) в Санкт-Петербурге одна участница представила в качестве примера несправедливой по отношению к ней ситуации необходимость оплачивать анализы в женской консультации, которые должны быть бесплатными. Она оценила эту ситуацию как такую, в которой государство через взятки, т.е. таким неформальным способом, стремится взять с нее деньги за те услуги, которые должны быть бесплатными. Это она оценила как несправедливость по отношению к себе, пошла на прием к главврачу той женской консультации, но, по ее рассказу, никакие обоснования несправедливости или справедливости она с главврачом не обсуждала. А обсуждала она с ним конкретные вопросы получения бесплатной услуги в этой женской консультации, и в итоге ничего не добилась, ей по каким-то формальным причинам в такой услуге отказали. Добавим, что в современной российской ситуации апелляция этой женщины к справедливости тоже вряд ли помогла бы ей решить проблему, потому что критерии справедливости не включены в нормы законов и инструкций по решениям проблем граждан, которыми руководствуются должностные лица разных организаций и чиновники органов власти.

Получается, что попытки отстаивания справедливости в режиме планового или рационального действия перед должностными лицами организаций и чиновниками органов власти у большинства российских граждан заканчиваются неудачами. Но их пессимизм в отношении перехода к отстаиванию справедливости в режиме публичности приводит к практически полному отказу осуществления коллективных действий для достижения справедливых решений общественно значимых проблем. По крайней мере ни на фокус-группах, ни в глубинных полуструктуризованных интервью граждане не могли припомнить ни одного успешного для них случая, когда именно аргументы о справедливости или несправедливости помогли прийти к справедливому решению общественно значимой проблемы. Варианты их решений, если и обсуждались, то без акцентирования аспекта справедливости. А поскольку аспект справедливости не обсуждается почти никогда в режиме публичности при принятии решений общественно значимых проблем, многие остаются недовольны такими решениями. Ведь справедливость — это значимая для них ценность, и компромиссные решения общественно значимых проблем,

которые им чаще всего предлагают без обсуждений аспектов справедливости, создают и поддерживают дефицит справедливости в их жизни.

ОЖИДАНИЯ СПРАВЕДЛИВОСТИ ОТ ГОСУДАРСТВА

Как показывают социологические исследования справедливости, проведенные Фондом ИНДЕМ в 2013–2015 гг., а также ранее проведенные исследования других коллективов, значимость справедливости для большинства российских граждан проявляется не только в их декларациях и ответах на вопросы анкет социологов, но и в использовании справедливости в качестве критерия для оценивания практически всех взаимодействий в обществе и государстве. Но в силу несправедливости норм законов и их применений, существенной дифференциации пониманий справедливости в обществе, практической невозможности договариваться о справедливости между гражданами и с представителями органов власти большинство граждан оценивает установление и поддержание справедливости в социуме как проблему, решение которой им неизвестно. И в силу невозможности решить эту проблему самостоятельно граждане перекладывают ее решение на государство [Римский 2016а: 132–133].

Исследование справедливости 2019 г. подтвердило эти закономерности. Предложения привести примеры ситуаций справедливости или несправедливости почти всегда мотивировали участников фокус-групп описать именно несправедливости по отношению к ним, их родственникам и близким знакомым со стороны незнакомых им лиц или представителей органов власти. И в таких ситуациях участники исследования, как правило, ожидали обеспечения справедливости или избавления от несправедливости только от государства. При этом они нередко не могли конкретно описать, от каких органов государства и каких именно решений они ожидали, чтобы обеспечить справедливость. А собственные решения ситуаций они предлагали исключительно в своих индивидуальных интересах, исходя из своих личных пониманий справедливости. И когда другие участники фокус-групп начинали им объяснять, что предлагаемое ими решение ситуации будет несправедливо по отношению к другим, участники фокус-групп, предлагавшие для обсуждения свои ситуации, отвечали, что они не знают, какие решения были бы справедливыми.

Например, по инициативе одного из участников на фокус-группе 2019 г. в Москве с молодыми (18–40 лет) обсуждался вопрос о том,

справедливо ли, что семьи платят за питание своих детей в школах, а заключенные в тюрьмах получают питание бесплатно. В дискуссии по этому вопросу предлагалось и детей кормить бесплатно, т.е. за счет государственного бюджета, как и заключенных. Либо заставлять заключенных работать, чтобы на их зарплаты можно было оплачивать их питание в местах заключения. Было высказано предложение такого рода вопросы решать с участием граждан, например через голосования в Интернете. Но у самих авторов этих предложений не было уверенности в их реальности, в том, что они могут изменить ситуацию. И в итоге обсуждение этого вопроса пришло к констатации участниками факта, что «многие ситуации вообще не изменить, пока не изменятся люди». А меняются люди в процессе воспитания, можно добавить — и шире, в процессе социализации. Но как конкретно должно осуществляться такое воспитание и такая социализация, чтобы в обществе становилось больше справедливости, участники не только этой, но и других фокус-групп, а также глубинных полуформализованных интервью предложить не могли.

Участники фокус-групп не были способны дать какие-то советы органам власти по достижению справедливости в своих ситуациях, потому что никогда не думали о том, как органы власти реально могли бы это сделать. Их суждения об этом на фокус-группах выглядели скорее мечтами, чем реальными предложениями по обеспечению справедливости или большей справедливости, чем сейчас. И именно от органов власти, от государства в целом участники фокус-групп ожидали справедливых решений своих ситуаций, хотя одновременно соглашались друг с другом, что в реальности ожидать справедливости от государства не следует. Например, на всех фокус-группах 2019 г. при обсуждениях имущественного расслоения в нашей стране все участники заявляли, что это расслоение слишком сильное и это несправедливо. Но при этом они не могли высказать ни одного более или менее реального предложения о том, как снизить уровень имущественного расслоения. И некоторые участники фокус-групп прямо утверждали, что, поскольку у них нет предложений по решению этой проблемы, это решение должно предложить и осуществить государство. При этом, как было установлено в исследованиях ИС РАН, именно те социальные группы граждан, для которых справедливое общество является приоритетом в развитии нашей страны, чаще других ощущают несправедливость общества, в котором живут [О чем мечтают россияне 2012: 30].

Следовательно, при высокой ценности справедливости общества и государства для большинства российских граждан она остается только мечтой, которую ни им самим, ни органам власти неизвестно, как реализовать. Исследование 2019 г. дало некоторые подтверждения этой гипотезы. В режиме планового действия они вынуждены отстаивать справедливость индивидуально, и это нередко приводит к неудачам. Но как выйти в режим публичных обоснований справедливости, российские граждане не знают, не верят в то, что их коллективные действия с другими могут изменить ситуацию к большей справедливости не только для них самих, но и для других членов нашего общества.

В 2019 г. подтвердилось описанное еще в исследовании Фонда ИНДЕМ 2012–2015 гг. неумение и нежелание граждан договариваться о справедливости, за исключением самых простых ситуаций [Римский 2016б: 7725–7726]. Дискуссии на фокус-группах 2019 г. показали неумение и нежелание их участников обсуждать справедливые решения разных ситуаций, вникать в аргументы других и искать возможности согласования своих позиций по справедливости с иными позициями. Поэтому подавляющее большинство российских граждан, даже социально активных, не имеет желания участвовать и не участвует в публичных обсуждениях справедливости в разных сферах. В результате оказывается невозможным сформулировать согласованные позиции граждан в отношении справедливых решений разных общественных проблем, поэтому невозможно и представить органам власти такие согласованные с гражданами решения этих проблем. В такой ситуации органы власти в законах и своих практиках предлагают решения общественных проблем, которые оцениваются большинством граждан как несправедливые.

С органами власти граждане не хотят договариваться о справедливости еще и потому, что российские чиновники неуважительно относятся к гражданам, а по собственной инициативе они справедливости не обеспечивают [Римский 2016б: 7727–7728]. На фокус-группах 2019 г. для снижения уровня несправедливости в обществе и государстве предлагалось менять такое отношение представителей органов власти к гражданам, принципы и практики их деятельности. Но как это можно было бы сделать, участники фокус-групп предложить не могли, а утверждали, что отношение к ним органов власти вряд ли вообще изменится в ближайшем будущем.

Фактически тем самым участники фокус-групп 2019 г. признали свою отчужденность от органов власти. Усиливает такую отчужденность

между гражданами и органами власти работа по их заказам представителей элиты — экспертов, профессионалов, специалистов, обеспечивающих принятие управленческих решений, законов и инструкций. Ни эксперты, ни чиновники, которые их нанимают, не обсуждают с гражданами справедливые решения общественных и государственных проблем. Не обсуждают они и признаки, критерии справедливости или несправедливости тех или иных ситуаций, которые возникают при попытках решений таких проблем. Причина в том, что эксперты в согласии с чиновниками оценивают граждан скорее как помеху для выработки адекватных и эффективных их решений. А ведь многие из этих решений должны будут исполняться гражданами, в большей или в меньшей степени будут менять их жизни. Такая отчужденность граждан и органов власти является еще одной причиной того, что решения общественных и государственных проблем, предлагаемые органами власти, нередко оцениваются гражданами как несправедливые.

Если отнести к элите социальные группы экспертов и чиновников, допущенных к принятию государственных решений, то получается, что в современных российских условиях и общество, и элиты, и государство в целом оказались неспособными снизить уровень несправедливости в нашей стране. Российские граждане хотят справедливости от государства, но на уровне рациональных аргументов понимают, что государство оказалось неспособным ее обеспечить. В современной российской ситуации граждане живут с ощущениями постоянной и всеобъемлющей несправедливости, а их желания изменений к справедливости в обществе и государстве пока остаются несбыточными мечтами.

Литература и источники

Болтански Л., Тевено Л. Критика и обоснование справедливости: очерки социологии градов / пер. с фр. О.В. Ковенева; науч. ред. пер. Н.Е. Копосов. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 576 с.

Болтански Л., Тевено Л. Социология критической способности // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. Т. 3, № 3. С. 66–83.

Гладарев Б. С. Градозащитные движения Петербурга накануне зимней революции 2011–2012 г.: анализ из перспективы французской прагматической социологии // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2012. № 4 (110). С. 29–43.

Ковенева О. В. Французская прагматическая социология: от модели «градов» к теории «множественных режимов вовлеченности» // Социологический журнал. 2008. № 1. С. 5–21.

О чем мечтают россияне (размышления социологов). Аналитический доклад / Руководители исследования М.К. Горшков и Н.Е. Тихонова. М.: Ин-т социологии РАН; Фонд им. Фридриха Эберта в Российской Федерации, 2012. 181 с. URL: http://www.isras.ru/files/File/Doklad/Analit_doc_Mechti/O_chem_mechtayut_rossiyane.pdf (дата обращения: 02.10.2019).

Римский В. Л. Мечты о справедливости и представления о возможностях их реализации в современной России // Образы будущего России: желаемое — возможное — необходимое: мат-лы всерос. науч.-практ. конф. Москва, 8–9 июня 2016 г. / под общ. ред. А.Б. Ананченко. М.: Московский педагогический государственный университет; Институт истории и политики, 2016а. С. 128–136. URL: <http://mpgu.su/wp-content/uploads/2016/11/Obrazyi-budushhego.-Sbornik-statey.-E%60lektronnoe-izdanie.pdf> (дата обращения: 14.07.2019).

Римский В. Л. Понимания и практики справедливости в российском обществе // Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость (Екатеринбург, 19–21 октября 2016 года): мат-лы V всерос. социол. конгресса / отв. ред. В.А. Мансуров. М.: Российское общество социологов, 2016б. С. 7720–7729. (DVD ROM).

Тевено Л. Креативные конфигурации в гуманитарных науках и фигурации социальной общности // Новое литературное обозрение. 2006. № 77. С. 285–313.

Хархордин О. В. Прагматический поворот: социология Л. Болтански и Л. Тевено // Социологические исследования. 2007. № 1. С. 32–41.

Thévenot L. L'Action au pluriel: Sociologie des régimes d'engagement. P.: Éditions La Découverte, 2006. 312 p.

FAIRNESS FROM THE STATE: EXPECTATIONS AND REALITY

V. Rimskiy

Citation: Rimskiy V. Spravedlivost' ot gosudarstva: ozhidaniya i real'nost' [Fairness from the state: expectations and reality]. *Vlast' i elity* [Power and Elites], 2019, 6 (2): 156–175. (In Russian)

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2019.6.2.6>

Abstract. *The article presents the methodology and some significant results of an empirical sociological study of fairness in Russian society and the state, which was carried out in 2019. These results, first of all, relate to the understanding of fairness and unfairness by Russian citizens, to their practice of justification and advocacy of fairness, as well as to their expectations of fairness from the state.*

Russian citizens want fairness from the state, but at the level of rational arguments they understand that the state could not to provide it.

Keywords: *fairness, unfairness, criteria of fairness and unfairness, modes of involvement, fairness from the state.*

References

Boltanski L., Thévenot L. Sociologiya kriticheskoy sposobnosti [Sociology of critical ability]. *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii* [The journal of sociology and social anthropology], 2000, 3 (3), pp. 66–83. (In Russian)

Gladarev B. S. Gradozashhitny'e dvizheniya Peterburga nakanune zimnej revolyucii 2011–2012 g.: analiz iz perspektivy` francuzskoy pragmaticheskoy sociologii [City-protective movements of St. Petersburg on the eve of the winter revolution of 2011–2012: an analysis from the perspective of French pragmatic sociology]. *Monitoring obshhestvennogo mneniya: e'konomicheskie i social'ny'e peremeny`* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes], 2012, 4, pp. 29–43. (In Russian)

Koveneva O. V. *Francuzskaya pragmaticheskaya sociologiya: ot modeli «gradov» k teorii «mnozhestvenny`x rezhimov vovlechyonnosti»* [French pragmatic sociology: from the “cities” model to the theory of “multiple modes of engagement”]. *Sotsiologicheskij zhurnal* [Sociological Journal], 2008, 1, pp. 5–21. (In Russian)

O chyom mechtayut rossiyane (razmy`shleniya sociologov). Analiticheskij doklad [What are Russians dreaming about (thoughts of sociologists). Analytical report]. Podgotovlen Institutom sociologii RAN. Rukovoditeli issledovaniya M.K. Gorshkov i N.E. Tixonova. Moscow: Institute of Sociology of RAS; Fond im. Fridriha Eberta, 2012. 181 p. URL: http://www.isras.ru/files/File/Doklad/Analit_doc_Mechti/O_chem_mechtayut_rossiyane.pdf (accessed: 02.10.2019). (In Russian)

Rimskiy V. L. *Mechty` o spravedlivosti i predstavleniya o vozmozhnostyax ix realizacii v sovremennoj Rossii* [Dreams of fairness and ideas about the possibilities of their implementation in modern Russia]. In: *Obrazy` budushhego Rossii: zhelaemoe — vozmozhnoe — neobxodimoe. Materialy` Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Moscow, 8–9 iyunya 2016 g.* [Images of the future of Russia: desired — possible — necessary. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference. Moscow, June 8–9, 2016]. Ed. by A.B. Ananchenko. Moscow: Moscow State Pedagogical University; Institute of History and Politics, 2016a, pp. 128–136. URL: <http://mpgu.su/wp-content/uploads/2016/11/Obrazyi-budushhego.-Sbornik-statey.-E%60lektronnoe-izdanie.pdf> (accessed: 14.07.2019). (In Russian)

Rimskiy V. L. *Ponimaniya i praktiki spravedlivosti v rossijskom obshhestve* [Understanding and practice of justice in Russian society]. In: *Sociologiya i obshchestvo: social'noe neravenstvo i social'naya spravedlivost`* (Ekaterinburg, 19–21 oktyabrya 2016 goda) [Sociology and Society: Social Inequality and Social Justice]. Ed. by V.A. Mansurov. Moscow: Rossijskoe obshchestvo sociologov, 2016b, pp. 7720–7729. (DVD ROM). (In Russian)

Thévenot L. Kreativny`e konfiguracii v gumanitarny`x naukax i figuracii social`noj obshhnosti [Creative configurations in humanitarian sciences and social community figurations]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [The New literary review], 2006, 77, pp. 285–313. (In Russian)

Kharkhordin O. V. Pragmaticheskij povorot: sociologiya L. Boltanski i L. Thévenot [Pragmatic turn: the sociology of L. Boltanski and L. Thévenot]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2007, 1, pp. 32–41. (In Russian)

Thévenot Lt. *L'Action au pluriel: Sociologie des régimes d'engagement*. Paris: Éditions La Découverte, 2006. 312 p.

НЕУСТОЙЧИВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ: КОНТУРЫ УТОПИИ

В.А. Гуторов¹

Цитирование: Гуторов В.А. Неустойчивая ответственность: контуры утопии // Власть и элиты. 2019. Т. 6. № 2. С. 176–195.

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2019.6.2.7>

Аннотация. Цель статьи — выделить и обсудить ряд теоретических и методологических проблем, обозначенные в работе И.С. Семененко «Горизонты ответственного развития: от научного дискурса к политическому управлению». Она, безусловно, имеет программный характер и является первым опытом, связанным с интерпретацией концепта ответственности в отечественной политологии. В современном мировом гуманитарном дискурсе изучение проблем ответственности (*responsibility*) отличается крайним многообразием и явно тяготеет к междисциплинарности: этические, философские и антропологические вопросы тесно переплетаются с различными аспектами политологического и социологического анализа. Поэтому вполне следовало ожидать появления трудов, в которых теоретически разработанная модель ответственности будет положена в основу интерпретации проблем современного глобального развития. Работа И.С. Семененко, имеющая параллели с политизированной утопической версией академической эсхатологии, представленной в книге Ф. Фукуямы «Конец истории» (1992), обращает на себя внимание прежде всего тем, что в ней весьма отчетливо проступают характерные черты сциентистской аксиоматики, свойственной тому типу абстрактного конструирования утопического пространства, который наиболее полно отразился в творчестве А. де Сен-Симона, весьма изобретательно использовавшего идеи социальной инженерии «Утопии» Т. Мора и «Города Солнца» Т. Кампанеллы. Речь идет именно об идеале будущего, поскольку, обрисовав его общие контуры, автор в конце своей работы прямо утверждает: «Ответственное развитие не стоит сегодня в политической повестке дня. Это открытая возможность, возможная конструктивная альтернатива негативной динамике современных общественных отно-

¹ Статья подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований и Экспертного института социальных исследований, проект № 19-011-31066 «Символическая политика в современной России: глобальные риски, гражданская идентичность и векторы исторической памяти».

шений». Явное отсутствие интереса автора к различным теориям ответственности и ее оценкам в этическом и эпистемологическом плане позволяет предположить, что она предпочитает формулировать свое понимание этого концепта в чисто прагматическом плане. В статье акцентируется внимание на противоречии между теоретической позицией И.С. Семененко, связанной с описанием североευропейской модели «общества благосостояния» и критическим анализом этой модели теоретиками Бирмингемской школы критического анализа, наиболее ярким примером которого является знаменитый Килбернский манифест (2013). Аналогичные противоречия обнаруживаются и в анализе автором различных аспектов деятельности интеллектуалов в плане их перспективной роли гаранта ответственного развития.

Ключевые слова: ответственное развитие, сциентистская аксиоматика, утопизм, устойчивое развитие, этика, политика, модернизация, критический анализ, социальная динамика, интеллектуалы.

В современном гуманитарном дискурсе изучение проблем, связанных с интерпретацией концепта ответственности, отличается крайним многообразием и явно тяготеет к междисциплинарности: этические, философские и антропологические вопросы тесно переплетаются с различными аспектами политологического и социологического анализа (см., например: [Reflections... 2017; Ackerly 2018; Social Dimensions... 2018; Kershner 2018; Tholen 2018; Dierksmeier 2019; Kellison 2019; Wyatt 2019]). Поэтому вполне следовало ожидать появления трудов, в которых теоретически разработанная модель ответственности будет положена в основу интерпретации проблем современного глобального развития. Насколько нам известно, статья И.С. Семененко «Горизонты ответственного развития: от научного дискурса к политическому управлению» [Семененко 2019] — первый опыт такого рода в отечественной политологии.

Неожиданной особенностью статьи является полное отсутствие в ней характеристики многообразной зарубежной литературы, посвященной анализу ответственности в концептуальном и любом другом аспекте. И.С. Семененко даже не упоминает имен своих предшественников в разработке социально-политических аспектов ответственности, хотя они, безусловно, имеются. Например, в опубликованной в 2017 г. работе «Этика, смысл и рыночное общество» Л. Жолнаи отмечает: «Еще в 1940 г. Карл Полаanyi предупреждал, что рынки имеют тенденцию господствовать над другими сферами общественной жизни и стимули-

руют формирование “рыночного общества”. После Второй мировой войны гиперэкспансия рынка получила новые стимулы и стала в последние 40–45 лет всеобъемлющей. Глобализация, приватизация, вездесущность финансов, новые условия, характерные для позднего модерна / современного капитализма, создают препятствия для *устойчивого, социально ответственного, то есть подлинно этического поведения* (курсив мой. — В.Г.) экономических акторов в окружающем их мире. Институциональная система и соответствующий ей мир ценностей делает этическое поведение фактически невозможным или в лучшем случае спорадическим» [Zsolnai 2017: 3].

Способ аргументации, представленный в статье Семененко, свидетельствует, что она разделяет идеи Жолнай лишь частично. Автор явно не желает вступать в теоретические споры с кем-либо, поскольку ее аргументация развивается совсем в ином направлении: работа обращает на себя внимание прежде всего тем, что в ней весьма отчетливо проступают характерные черты сциентистской аксиоматики, свойственной тому типу абстрактного конструирования утопического пространства, который наиболее полно отразился в творчестве А. де Сен-Симона, весьма изобретательно использовавшего идеи социальной инженерии «Утопии» Т. Мора и «Города Солнца» Т. Кампанеллы. На наш взгляд, Семененко далеко не случайно подчеркивает в начале статьи, что в ней «предлагается такое видение будущего, где есть место не столько масштабным идеям или классическим “большим” идеологиям, в основном оставшимся в политической истории XX в., сколько *технологиям и инструментам социальной инженерии*» [Семененко 2019: 12].

Общая интенция статьи, безусловно, имеет параллели с политизированной утопической версией академической эсхатологии, представленной в книге Ф. Фукуямы «Конец истории» (1992), и его известной формулой, согласно которой либеральная демократия является «конечным пунктом идеологической эволюции» и «финальной формой человеческого правления», тем самым обозначая «конец истории» [Fukuyama 1992: XI]. Дело даже не в том, что автор охотно цитирует самого Фукуяму [Семененко 2019: 14]. Речь идет прежде всего о самом материальном субстрате, который лежит в основе ее теории *ответственного развития* и рассматривается в качестве своеобразного гаранта ее реалистичности. Таковым объявляются преимущественно благополучные страны Северной Европы, в том числе скандинавские, экономика и политическая система которых формировались на основе знаменитой социал-демо-

кратической концепции «третьего пути», восходящей к социалистическим дискуссиям 1920–1930-х годов. Опыт государств, лишенных преимуществ экономики *welfare state*, включая современную Россию и другие посткоммунистические страны, остается за пределами авторского анализа.

В целом концепция Семененко выстраивается на основе довольно простой дихотомии — *ответственное развитие / безответственное развитие*. При этом в плане дефиниций на передний план выдвигается позитивный идеал, связанный с надеждами, которые возлагаются на «ответственный» тип эволюции человечества. *Ответственное развитие* определяется как «потенциальный общий знаменатель, задающий принципы взаимодействия всех субъектов, вовлеченных в принятие стратегических решений и их реализацию», «система координат, в которой можно продвигаться при решении ключевых социальных проблем на разных уровнях организации социума». Оно предполагает «стратегическое видение приоритетов развития сообщества и индивида — члена такого сообщества — и управленческие практики, способные обеспечивать реализацию стратегических целей», «наращивание и приоритетное использование в качестве источников развития интеллектуальных, возобновляемых ресурсов и опору на нематериальные стимулы жизнедеятельности человека», «утверждение нравственной мотивации развития на путях взаимодействия в публичной сфере вокруг общей повестки дня носителей разных идей и идентичностей». И наконец, «ключевым основанием ответственного развития является расширение возможностей участия граждан в формировании и поддержании дружественной для реализации индивидуальных творческих устремлений социальной среды. Ведущую роль в этом процессе играют институты социализации, в первую очередь образование» [Семененко 2019: 15–16].

Речь идет именно об *идеале будущего*, поскольку, обрисовав его общие контуры, автор в конце своей работы прямо утверждает: «Ответственное развитие *не стоит сегодня в политической повестке дня* (курсив мой. — В.Г.). Это открытая возможность, возможная конструктивная альтернатива негативной динамике современных общественных отношений» [Семененко 2019: 22].

«Негативная динамика» располагается в статье на втором месте: только перечислив основные позитивные элементы, связанные с концептом ответственности, автор обращается к объяснению причин, побудивших к формулированию обозначенной выше дихотомии:

«Сегодня вектор динамики общественных отношений на всех уровнях — от местного до глобального, мирполитического — задает **дилемма ответственного / безответственного развития**. Повсеместные проявления безответственного развития — это та реальность, которая ведет к исчерпанию ресурсов, к появлению новых форм варварства и конфликтов, в том числе и под флагом борьбы за идентичность. Яркие свидетельства — безудержное раздувание “мыльных пузырей” в финансовой сфере, беспрецедентный рост долговых обязательств крупнейших игроков на глобальном и внутреннем рынках. Безответственное развитие может иметь самые разные проявления — от искусственного стимулирования материальных потребностей людей и потребления, сопровождающегося хищнической эксплуатацией природных ресурсов и экологическими бедствиями, до бездумного использования технологий клонирования. В этом ряду стоят и технологии манипулирования массовым сознанием, механизмы продвижения “постправды”, практики троллинга и “кражи идентичности”» [Семененко 2019: 18–19].

Разумеется, И.С. Семененко не может на отдавать себе отчета в том, что все перечисленные ею элементы развития — как позитивного, так и негативного типа — уже воспроизводились в отечественной и зарубежной научной литературе и политической публицистике *бесчисленное количество раз*. Поэтому, если судить по содержанию, основная цель ее статьи вряд ли заключается в том, чтобы обосновать новые подходы к анализу противоречий неоиндустриализма и посткапитализма или выявить в историческом и сравнительном плане преимущество формулы *ответственного развития* перед большим количеством аналогичных предшествующих и современных идей и концепций. Складывается впечатление, что основная ее задача — во что бы то ни стало закрепить в общественном сознании именно сформулированную автором дихотомию, невзирая на возможную критику. Ведь достаточно раскрыть любую серьезную историческую монографию, чтобы обнаружить определенное сходство авторского образа «ответственного будущего», равно как и имеющуюся в статье критику «безответственного поведения» финансовых воротил, раздувающих «мыльные пузыри», уже с ранними критическими инвективами сен-симонистов в адрес буржуа, финансистов, а также их проектами «нового индустриального общества», в основе которого, как уже отмечалось, лежит идея социальной инженерии (см.: [Crossley 1993: 105–138; Iggers 1970]).

О большом количестве аналогичных современных теорий социального развития в глобальном его измерении говорить уже не приходится. В любой их них — от компромиссной версии теории модернизации, разработанной Р. Инглхартом и его соавтрами, до теории рефлексивной модернизации У. Бека и А. Гидденса (см.: [Inglehart, Welzel 2005; Beck 2000; Giddens 2000]), от концепции демократии О. Хёффе до альтернативного антиглобалистского проекта Р.М. Унгера [Höffe 2007; Unger 2005] — мы найдем немало гораздо более изощренных методов анализа современного общества. Увлеченная своим исходным замыслом, автор, по-видимому, не ставила перед собой задачу обосновать принцип ответственности в этическом, философском и методологическом плане (см.: [Moore 2009]). В структуру авторской аргументации не включены, например, выводы многочисленных исследований в рамках междисциплинарного направления *integrity studies* (анализ принципов и параметров целостности личности и общества), в которых концепт ответственности анализируется на методологическом и философском уровнях. Девизом данного направления вполне может считаться афористичный тезис Кр.М. Корсгаард: «Мы ответственны за наши действия не потому, что они являются нашими продуктами, но потому, что они — это мы, потому что мы — это то, что мы делаем» ([Korsgaard 2009: 130]; см. также: [Korsgaard 2009: 13, 20–24, 100–103, 108, 129–131, 159–160, 174–175]; ср.: [Hartman, DesJardins, MacDonald 2007; Rose 2014; Integrity 2018]). Явное отсутствие интереса автора к различным теориям ответственности и ее оценкам в этическом и эпистемологическом плане (см., например: [Peels 2017: 16 sq.] ср.: [Moore 2009]) позволяет предположить, что она предпочитает формулировать свое понимание этого концепта в чисто прагматическом плане, т.е. в процессе анализа отдельных сюжетов, примеров и т.д. Об этом, например, свидетельствует и довольно беглое перечисление всем известных «социальных практик», «построенных на принципах ответственного гражданского участия и диалога в северных странах — членах ЕС (Дания, Швеция и Финляндия)» — корректировка пенсионного возраста в Дании, «воспитание стрессоустойчивости учащихся в рамках образовательных программ», наделение муниципалитетов «широкими полномочиями в социальной сфере» и т.п. [Семененко 2019: 17–18].

Сам факт, что ни одна из обозначенных выше теорий даже не упомянута в статье, является, на наш взгляд, лишним подтверждением сформулированной выше гипотезы относительно истинных намерений

автора. То же самое можно заметить и в отношении теории устойчивого развития. По мысли автора, несостоятельность этой научной модели заключается в том, в ее рамках невозможно решить проблему сращения корпоративных интересов бизнеса и управленческой бюрократии, отторгающей «логику ответственности за рост глобальных угроз развитию» [Семененко 2019: 21–22]. Сама по себе эта мысль является спорной, особенно учитывая неопределенность самой перспективы реализации разработанной автором модели. Поэтому стремление И.С. Семененко подчеркнуть рост «критического отношения к модели устойчивого развития» [Семененко 2019: 22], нельзя считать полностью оправданным, учитывая не только огромное количество выходящих за рубежом статей, монографий и материалов многочисленных международных конференций, но и быстро растущую тенденцию к научному синтезу концептов ответственности и устойчивости в рамках одной синтетической модели. Но об этом ниже.

Возникает естественный вопрос — чем обусловлено столь открытое невнимание автора статьи к предшествующим влиятельным теориям мирового развития, многие из которых легко могут даже теперь рассматриваться в качестве альтернативных по отношению к теории ответственного развития? На наш взгляд, ответ лежит на поверхности: утопический идеал позитивного *ответственного будущего* настолько доминирует в тексте И.С. Семененко, что любые угрожающие ему *факторы безответственности*, даже будучи ясно осознаваемыми, тем не менее, спонтанно вытесняются на периферию анализа. Об этом свидетельствует, в частности, отсутствие каких-либо конкретных исторических и политических фактов в авторском описании *безответственного развития*. Автор практически не использует даже тех ресурсов социальный критики, на которые в ее статье имеются ссылки. Речь идет в первую очередь о Бирмингемской школе критического анализа [Семененко 2019: 13], второй руководителем которой — Стюарт Холл, уроженец о. Ямайка — как никто другой подходит на роль современного Рафаила Гитлодея, столь ярко бичевавшего в «Утопии» социальные язвы и нравы в Англии на рубеже XV–XVI вв. (см.: [More 2003: 14–21]). Знаменитый Килбернский манифест, в котором были глубоко проанализированы последствия глобального финансового кризиса 2007–2008 гг., «тяжесть преодоления которого была непропорционально переложена на трудящихся, особо уязвимые и маргинализированные группы» [After Neoliberalism 2015: 10], стал его политическим завещанием. Анализ

этого манифеста в статье Семененко отсутствует и, может быть, не случайно: в отличие от ее ориентации на североевропейскую модель *welfare state* как основы *ответственного развития*, Стюарт Холл и другие авторы манифеста выражают неприкрытый скепсис в отношении самой возможности «возвращения к уже испробованным средствам послевоенных структур государства благосостояния» [After Neoliberalism 2015: 22]. Стюарт Холл и его соратники постоянно возвращают нас к реалиям мировой повседневности — гибридным войнам и полномасштабным военным конфликтам, угрозе ядерной катастрофы, засилью глобальной бюрократии, кризису образования, развитию манипулятивных технологий и созданию на национальном и мировом уровне гигантских пропагандистских машин с целью оболванивания населения и, наконец, очередной волне «переселения народов», захлестывающей Западную Европу. В наши дни даже в некоторых столицах стран Северной Европы, которые автор статьи рассматривает как относительно спокойный анклав, в котором могут беспрепятственно развиваться ростки *ответственного развития*, способствуя «поддержанию биоразнообразия» [Семененко 2019: 18], переселенцы с Юга и Востока уже требуют провозглашения «суверенитета» и введения законов шариата в плотно заселенных ими кварталах. Если потоки мигрантов и далее будут нарастать, то вскоре, возможно, нам останется только утешать себя позаимствованными у О. Шпенглера следующими меланхолическими рассуждениями: «Все ставшее преходяще. Преходящи не только народы, языки, расы, культуры. Через несколько столетий не будет уже никакой западноевропейской культуры, никаких немцев, англичан, французов, как во времена Юстиниана уже не было никаких римлян» [Spengler 2003: 216] и т.п.

Остается еще один важный момент — роль интеллектуалов в обществе и степень их ответственности за политику, проводимую современными элитами. В связи с той немалой ответственностью, которую И.С. Семененко возлагает на этот слой, призванный стать чуть ли не главным мотором осуществления ее собственного плана миропорядка и развития, этот вопрос так или иначе придется обсудить.

Вероятно, по причине того, что разработанный в статье проект — дело далеко не ближайшего будущего, «“поиски” мотивированного на продвижение парадигмы ответственного развития коллективного субъекта или субъектов» [Семененко 2019: 21] осуществляются автором предельно осторожно с элементом некой неопределенности. Надежды

возлагаются то на бизнес, который «может действовать как “ответственный гражданин”» [Семененко 2019: 21], то на «гражданскую идентичность», «носителем которой традиционно является интеллигенция как мыслящее и социально активное сообщество» [Семененко 2019: 22]. При этом автор вполне целенаправленно и довольно необычно противопоставляет интеллигенцию и интеллектуалов: если первая выступает в роли «носителя» гражданской идентичности, то последние — идентичности «профессиональной» [Семененко 2019: 22]. Автор сразу спешит добавить, что «эти идентичности могут тесно переплетаться в индивидуальном опыте» [Семененко 2019: 22], но «классификационный осадок» все же остается в виде неминуемого вопроса: а на чем же, собственно, основано такое противопоставление? Из спонтанных дальнейших пояснений в целом возникает следующая картина: интеллигенция представляется автору в образе предельно обширного и довольно аморфного слоя, который потенциально связан с «гражданской идентичностью» не то «по определению», не то по конкретному признаку «гражданского участия». Интеллектуалы-профессионалы — люди, занятые «в сфере науки, образования, культуры, социальной работы», к которым также причисляются «гражданские и религиозные активисты», становятся «носителями гражданской идентичности» не сразу, но постепенно общаются к ней «в условиях роста глобальной нестабильности» и в прогнозируемом автором ближайшем будущем способны вместе с интеллигенцией образовать более или менее гомогенную структуру «интеллектуальных сообществ», от которых «могут исходить импульсы, направленные на пересмотр нынешних моделей “развития без роста” и “роста без развития”» [Семененко 2019: 22].

Выражая надежду на то, что осуществленная нами реконструкция авторской «базовой классификации» произведена вполне корректно, следует отметить, что она плохо вписывается в современные научные и философские дискуссии. О том, что И.С. Семененко явно не стремится принять в них активное участие, свидетельствует отсутствие в библиографии ее статьи сколько-нибудь авторитетных работ, посвященных проблеме места и роли интеллектуалов в политике. Тем самым она предельно нивелирует в теоретическом плане и «поиск мотивированного субъекта ответственного развития». О причинах подобной позиции судить трудно, но она, безусловно, связана с резко пессимистическими нотами, внезапно прозвучавшими в финале ее работы [Семененко 2019: 23].

В этой связи следует отметить, что автор в своем пессимизме далеко не одинока: элементы подобного настроения присутствуют практически во всех спорах об интеллектуалах и в них постоянно возникают контрастные характеристики и дихотомии, довольно близкие к авторской дилемме между *ответственностью* и *безответственностью*. Истоки современной дискуссии восходят к знаменитой книге Алвина Гоулднера «Будущее интеллектуалов и восхождение нового класса» (1979), в которой он констатировал тенденцию формирования нового социоэкономического порядка и появление «нового класса, состоящего из интеллектуалов и технической интеллигенции (не одно и то же), который вступил в борьбу с группой из промышленников и партийных лидеров, уже установившей в обществе контроль над экономикой» [Gouldner 1979: 1]. С того времени ситуация значительно изменилась. «Характерный момент в спорах об интеллектуалах, — отмечает А. Санду, — отсутствие у них склонности обращаться к государству и власти. Почти перманентное беспокойство относительно выживания интеллектуала и его способности осуществлять полезную социальную роль — лишнее подтверждение того, как мало внимания обращается на то, что именно интеллектуалы должны решать. Речь идет прежде всего о предположительно случайном или естественном разделении интеллектуальной активности и *ответственности* (курсив мой. — В.Г.) внутри общества, которые, в свою очередь, объясняют характер распределения культурных ресурсов и доступа к этим ресурсам внутри общества» [Sandhu 2007: 8].

Общая тенденция дискуссии свидетельствует о том, что вместо идеи корпоративной борьбы за власть Гоулднера на передний план выдвигается индивидуалистский тип интеллектуала, расщепляющийся между образами бунтаря-одиночки и индивида, по собственному выбору представляющего определенные интересы в сфере публичной политики. Например, категорически отрицая существование «приватных» и «публичных» интеллектуалов в качестве отдельных типов, Эдвард Саид в начале 1990-х годов сформулировал собственное видение интеллектуала: «Интеллектуал как представительная фигура, сама по себе имеющая значение, — это тот, кто воочию представляет точку зрения определенного рода, кто отчетливо представляет его или ее взгляды, несмотря на любые препятствия. Мой аргумент заключается в том, что интеллектуалы являются индивидами, имеющими призвание к искусству репрезентации, будь то речь, письмо, обучение, появление на теле-

экранах. И это призвание является важным до тех пор, пока оно признается публично и связано как с приверженностью, так и с риском, смелостью и ранимостью» [Said 1994: 12–13]

Из приведенных выше определений следует, что для понимания позиций современных интеллектуалов одной категории ответственности, вероятно, будет недостаточно, поскольку постоянно возникают сомнения в том, *перед кем именно они будут считать себя ответственными*. Если речь идет о сложных и противоречивых связях представителей интеллектуальной элиты с сильными мира сего, то ответственность так или иначе будет переплетаться с лояльностью. Естественно, последняя категория неприменима в том случае, когда современные интеллектуалы демонстрируют стремление выражать и защищать интересы управляемых или «угнетенных» (см., например: [Bailey, Clarke, Walton 2011: 73–93]).

Такая амбивалентная ситуация подробно охарактеризована в работах Пьера Бурдьё. Французский социолог рассматривал интеллектуалов как «культурную аристократию», стремящуюся оберегать свои титулы культурного нобилитета — свою власть и привилегии — посредством развития идеологии “отличия”. Они представляют собой... “подчиненную фракцию” господствующего класса, выступая в роли подвластных в своих отношениях с теми, кто держит в своих руках экономическую и политическую власть, и все же занимая место внутри господствующего класса. В рамках занимаемой ими ситуативной позиции непредсказуемого равновесия, любые симпатии, которые они могут испытывать по отношению к угнетенным, будут в лучшем случае хрупкими и неопределенными. Как доказывал Бурдьё, несмотря на свое восстание против тех, кого они называют “буржуа”, “они остаются лояльными буржуазному порядку, как это можно наблюдать во все кризисные периоды, когда их специфический капитал и их положение внутри социального порядка действительно подвергаются угрозе”» ([Intellectuals... 1993: 8]; см. также: [Judt 2007; Chomsky 2017: passim]).

Правота научной позиции Бурдьё полностью подтверждается и весьма специфическим характером политического поведения интеллектуалов в посткоммунистических странах. В статье И.С. Семененко ситуация в этом регионе не анализируется в теоретическом плане, вероятно, потому что посткоммунистические процессы плохо вписываются в ее теорию. Роль, которую играла в них интеллигенция практически на всех этапах политических трансформаций, прекрасно анализируется в кни-

ге П. Кинга и И. Селеньи «Теории нового класса: интеллектуалы и власть» и сделанные ими выводы в отношении ответственности интеллектуалов — амбивалентной и непредсказуемой — оптимистичными никак не назовешь, хотя бы потому, что первый этап «бархатных революций» был тесно связан с феноменом, который ученые называют «интеллектуализация бюрократии» [King, Szelényi 2004: XXXI].

Однако в контексте анализируемой статьи нам представляются крайне важными и другие выводы Кинга и Селеньи относительно посткоммунистического феномена, обозначенного в их работе как «неосоциалистические реальные утопии»: «Само их существование показывает, что конец Советского Союза не предполагает конец социалистической идеи. После первоначального шока социалистические интеллектуалы начали развивать новые концепции социалистического проекта, на этот раз формируя их как “утопические” <...> Эти утопии часто принимают форму современного капиталистического общества, именуемого предшествующим поколением социалистов стадией, которую социализм превзошел. Что наиболее важно, некоторые из этих утопий не только принимают рынки в качестве соответствующего интегративного механизма, но также некоторым образом предполагают, что “свободные рынки” возможны только при социализме, когда монополия на собственность устранена» [King, Szelényi 2004: 220]. Неосоциалистические утопии имели свои аналоги в неолиберальных теориях «третьего пути» 1980–1990-х годов. Наиболее выдающимся теоретиком данного направления был Э. Гидденс: «...его программа третьего пути может интерпретироваться как неосоциалистическая реальная утопия» [King, Szelényi 2004: 228].

Разумеется, утопическая конструкция, контуры которой обозначены в статье И.С. Семененко, не может быть полностью отнесена к утопиям неосоциалистического типа. Речь идет скорее о типологическом сходстве самого метода конструирования реальности. В структуре посткоммунистического утопического сознания любые модели, когда-то апробированные в западных странах в послевоенный период, — теории «конвергенции» и «нового индустриального общества», «конца идеологии», леворадикальная контр-культура 1960-х годов, идеи «пражской весны», футурологические идеи А. Тоффлера, гуманизм А. Швейцера, теория устойчивого развития и множество других — легко могут моделироваться, образуя бесчисленное количество гибридных форм, научных и идеологических смесей и проектов, которые лишь опосредованно связаны с реальностью.

Концепцию «ответственного развития» Семененко мы склонны ретроспективно рассматривать как одно из многочисленных проявлений данной тенденции. Это связано в первую очередь с тем, что интерпретации многообразных методологических и научных проблем, связанных с теорией и философией *ответственности*, автор предпочитает конструктивистский априоризм, основанный на «стратегии чистого листа». Огромная научная литература, в которой разрабатываются компромиссные проекты на основе слияния концепций устойчивого развития и ответственности, в ее статье никак не представлена и не является предметом анализа. Даже беглый обзор этой литературы позволяет сделать следующий вывод: судя по всему, устойчивое развитие по-прежнему рассматривается многими учеными как теория, обладающая немалым эвристическим потенциалом (см.: [Christie, Warburton 2001: passim]). Именно потому, что она постоянно обновляется, возникают новые компромиссные варианты ее модернизации или стремления ее полностью преодолеть. На данный момент скепсис нашего автора в отношении данной теории представляется несколько преждевременным. Подобно тому, как Платон в конце жизни разработал компромиссный проект «Законов», создав незабываемый образ второго по совершенству государства, в наши дни ряд ученых, специализирующихся в области теории мировой политики, глобального менеджмента, теории корпоративной социальной ответственности (CSR), идут по его пути, создавая компромиссные модели мирового развития на основе синтеза устойчивости и ответственности с соответствующим этическим и философским обоснованием. Эти концепты начинают взаимодействовать в названиях научных работ и разрабатываться в научном плане.

Вполне разделяя позиции ученых — представителей этого направления, мы выражаем надежду, что, возможно, И.С. Семененко когда-нибудь решит к ним присоединиться. Для этой благой цели представляется возможным даже сделать несколько нетрадиционный шаг, который, впрочем, был подсказан самим автором: на стр. 11 статьи в примечаниях ею был опубликован список работ (как посвященных проблемам глобального развития, так и общеполитических), которые в разные годы были переведены на русский язык (см.: [Семененко 2019: 11]). Судя по всему, список предназначается для студентов и начинающих ученых, поскольку автор специально всех нас предупреждает, что предпочитает цитировать эти работы в оригинале [Семененко

2019: 11]. И хотя все книги из приложенного автором списка уже давно включены в программы соответствующих политологических курсов и активно изучаются студентами и аспирантами, как представитель рядовой университетской профессуры, я, конечно, не могу не оценить этот благородный жест в отношении наших подопечных и прилагаю в примечании небольшой список новейших «компромиссных» книг (разумеется, в оригинале!), которые отсутствуют в библиографии статьи и, возможно, когда-нибудь в дальнейшем автору пригодятся. Только ограниченные размеры статьи не позволяют увеличить этот список в разы¹.

¹ *Corporate Social Responsibility and Diversity Management: Theoretical Approaches and Best Practices*. Ed. by Katrin Hansen, Cathrine Seierstad. Cham, Switzerland: Springer. 2017. 288 p.; *Corporate Social Responsibility in Times of Crisis: Practices and Cases from Europe, Africa and the World*. Ed. by Samuel O. Idowu, Stephen Vertigans, Adriana Schiopoiu Burlea. Cham, Switzerland: Springer. 2017. 271 p.; *Corporate Social Responsibility: Academic Insights and Impacts*. Ed. by Stephen Vertigans, Samuel O. Idowu. Cham, Switzerland: Springer. 2017. 244 p.; Robinson-Easley Chr. A. *Leadership for Global Systemic Change: Beyond Ethics and Social Responsibility*. Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan. 2017. 192 p.; *Current Issues in Corporate Social Responsibility: An International Consideration*. Ed. by Samuel O. Idowu, Catalina Sitnikov, Dalia Simion, Claudiu George Bocean. Cham, Switzerland: Springer. 2018. 262 p.; *Disciplining the Undisciplined?: Perspectives from Business, Society and Politics on Responsible Citizenship, Corporate Social Responsibility and Sustainability*. Ed. by Martin Brueckner, Rochelle Spencer, Megan Paull. Cham, Switzerland: Springer. 2018. 271 p.; *Corporate Responsibility and Digital Communities: An International Perspective towards Sustainability*. Ed. by Georgiana Grigore, Alin Stancu, David McQueen. Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan. 2018. 278 p.; *Sustainability and Social Responsibility: Regulation and Reporting*. Ed. by Graham Gal, Orhan Akisik, William Wooldridge. Singapore: Springer. 2018. 525 p.; Turker D. *Managing Social Responsibility: Functional Strategies, Decisions and Practices*. Cham, Switzerland: Springer. 2018. 185 p.; *The Goals of Sustainable Development: Responsibility and Governance*. Ed. by David Crowther, Shahla Seifi, Abdul Moyeen. Singapore: Springer. 2018. 250 p.; *Responsibility and Governance: The Twin Pillars of Sustainability*. Ed. by David Crowther, Shahla Seifi, Tracey Wond Singapore: Springer. 2019. 255 p.; *Corporate Social Responsibility in Brazil: The Future is Now*. Ed. by Christopher Stehr, Nina Dziatzko, Franziska Struve. Cham, Switzerland: Springer. 2019. 418 p.; Meglio O., Park K. *Strategic Decisions and Sustainability Choices: Mergers, Acquisitions and Corporate Social Responsibility from a Global Perspective*. Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan. 2019. 214 p.

Кто знает, возможно, прилагаемые труды зарубежных специалистов помогут И.С. Семененко усовершенствовать свою теорию и в ближайшем будущем совершить такой же переворот в научном мире, какой в свое время М. Фуко, Ж. Деррида и Ж. Делёз произвели в интеллектуальном мире США. Франсуа Кюссе, рассказавший ученому миру об этой необыкновенной истории, вполне справедливо подчеркивает, что «генеалогия “биополитики” Фуко, комментарии Делёза на наши “поднадзорные общества” и концепция “безусловного гостеприимства” Дерриды, отчеканенные более двадцати лет назад, до сих пор выглядят так, как будто они как раз обращены к нашему положению вещей» [Cusset 2008: XII]. Может быть, и обновленной теории *ответственного развития* будет суждена аналогичная историческая роль. Тем более что в отечественной политологии анализ *ответственности и ответственного поведения* в наши дни является уделом немногих.

Литература

- Семененко И.С. Горизонты ответственного развития: от научного дискурса к политическому управлению // Полис. Политические исследования. 2019. № 3. С. 7–26.
- Ackerly B.A. Just Responsibility: A Human Rights Theory of Global Justice. N.Y.: Oxford University Press, 2018. 291 p.
- After Neoliberalism: The Kilburn Manifesto / ed. by S. Hall, D. Massey, M. Rustin. L.: Lawrence & Wishart, 2015. 223 p.
- Bailey M., Clarke B., Walton J. K. Understanding Richard Hoggart: A Pedagogy of Hope. Oxford: Wiley-Blackwell, 2011. 219 p.
- Beck U. Living Your Own Life in a Runaway World: Individualization, Globalization and Politics // Global Capitalism / ed. by W. Hutton, A. Giddens. N.Y.: The New York Press, 2000. P. 163–173.
- Chomsky N. The Responsibility of Intellectuals. N.Y.: The New Press, 2017. 143 p.
- Christie I., Warburton D. From Here to Sustainability: Politics in the Real World. L.; Sterling VA: Earthscan Publications Ltd., 2001. 223 p.
- Crossley C. French Historians and Romanticism: Thierry, Guizot, the Saint-Simonians, Quinet, Michelet. L.; N.Y.: Routledge, 1993. 287 p.
- Cusset F. French Theory: How Foucault, Derrida, Deleuze & Co. Transformed the Intellectual Life of the United States. L.; Minneapolis: University of Minnesota Press, 2008. 388 p.
- Dierksmeier C. Qualitative Freedom — Autonomy in Cosmopolitan Responsibility. Cham, Switzerland: Springer, 2019. 365 p.
- Fukuyama F. The End of History and the Last Man. N.Y.; Toronto: The Free Press, 1992. 418 p.

- Giddens A.* The Third Way and Its Critics. Cambridge: Polity Press, 2000. 190 p.
- Gouldner A.W.* The Future of Intellectuals and the Rise of the New Class: A Frame of Reference, Theses, Conjectures, Arguments, and an Historical Perspective on the Role of Intellectuals and Intelligentsia in the International Class Contest of the Modern Era. L.; Basingstoke: The Macmillan Press Ltd., 1979. 121 p.
- Hartman L., DesJardins J. MacDonald Chr.* Business Ethics: Decision-Making for Personal Integrity & Social Responsibility. N.Y.: McGraw-Hill; Irwin. 2007. 589 p.
- Höffe O.* Democracy in the Age of Globalization. Dordrecht: Springer, 2007. 350 p.
- Iggers G.G.* The Cult of Authority. The Political Philosophy of the Saint-Simonians. Second Edition. The Hague: Martinus Nijhoff. 1970. 214 p.
- Inglehart R., Welzel Chr.* Modernization, Cultural Change, and Democracy. The Human Development Sequence. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 333 p.
- Integrity for Good Governance in Latin America and the Caribbean: From Commitments to Action. Paris: OECD, 2018. 128 p.
- Intellectuals in Twentieth-Century France: Mandarins and Samurai / ed. by J. Jennings. Houndmills, Basingstoke; L.: Palgrave Macmillan, 1993. 233 p.
- Judt T.* The Burden of Responsibility: Blum, Camus, Aron, and the French Twentieth Century. Chicago; L.: The University of Chicago Press, 2007. 196 p.
- Kellison R.* Expanding Responsibility for the Just War: A Feminist Critique. N.Y.: Cambridge University Press, 2019. 256 p.
- Kershnar S.* Total Collapse: The Case against Responsibility and Morality. Cham, Switzerland: Springer, 2018. 193 p.
- King P., Szelényi I.* Theories of the New Class: Intellectuals and Power. Minneapolis; L.: University of Minnesota Press, 2004. 268 p.
- Moore M.S.* Causation and Responsibility: An Essay in Law, Morals, and Metaphysics. Oxford: Oxford University Press, 2009. 605 p.
- More T.* Utopia. Revised Edition / ed. by G.M. Logan, R.M. Adams. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 134 p.
- Peels R.* Responsible Belief. A Theory in Ethics and Epistemology. N.Y.: Oxford University Press, 2017. 272 p.
- Reflections on Ethics and Responsibility: Essays in Honor of Peter A. French / ed. by Z.J. Goldberg. Cham, Switzerland: Springer, 2017. 252 p.
- Rose J.* The Public Understanding of Political Integrity: The Case for Probity Perceptions. L.: Palgrave Macmillan, 2014. 172 p.
- Said E.* Representations of the Intellectual: The 1993 Reith lectures. N.Y.: Vintage Books, 1994. 121 p.
- Sandhu A.* Intellectuals and the People. L.: Palgrave Macmillan, 2007. 243 p.
- Social Dimensions of Moral Responsibility / ed. by K. Hutchison, C. Mackenzie, M. Oshana. N.Y.: Oxford University Press, 2018. 330 p.
- Spengler O.* Der Untergang des Abendlandes. Umriss einer Morphologie der Weltgeschichte. München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 2003. 1247 S.

Tholen B. Virtue and Responsibility in Policy Research and Advice. Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan, 2018. 111 p.

Unger R.M. What Should the Left Propose? L.; N.Y.: Verso, 2005. 179 p.

Wyatt S.J. The Responsibility to Protect and a Cosmopolitan Approach to Human Protection. Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan, 2019. 275 p.

Zsolnai L. Ethics, Meaning, and Market Society. N.Y.; L.: Routledge, 2017. 86 p.

THE UNSTABLE RESPONSIBILITY: CONTOURS OF UTOPIA

V. Gutorov¹

Citation: Gutorov V. Neustoychivaya otvetstvennost': kontury utopii [The unstable responsibility: contours of utopia]. *Vlast' i elity* [Power and Elites], 2019, 6 (2): 176–195. (In Russian)

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2019.6.2.7>

Abstract. *The purpose of the article is to single out and discuss a number of theoretical and methodological problems identified in the work of I.S. Semenenko “Horizons of responsible development: from scientific discourse to political management”. The I.S. Semenenko’s article, of course, has a programmatic nature and is the first experience related to the interpretation of the concept of responsibility in the Russian political science. In today’s global humanitarian discourse, the study of responsibility problems is extremely diverse and clearly tends to be interdisciplinarity: ethical, philosophical and anthropological issues are closely intertwined with various aspects of political and sociological analysis. Therefore, one should have expected the appearance of works in which the theoretically developed “model of responsibility” will be the basis for the interpretation of the problems of modern global development. The work of I.S. Semenenko, having some parallels with the politicized utopian version of “academic eschatology” presented in the book by F. Fukuyama “The End of History” (1992), attracts attention, first of all, by the characteristic features of scientific*

¹ The article was prepared with the support of the Russian Foundation for Basic Research and the Expert Institute of Social Research, project no. 19-011-31066 “Symbolic politics in modern Russia: global risks, civil identity and vectors of historical memory”.

axiomatics that are very clearly seen. It is related to the type of abstract construction of utopian space, which was most fully reflected in the work of A. de Saint-Simon, who very creatively used the ideas of the “social engineering” of “Utopia” by T. More and the “City of the Sun” by T. Campanella. It discusses precisely the ideal of the future, because, having outlined its general contours, the author at the end of his work directly states: “Responsible development is not on the political agenda today. This is an open opportunity, a possible constructive alternative to the negative dynamics of modern social relations”. The apparent lack of interest of the author in various theories of responsibility and its assessments in ethical and epistemological terms suggests that she prefers to formulate her understanding of this concept in a purely pragmatic sense. The article focuses on the contradictions between the theoretical position of I.S. Semenenko, associated with the description of the North European model of “welfare society” and a critical analysis of this model by the theoreticians of the Birmingham School of Critical Analysis, the most striking example of which is the famous Kilburn Manifesto (2013). Similar contradictions are found in the author’s analysis of various aspects of the activities of intellectuals in terms of their promising role as a warrantor of responsible development.

Keywords: responsible development, scientific axiomatics, utopianism, sustainable development, ethics, politics, modernization, critical analysis, social dynamics, intellectuals.

References

- Ackerly B. A. *Just Responsibility: A Human Rights Theory of Global Justice*. New York: Oxford University Press, 2018. 291 p.
- After Neoliberalism: The Kilburn Manifesto*. Ed. by S. Hall, D. Massey, M. Rustin. London: Lawrence & Wishart, 2015. 223 p.
- Bailey M., Clarke B., Walton J. K. *Understanding Richard Hoggart: A Pedagogy of Hope*. Oxford: Wiley-Blackwell, 2011. 219 p.
- Beck U. Living Your Own Life in a Runaway World: Individualization, Globalization and Politics. In: *Global Capitalism*. Ed. by W. Hutton, A. Giddens. New York: The New York Press, 2000, pp. 163–173.
- Chomsky N. *The Responsibility of Intellectuals*. New York: The New Press, 2017. 143 p.
- Christie I., Warburton D. *From Here to Sustainability: Politics in the Real World*. London; Sterling VA: Earthscan Publications Ltd., 2001. 223 p.
- Crossley C. *French Historians and Romanticism: Thierry, Guizot, the Saint-Simonians, Quinet, Michelet*. London; New York: Routledge, 1993. 287 p.
- Cusset F. *French Theory: How Foucault, Derrida, Deleuze, & Co. Transformed the Intellectual Life of the United States*. London; Minneapolis: University of Minnesota Press. 2008. 388 p.
- Dierksmeier C. *Qualitative Freedom — Autonomy in Cosmopolitan Responsibility*. Cham, Switzerland: Springer, 2019. 365 p.

Fukuyama F. *The End of History and the Last Man*. New York; Toronto: The Free Press, 1992. 418 p.

Giddens A. *The Third Way and Its Critics*. Cambridge: Polity Press, 2000. 190 p.

Gouldner A. W. *The Future of Intellectuals and the Rise of the New Class: A Frame of Reference, Theses, Conjectures, Arguments, and an Historical Perspective on the Role of Intellectuals and Intelligentsia in the International Class Contest of the Modern Era*. London; Basingstoke: The Macmillan Press Ltd., 1979. 121 p.

Hartman L., DesJardins J. MacDonald Chr. *Business Ethics: Decision-Making for Personal Integrity & Social Responsibility*. New York: McGraw-Hill; Irwin, 2007. 589 p.

Höffe O. *Democracy in the Age of Globalization*. Dordrecht: Springer, 2007. 350 p.

Iggers G. G. *The Cult of Authority. The Political Philosophy of the Saint-Simonians*. Second Edition. The Hague: Martinus Nijhoff, 1970. 214 p.

Inglehart R., Welzel Chr. *Modernization, Cultural Change, and Democracy. The Human Development Sequence*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 333 p.

Integrity for Good Governance in Latin America and the Caribbean: From Commitments to Action. Paris: OECD, 2018. 128 p.

Intellectuals in Twentieth-Century France: Mandarins and Samurais. Ed. by J. Jennings. Houndmills, Basingstoke; London: Palgrave Macmillan, 1993. 233 p.

Judt T. *The Burden of Responsibility: Blum, Camus, Aron, and the French Twentieth Century*. Chicago; London: The University of Chicago Press, 2007. 196 p.

Kellison R. *Expanding Responsibility for the Just War: A Feminist Critique*. New York: Cambridge University Press, 2019. 256 p.

Kershner S. *Total Collapse: The Case against Responsibility and Morality*. Cham, Switzerland: Springer, 2018. 193 p.

King P., Szelényi I. *Theories of the New Class: Intellectuals and Power*. Minneapolis; London: University of Minnesota Press, 2004. 268 p.

Moore M.S. *Causation and Responsibility: An Essay in Law, Morals, and Metaphysics*. Oxford: Oxford University Press, 2009. 605 p.

More T. *Utopia. Revised Edition*. Ed. by G.M. Logan, R.M. Adams. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 134 p.

Peels R. *Responsible Belief. A Theory in Ethics and Epistemology*. New York: Oxford University Press, 2017. 272 p.

Reflections on Ethics and Responsibility: Essays in Honor of Peter A. French. Ed. by Z.J. Goldberg. Cham, Switzerland: Springer, 2017. 252 p.

Rose J. *The Public Understanding of Political Integrity: The Case for Probity Perceptions*. London: Palgrave Macmillan, 2014. 172 p.

Said E. *Representations of the Intellectual: The 1993 Reith lectures*. New York: Vintage Books, 1994. 212 p.

Sandhu A. *Intellectuals and the People*. London: Palgrave Macmillan, 2007. 243 p.

Semenenko I.S. Gorizonty otvetstvennogo razvitiya: ot nauchnogo diskursa k politicheskomu upravleniyu [Semenenko I.S. 2019. Horizons of Responsible

Development: from Discourse to Governance]. *Polis. Politicheskiye issledovaniya* [Polis. Political Studies], 2019, 3, pp. 7–26. (In Russian).

Social Dimensions of Moral Responsibility. Ed. by K. Hutchison, C. Mackenzie, M. Oshana. N New York: Oxford University Press, 2018. 330 p.

Spengler O. *Der Untergang des Abendlandes. Umriss einer Morphologie der Weltgeschichte*. München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 2003. 1247 S.

Tholen B. *Virtue and Responsibility in Policy Research and Advice*. Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan, 2018. 111 p.

Unger R.M. *What Should the Left Propose?* London; New York: Verso, 2005. 179 p.

Wyatt S. J. *The Responsibility to Protect and a Cosmopolitan Approach to Human Protection*. Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan, 2019. 275 p.

Zsolnai L. *Ethics, Meaning, and Market Society*. New York; London: Routledge, 2017. 86 p.

РАЗМЫШЛЕНИЕ НАД КНИГОЙ

«КТО ЗДЕСЬ ГЛАВНЫЙ?». ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЛИДЕР В ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ

Размышления по поводу книги Арчи Брауна
«Типы лидеров: определить, найти подход,
добиться своего»

Л.А. Фадеева

Цитирование: Фадеева Л.А. «Кто здесь главный?». Политический лидер в институциональном контексте // Власть и элиты. 2019. Т. 6. № 2. С. 196–204.

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2019.6.2.8>

Аннотация. Рецензируется книга Арчи Брауна «Типы лидеров: определить, найти подход, добиться своего». Показывается, что автор не только рассказывает о политических лидерах, но и дает важный исторический контекст и анализирует их поведение в связи с существующими институтами и культурой. Анализ книги сосредоточен на авторском подходе, включающем определенный набор понятий и изучение модели поведения лидеров. Вместе с тем указывается на определенный отход от научной объективности и пристрастие автора в подборе исторического и политического материала.

Ключевые слова: *лидеры, лидерство, партии, политика.*

Объяснение вольности перевода названия книги известного английского историка, профессора Оксфордского университета Арчи Брауна российскими издателями и аннотирование его труда как своеобразного пособия по эффективному менеджменту я предоставлю другим авторам. Оригинальное название книги Арчи Брауна — «Миф о сильном лидере: политическое лидерство в современном мире» (*Brown, Archie. The Myth of the Strong Leader: Political Leadership in the Modern Age. New*

York: Basic Books, 2014. х, 466 р.). Справедливости ради, стоит отметить, что издатели в какой-то мере отразили название книги и миссию автора в стилизованных рисунках на обложке: Маркс, Ленин, Сталин в первом ряду, Хомейни, Че Гевара, Хусейн — во втором, и в третьем некоторое разнообразие: центральная фигура Мао обрамлена слева Махатмой Ганди, а справа — Маргарет Тэтчер.

Браун представил широкую палитру политических лидеров не в виде портретов или очерков, а как ширококомасштабную комплексную картину, в которой политические лидеры тесно вписаны в контекст своей политической системы, культуры, окружения, институтов. В книге немало экскурсов в историю, цитат из исторических источников, примеров из отдаленного прошлого, но меседж автора адресован современности. Именно сейчас проблема сильного лидера не просто обсуждается, но муссируется и призвана легитимировать изменения правил игры, включая институциональные перемены. Он начинает с мифа о сильном лидере, который приобрел небывалую популярность в современном мире, где каждый стремится доказать, какой он сильный. Браун справедливо замечает, что существует значительная разница между тем, чтобы избегать слабого руководства, которое никому не может нравиться, и стилем политического лидерства, когда лидер стремится встать над институтами, трансформировать их для увеличения своих полномочий и власти.

Автор исключительно последователен в изложении материала, подборе фактов и примеров, в своей исследовательской модели, отраженной в оригинальном названии книги. Он вкладывает в понятие «миф» нормативный смысл, стремясь доказать, что представления о преимуществах и достоинствах сильного политического лидерства в значительной степени иллюзорны и сформированы самими лидерами и их окружением.

Браун обстоятельно характеризует исторический, культурный, политический, институциональные контексты политического лидерства. Один из ключевых моментов его подхода выражен в форме двух исторических анекдотов. Первый относится к герцогу Веллингтону, который, став главой кабинета, был шокирован поведением членов кабинета: «Я отдаю им приказы, а они хотят остаться и обсудить их!» Второй сформулирован как вопрос не слишком сведущей журналистки по поводу американской политической системы: «Кто здесь главный?» Браун считает, что в современном демократическом государстве единственно

правильный ответ: «Никто», — поскольку лидер действует в рамках устоявшихся институтов и практик, во взаимодействии со своими сторонниками, с политической партией, которую он представляет, с учетом интересов избирателей, на чью поддержку он опирается.

Индивидуальное и коллективное, институты лидерства, партии как фрейм политического лидерства, одновременно стимулирующие и сдерживающие лидеров в их деятельности, — эти вопросы рассматриваются автором наиболее детально на примере британских и американских политиков. Это понятно в связи с его полувековым опытом не только в плане исследования политики, но и в плане взаимодействия с политиками разного уровня, для которых Оксфордский колледж Святого Антония был и местом учебы, и средоточием общности *old school ties*, и своего рода *think tank*. Многим из них Браун выражает благодарности в заключительной части своей книги.

Некоторые политические фигуры в характеристике Брауна выглядят совсем иначе, чем обычно. Так, иными красками вырисована личность Клементы Эттли как политика. Обычно исследователи говорят о Лейбористской партии, ее трансформации, программе «Лицом к будущему». Эттли выглядит как функционер, никакими лидерскими качествами не обладавший. Важную лепту в такую оценку внес уязвленный результатами выборов 1945 г. Черчилль. Широко известна брошенная им фраза: «Мистер Эттли в самом деле очень скромный человек; действительно, ему нечем гордиться». И внешность лейбористского руководителя подходила больше клерку, нежели лидеру, контрастировала с харизматичным Черчиллем. Однако Браун напоминает, что Эттли был заместителем премьера и единственным, кроме Черчилля, членом кабинета, сохранявшим свою должность все военное время. Браун приводит в качестве примера письмо из двух тысяч слов (что для обычно немногословного Эттли было показателем крайней важности ситуации), адресованное Черчиллю по поводу его некорректного поведения на заседаниях правительственных комиссий и пренебрежения ролью военного кабинета. Письмо написано крайне сдержанно, но политическая воля в нем отражена определенно, упреки премьер-министру справедливы, что он и сам вынужден был отметить с не свойственным ему смирением, правда, далеко не сразу, а после размышлений и внушений со стороны жены Клементины и близкого ему лорда Бивербрука.

Другой пример — Линдон Джонсон, так же, как и Эттли, выглядевший блекло по сравнению с ярким и харизматичным Джоном Кеннеди.

На фоне вьетнамской войны, ставшей безусловным провалом американской политики и обусловившей уход Джонсона с политической авансцены, этот политик чаще всего приводится как пример неудачника. Браун предлагает посмотреть на лидерство Джонсона с неожиданной стороны. Он показывает, как искусно Джонсон прибрал к рукам Сенат, насколько умело он руководил им, считал, что ни до, ни после Джонсона никому не удавалось это сделать. Он напоминает также, что именно Джонсон провел законы о гражданских правах, которые стали самым существенным продвижением в области прав человека в США после отмены рабства.

Браун приводит массу интересных примеров в доказательство того, как неудачно может складываться судьба сильных политических лидеров, если они переоценивают собственную значимость и влияние и недооценивают общественные настроения, как это было с Черчиллем в 1945 г., и настроения внутри ближайшего политического окружения, которое пагубно сказалось на политической судьбе Маргарет Тэтчер.

При этом Браун избегает черно-белого изображения политических лидеров. Ему представляется устаревшей типология, в которой лидеры располагаются по шкале «авторитарные — демократические» или «администраторы — теоретики». Он предлагает не делить их на плохих и хороших, но оценивать их лидерство с позиции, как оно повлияло на общество. Отсюда его выделение лидеров переосмысливающих и преобразующих. Сама по себе идея выделения таких типов не нова, но Браун наполняет ее предельно детальным и конкретным содержанием. К переосмысливающим он относит в США Франклина Рузвельта, Линдона Джонсона, Рональда Рейгана, в Британии — либеральное правительство 1906–1912 гг., лейбористское правительство Эттли 1945–1951 гг., Маргарет Тэтчер. Наиболее важным типом политического лидерства Браун считает лидерство преобразующее. Недостаточно быть вдохновителем, переосмыслить ситуацию, необходимо провести новые идеи в жизнь. В этом плане Махатма Ганди не был преобразующим лидером, как и Борис Ельцин. Браун пишет, что Ельцин использовал то пространство, которое было создано Горбачевым. А вот Лех Валенса, на его взгляд, намного больше подходит на роль преобразующего лидера.

Браун предлагает определение преобразующих лидеров как тех, кто играет решающую роль в проведении системных изменений внутри страны и на международной арене. При этом они не используют насильственных методов достижения власти или физических способов

разделаться со своими оппонентами. Их результаты позитивны и долговечны.

Браун представляет тех, кого считает преобразующими лидерами: во Франции — Шарль де Голль, в Испании — Адольфо Суарес, в Китае — Дэн Сяопин, в ЮАР — Нельсон Мандела, в России — Михаил Горбачев. Симпатии Брауна к Горбачеву известны, многие другие авторы руководствуются суждениями этого исследователя в оценках Горбачева. «Человек, который оказал наиболее глубокое влияние на мировую историю двадцатого столетия», — с этой цитаты Брауна начинается очерк о Горбачеве автор другой книги о политических лидерах — Брюс Джентльсон, однако, признавая преобразующую роль Горбачева, он напоминает, что преобразующее лидерство может быть представлено опасной активностью, если оно ставит под сомнение ценности, надежды, верования, образ жизни людей, что характерно для случая Горбачева [Jentleson 2018]. Симпатии Брауна к Горбачеву сложились в годы перестройки, когда он много общался с ним и другими российскими политиками и опубликовал ряд книг о российской политике того времени.

Представление политического лидерства в авторитарных и тоталитарных режимах в книге достаточно предсказуемо. Впрочем, читатель найдет много тщательно и живо прописанного фактологического материала. Сталин, Мао, Гитлер, Муссолини — их характеристики даны убедительно и детально, оценки понятны, может быть, только Фидель Кастро оценивается неожиданно позитивно, не просто как лидер, борющийся с диктатурой, обладавший харизмой, но и как человек, не прилагавший усилий для формирования своего культа и не нажившийся финансово на своем посту, как пишет Браун, «не зарывший миллионов в Швейцарии».

Особая глава отведена внешнеполитическим аферам политических лидеров. Браун рассматривает в качестве примера политику умиротворения Невилла Чемберлена, Суэцкую авантюру Антони Идена и продавливание Тони Блэром вторжения в Ирак. Во всех этих случаях он улавливает несколько закономерностей, к которым относится желание лидера усилить свои позиции, показать свое преимущество перед другими политиками как в своей стране, так и за рубежом, пренебрежительное отношение к позиции коллег по партии и кабинету. Они бы хотели в ответ на вопрос «Кто здесь главный?», заявить: «Я!» И это имело пагубные результаты для них, для страны и для мира в целом.

Браун приводит в качестве противоположного примера ситуацию, описанную в воспоминаниях бывшего министром иностранных дел в правительстве Г. Вильсона Д. Хили, который рассказывает, что у Вильсона был соблазн вступить во вьетнамскую войну, но Хили твердо возразил премьеру: «Ни за что!» Браун позволяет себе порассуждать, что было бы если... Если бы Альберт Гор, а не Джордж Буш-младший стал президентом США (что было бы справедливо по результатам выборов), вторжения в Ирак можно было бы избежать и мир был бы другим.

При всем стремлении к объективности симпатии и антипатии Брауна проявляются как в некоторых характеристиках, так и в умолчании. Так, он умалчивает о Фолклендском кризисе и его влиянии на позиции Тэтчер. Очевидно, что введение этой ситуации в анализ могло бы поломать авторскую схему, в которой претензия лидера на роль главного всегда чревата негативными последствиями.

Браун не ставит знака равенства между такими претензиями и реальными способностями лидера взять на себя ответственность и решить острые вопросы. Так, к преобразующим лидерам он довольно неожиданно в контексте его исследования относит Шарля де Голля на том основании, что тот сумел спасти страну, преобразовать политическую систему, сделал ее современной и адекватной, и решить алжирский вопрос.

Заключительная часть книги озаглавлена в виде вопроса «Какое лидерство нам нужно?» Браун не дает список черт идеального лидерства. Он отвечает на поставленный вопрос посредством примеров, которые считает показательными для доказательства того, что способность к коллегиальной работе успешному взаимодействию с неудобными, но талантливыми политиками намного превосходит по результативности искусственно созданный драматизм ситуации, когда лидер отвечает за все и решает все сам.

Модели поведения Линкольна, Трумэна, Эйзенхауэра противопоставляются попыткам «наполеоновского стиля» руководства Тэтчер и Блэра. И вновь короткий эпизод, воспроизводимый Брауном по воспоминаниям, дает точное представление об этом стиле политического лидерства. Член кабинета Кеннет Кларк вспоминал, как Тэтчер воскликнула: «Ну почему в этом правительстве я должна заниматься всем?» Он прокомментировал это так: «Думаю, что в этот момент я был не единственным из присутствующих, кто мысленно сказал ей: “Проб-

лема в том, Маргарет, что Вам кажется, что Вы должны так поступать. А Вы не должны. И не можете» [Браун 2019: 434]. Впрочем, по мнению Брауна, Блэр в пренебрежении мнением коллег пошел дальше Тэтчер. В отношении Блэра он проявляет наименьшую терпимость в оценках, прежде всего, но не исключительно за его внешнеполитический курс.

Браун неоднократно поднимает вопрос о роли партий в политическом лидерстве и роли лидера в политической партии. Он четко формулирует свою позицию: «Лидерам следует относиться к своим партиям не как к инструменту реализации своих амбиций, но как к совместному начинанию по продвижению наиболее широко разделяемых целей и ценностей этого объединения» [Браун 2019: 346]. При этом автор отдает себе отчет и поясняет читателям, какие процессы происходят в современном мире с политическими партиями относительно диффузии идеологических платформ, бюрократизации, снижения доверия граждан к партиям как политическим институтам. Особенно пагубным он считает нарастание пренебрежительного отношения лидеров к рядовым членам своих партий, что неоднократно приводило к серьезным политическим скандалам. Браун рассуждает о том, что политические партии являются проверенным временем институтом, даже если время и изменило в них многое. На его взгляд, партии остаются важны как для сохранения и продвижения демократии, так и для демократического лидерства. Заменой партии могут быть группы прямого действия, что представляет угрозу для политических систем в целом.

Несмотря на то что Браун избегает прямых рецептов, каким должно быть политическое лидерство, он твердо убежден и четко формулирует, каким оно не должно быть. «Лидеры, уверенные в том, что обладают правом на принятие личных решений в самых различных областях политики и настойчиво пытающиеся реализовать подобную прерогативу, оказывают медвежью услугу и делу добросовестного государственного управления, и делу демократии. Они заслуживают не последователей, но критиков», — такими словами завершается содержательная часть его книги [Браун 2019: 352]. Впрочем, последующие 50 страниц примечаний и источников тоже представляют интерес для исследователей, тем более что многие замечания даны развернуто. Важное уточнение относительно типов лидерства представлено именно в примечании, где Браун поясняет, что преобразующее лидерство включает позитивные коннотации, в отличие от переосмысливающего, которое может вызывать одобрение одних и осуждение других.

Браун обращается и к таким сюжетам, как революции и их лидеры, считая возможным говорить о лидерах революций (русская 1917 г., кубинская, установление коммунистических режимов в Европе и Азии после Второй мировой войны), революциях без лидеров (иранская революция, арабская весна) и нереволуциях (крушение коммунистических режимов в Европе). Такой широкий охват событий и персонажей неизбежно ведет к беглости анализа. Представляется, что этот раздел выглядит своего рода «побочным продуктом», который отвлекает от магистральной авторской мысли о сильном лидере как мифе, набирающем популярность в современном мире. Впрочем, обилие материала, стремление автора охватить всю проблематику политического лидерства в современном мире делает неизбежной возможность самых разных упреков в его адрес.

Книга Брауна информативна, фундирована, написана живым и ярким языком, читается с увлечением и удовольствием. Автор избегает морализаторства, насколько это возможно при наличии четкой авторской позиции, как политической, так и моральной. «Кто здесь главный?» — неправильный вопрос, который диктуется тщеславием политиков и стимулируется массовой культурой. Политические лидеры, которые нужны современному миру, не заикливаются на подобного рода играх, а ищут ответы на другие, жизненно важные для общества вопросы.

Литература

Браун А. Типы лидеров: определить, найти подход, добиться своего. М.: ЭКСМО, 2019. 416 с.

Jentleson B. W. The Peacemakers. Leadership Lessons from Twentieth-Century Statesmanship. New York; London: W.W. Norton Company, 2018. 372 p.

“WHO IS IN CHARGE HERE?” POLITICAL LEADER IN AN INSTITUTIONAL CONTEXT

Reflections on Archie brown’s Book “The MYTH OF THE STRONG LEADER: POLITICAL LEADERSHIP IN THE MODERN AGE”

L. Fadeeva

Citation: Fadeeva L. «Kto zdes’ glavnyy?». Politicheskii lider v institutsional’nom kontekste [“Who is in charge here?” Political leader in an institutional context]. *Vlast’ i elity* [Power and Elites], 2019, 6 (2): 196–204. (In Russian)

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2019.6.2.8>

Abstract. *Archive Brown’s book, Types of Leaders: Define, Find an Approach, and Achievement, is reviewed. It is shown that the author not only talks about political leaders, but also gives an important historical context and analyzes their behavior in connection with existing institutions and culture. The analysis of the book focuses on the author’s approach, which includes a certain set of concepts and a study of the behavior patterns of leaders. At the same time, a certain departure from the scientific objectivity and bias of the author in the selection of historical and political material is also indicated.*

Keywords: *leaders, leadership, parties, politics.*

References

Brown A. *Tipy liderov: opredelit’, nayti podkhod, dobit’sya svoeyego* [Types of leaders: identify, find an approach, achieve your goal]. Transl. from English to Russian. Moscow: EKSMO, 2019. 416 p.

Jentleson, Bruce W. *The Peacemakers. Leadership Lessons from Twentieth-Century Statesmanship*. New York; London: W.W. Norton Company, 2018. 372 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Быстрова Алла Сергеевна, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник сектора социологии власти и гражданского общества Социологического института РАН — филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (abc_46@mail.ru).

Гуторов Владимир Александрович, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой теории и философии политики факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета (gut-50@mail.ru).

Даугавет Александра Борисовна, научный сотрудник сектора социологии власти и гражданского общества Социологического института РАН — филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (a.daugavet@socinst.ru).

Дука Александр Владимирович, кандидат политических наук, заведующий сектором социологии власти и гражданского общества Социологического института РАН — филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук; доцент кафедры теории и философии политики факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета (alexander-duka@yandex.ru).

Зоткин Андрей Алексеевич, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии философского факультета Таврической академии Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского (and.zotkin@yandex.ru).

Карбаинов Николай Иванович, научный сотрудник сектора истории российской социологии Социологического института РАН — филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (nkarbainov@gmail.com).

Колесник Наталья Владимировна, кандидат социологических наук, ученый секретарь, старший научный сотрудник сектора социологии власти и гражданского общества Социологического института РАН — филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (n.kolesnik@socinst.ru).

Невский Андрей Владимирович, младший научный сотрудник сектора социологии власти и гражданского общества Социологического института РАН — филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (anevskij@yandex.ru).

Римский Владимир Львович, заведующий отделом социологии Фонда «Информатика для демократии» (ИНДЕМ) (vrim@yandex.ru).

Рождественская Елена Юрьевна, доктор социологических наук, профессор факультета социальных наук Научно-исследовательского университета «Высшая школа экономики»; ведущий научный сотрудник сектора исследования социальных изменений качественными методами Института социологии РАН

Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (erozhdestvenskaya@hse.ru).

Тев Денис Борисович, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник сектора социологии власти и гражданского общества Социологического института РАН — филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (denis_tev@mail.ru).

Фадеева Любовь Александровна, доктор исторических наук, профессор кафедры политических наук историко-политологического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета; главный редактор журнала «Вестник Пермского университета. Политология» (lafadeeva2007@yandex.ru).

Швая Андрей Юрьевич, младший научный сотрудник сектора социологии власти и гражданского общества Социологического института РАН — филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (andrewshvaya@gmail.com).

CONTRIBUTORS

Bystrova, Alla, Candidate of Sc. (Economics), senior researcher of the Department of Sociology of authority, power structures and civil society, Federal State Institution of Science, Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg) (abc_46@mail.ru).

Daugavet, Aleksandra, researcher of the Department of Sociology of authority, power structures and civil society, Federal State Institution of Science, Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg) (a.daugavet@socinst.ru).

Duka, Aleksandr, Candidate of Sc. (Political Sc.), Head of the Department of Sociology of authority, power structures and civil society, Federal State Institution of Science, Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg); Assistant Professor of the Department of Theory and Philosophy of Politics, St. Petersburg State University, Faculty of Political science (alexander-duka@yandex.ru).

Fadeeva, Liubov, Dr. of Sc. (History), Professor of Politics, Political Science Department, Perm State University; Chief-editor of journal “Bulletin of Perm University. Political Science” (lafadeeva2007@yandex.ru).

Gutorov, Vladimir, Dr. of Sc. (Philosophy), Professor, Head of the Department of Theory and Philosophy of Politics, Faculty of Political Science, Saint-Petersburg State University, Russia (gut-50@mail.ru).

Karbainov, Nikolay, researcher of the Department of the History of the Russian Sociology, Federal State Institution of Science, Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg) (nkarbainov@gmail.com).

Kolesnik, Natalya, Candidate of Sc. (Sociology), senior researcher of the Department of Sociology of authority, power structures and civil society, Federal State Institution of Science, Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg) (n.kolesnik@socinst.ru).

Nevskiy, Andrey, junior researcher of the Department of Sociology of authority, power structures and civil society, Federal State Institution of Science, Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg) (anevskij@yandex.ru).

Rimskiy, Vladimir, Head of the Sociological department of the INDEM (“Information Science for Democracy”) Foundation (vrim@yandex.ru).

Rozhdestvenskaya, Elena, Dr. of Sc. (Sociology), Professor, Faculty of Social Sciences, Research University Higher School of Economics, Main Researcher, Federal State Institution of Science, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences (erozhdestvenskaya@hse.ru).

Shvaya, Andrey, junior researcher of the Department of Sociology of authority, power structures and civil society, Federal State Institution of Science, Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg) (andrewshvaya@gmail.com).

Teв, Denis, Candidate of Sc. (Sociology), senior researcher of the Department of Sociology of authority, power structures and civil society, Federal State Institution

of Science, Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg)
(denis_tev@mail.ru).

Zotkin, Andrey, Candidate of Sc. (Sociology), Associate Professor, Department
of Sociology, Philosophical Faculty of the Taurida Academy of the V.I. Vernadsky
Crimean Federal University (and.zotkin@yandex.ru).

Научное издание

ВЛАСТЬ И ЭЛИТЫ

ТОМ 6

Выпуск 2

Под редакцией А.В. Дуки

Редактор *М.В. Банкович*
Компьютерный макет *Н.И. Пашковской*

Подписано в печать 25.12.2019.
Формат 60×84/16. Усл. п. л. 12,1. Уч.-изд. л. 12,4.
Печать офсетная. Тираж 300 экз. Заказ № .

Издательство «Интерсоцис».
190005, Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14.

Отпечатано в типографии «Реноме».
192007, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 40